

Троицкие листки

(духовно-нравственное чтение для народа,
публикуемое в конце 19 века)

№ 100-150

Содержание

100. Почему мы почитаем святые иконы	2
101. Можно ли знать, когда будет кончина мира?	5
102. Ответ на вопрос: как мирянину можно спастись?.....	8
Из пролога.....	10
103. Не отлагай покаяния до часа смертного.....	11
104. Великий Канон покаяния	13
105. Много я тебе должен, Господи.....	16
106. Познай себя – познаешь и Бога	22
Из жития святителя Иоанна Милостивого	24
107. Что такое Святая Четырелесятница?	24
Для чего установлена Святая Четыредятница?	26
108. Рай.....	27
109. Ад.....	30
110. Ночные слезы	33
Платок, смоченный слезами	33
111. Чудеса Креста Христова.....	35
112. Назарет	38
113. Гефсиманский подвиг Спасителя.....	40
114. Утренья Великого Пятка.....	42
115. Утро Воскресения Христова.....	45
Христос воскрес!	46
116. Что дороже: душа или мир?.....	47
117. Суд Божий, карающий убийц	50
118. Мужья и жены	53
119. В скорби – к Богу поскорее!	55
120. Дни поминовения усопших.....	58
121. Много может молитва Матери Божией.....	61
122. Тайный благодетель.....	63
123. У дуба Мамврийского	66
124. Жизнь святого Апостола Павла, им самим рассказанная.....	68
125. Что такое царская коронация?.....	70

126. Учение Слова Божия о царской власти	73
127. Мученик за Царя	76
128. Русский Филарет Милостивый.....	78
129. Всякая ли молитва доходит до Бога?.....	81
130. Гефсимания.....	83
131. Усекновение главы Предтечи Христова Иоанна.....	86
Проповедники правды.....	87
132. Памяти Высокопреосвященнейшего Митрополита Макария.....	88
133. Жатва.....	90
134. Смиранный чудотворец.....	92
Золото и мишура. Поучение на день памяти преподобного Сергия	93
135. Лучше здесь накажи, Господи!.....	94
136. Бог не попускает искушений выше сил наших	97
137. «Не укради» Восьмая заповедь Божия	100
Грехи против восьмой заповеди.....	102
138. Отеческий завет Православному русскому воину	102
139. Что такое Церковь Христова?	105
140. Дом добродетелей.....	108
141. Не всякое и «добро» Богу приятно	110
Молитва пред начатием всякого дела, глаголемая тайно или мысленно	113
142. В утешение болящему	113
143. Военная служба.....	116
144. Праздники – дни Божии, а не наши	118
145. Вельможи Царя Небесного	121
146. Снохи в семье	124
147. Вифлеем	126
148. Святая Церковь – наша благодатная мать.....	128
149. До чего ослепляет распутство!.....	131
150. Благодатное врачевство против пьянства	134

100. Почему мы почитаем святые иконы

Святая Матерь наша, Церковь Православная, заповедует нам не только иметь и благоговейно хранить, но и благочестно почитать святые иконы Христа Спасителя нашего, Его Пречистой Матери и прочих святых. Мы должны поклоняться им не как Богу, но как святым изображениям Христа Бога и Его святых угодников. Вот определение святого Седьмого Вселенского Собора: "Кто называет святые иконы идолами — тому анафема,

анафема, анафема!" — Святые Отцы наши так рассуждают о св. иконах: честь иконы восходит на первообразное, т.е. на того, кого она изображает; кто поклоняется образу, тот поклоняется изображенному на нем. Приводят святого Стефана к нечестивому царю Льву Исавру, который повелевает ему попать ногами икону Спасителю. Святой Стефан потребовал золотую монету с изображением самого царя и спросил: "Чей это образ и написание?" — Ему отвечали: "Конечно, царский". Тогда святой плюнул на изображение, бросил его на землю и начал попирать ногами. Царь пришел в ярость, все окружающие царя тоже вознегодовали, но святой муж смело сказал им: "Вот каково суждение ваше, безумные! Вы гневаетесь на меня за то, что я попрал образ земного царя вашего, который есть все-таки прах и пепел; как же не гневаться на вас Царю царствующих и Господу господствующих, когда вы попираете святой образ Его и Его Пречистой Матери? Чего себе не хотите, того и другим не делайте!"

Мы с любовью храним и целуем изображения милых нам людей, родителей и друзей наших. Как же не лобызать нам святые иконы Иисуса Христа и святых Божиих? Любил святитель Златоуст апостола Павла и всегда имел святую икону его у себя в келлии, любил Иаков своего сына Иосифа, и с какою любовью взирал он на его окровавленную одежду! Посмотрите, как любящая супруга тщательно бережет портрет своего мужа, который отлучился из дому в далекие края, как она любит дорогим для нее изображением, с какой нежностью прижимает его к своей груди! Вот также и возлюбленная невеста Христова, Святая Мать наша, Церковь Православная, напоминая себе дорогой образ Господа и Спасителя своего, вознесшегося на Небо, чтит Его святую икону и, взирая на нее, возводит ум свой к Первообразу, говоря с апостолом Павлом: вижу «убо ныне яко зеркалом в гадании, тогда же увижу лицом к лицу...» Так, любящий Господа христианин, будучи сам облечен плотию, ищет единения с возлюбленным Господом через посредство видимого Его изображения, и Господь, невидимо Вездесущий, зрит любовь его и снисходит к его немощи Своею благодатью; через посредство тех же святых Своих изображений Он являет Свою благодать возлюбившему Его, исцеляя его недуги и показуя другие знамения Всемогущей силы Своей.

Но возражают: "Как же вторая заповедь закона Божия говорит: «не сотвори себе кумира и всякого подобия!»» — На это отвечаем также вопросом: а что такое кумир или идол? Ведь в той же заповеди ясно сказано, что это есть подобие или изображение чего-нибудь такого, что есть на небе или на земле, или же в водах — под землей, то есть чего-нибудь из сотворенных вещей, — такое изображение, которое язычники почитали за Бога. Стало быть, идол есть изображение ложного божества, а не истинного Господа Бога. Господь говорит: Я есмь Господь Бог твой, не знай других богов, кроме Меня, не твори себе изображений этих богов ложных, не поклоняйся, не служи им. Так понимал заповедь Божию и апостол Павел: знаем, говорит он, что идол сам по себе — «ничто», т.е. идол изображает

собой такое божество, которое на самом-то деле вовсе не божество, а потому и самый идол никакого значения не имеет — он «ничто». А святая икона Христова изображает Самого Господа нашего, истинного Бога, потому ее нельзя назвать идолом, о ней нельзя сказать, что она — ничто. Притом заповедь Божия запрещает делать такие изображения, которым люди поклонялись бы, как Богу, а мы вовсе не почитаем святые иконы за Бога. Напротив, святой Вселенский Собор Седьмой боготворящим святые иконы возглашает анафему. Возьмем пример. Царь говорит подданному: я — твой царь, не знай других царей, кроме меня, ложного царя себе не придумывай, никаких изображений ложного царя не держи у себя, не почитай, не кланяйся им — знай меня одного. Ясное дело, что если бы этот подданный выбрал себе другого царя, помимо своего законного государя, и стал служить ему, сделал бы себе изображение его и стал почитать это изображение, а своего царя презрел, — то, конечно, он стал бы изменником, достойным смертной казни. Но если бы этот подданный из любви к своему законному государю написал бы изображение этого государя — ради чести и на память себе, если бы он при этом изобразил и мать царя, и его сродников, и близких к нему людей, и имел бы эти изображения у себя в должном почтении, не почитая их, однако же, за самого царя, то спрашиваю: ужели такой подданный погрешил бы в этом против царя своего? И если бы сам царь пришел да увидел свое изображение у него в доме, а равно и изображения близких ему лиц, то ужели он прогневался бы на него за это? Думаю, что, напротив, царю было бы очень приятно такое усердие, такая любовь подданного. Вот тоже самое делаем и мы, почитая святые иконы, и веруем, что Господь любезно приемлет усердие наше. Он видит, что делаем это по любви к Нему, и мы знаем, что Он не потерпит поругания святой иконы своей. Говорят: "В Писании сказано: «Бог есть дух»; как же изображать Его?" — Отвечаю и я словом Святого Евангелия: «и Слово плоть бысть». Говорят: "Написано в Евангелии: «Бога никтоже виды нигдеже». Отвечаю: но в том же Евангелии Господь говорит: «осяжите Мя и видите». И опять повторяю, мы и не думаем изображать непостижимое существо Божие на иконах, а только Пресвятую плоть Его. "Можно, — говорят, — поклоняться Богу и без иконы". Конечно, можно, мы так и делаем, когда нет с нами святой иконы. Но ведь можно жить и с одним хлебом, зачем же ты ищешь различных брашен для себя? Святая икона помогает нам возвести ум на небо, а потому мы и считаем за лучшее молиться пред святой иконой, чем без нее. Святой Иоанн Дамаскин говорит: "Если ты скажешь, что должно возноситься к Богу только мысленно, умом, — то я скажу тебе: отвергай в таком случае все видимые обнаружения молитвы, отвергай поклоны, благоухание кадила, не произноси самых молитв... Или ты сам бесплотен, если презираешь все видимое? А я человек, плотью обложенный, и потому желаю иметь видимое посредство в моем общении с Невидимым Богом и святыми Его..."

Но говорят: "Нигде не заповедано Богом иметь святые изображения". Неправда. А что же такое были изображения Херувимов, которые по

повелению Божию Моисей поставил в скинии над Ковчегом Завета? Такие же Херувимы были вышиты на завесах скинии свидения. Итак, Кто сказал: не сотвори себе кумира, — Тот же повелел сделать изображения Херувимов. Ужели же свобода новоблагодатной Церкви более стеснена в сем отношении, нежели ветхозаветная подзаконная Церковь? К тому же далеко не все записано в Священном Писании, что заповедали святые Апостолы. Многие от них дошло до нас через святых Отцов и учителей Церкви посредством Священного Предания, а ими было только записано уже после Апостолов. Почему же ты святым Апостолам веришь, а не хочешь верить тому, что говорят возлюбленные ученики Апостолов? Ведь и Священное-то Писание ты получил не прямо из рук Апостолов, а через тех же преемников апостольских, но при этом ты веришь ученикам апостольским, что они ничего не приложили от себя к святым Писаниям Апостолов. Отчего же не хочешь довериться им в том, что они устно передают тебе, что сами слышали от Апостолов?

Но скажут: в первые века христианской веры не было святых икон. И это неправда. Святая Церковь Православная издревле чтит нерукотворенный образ Спасов, который Сам Господь благоволил отпечатлеть для князя Едесского Авгаря на убресе. Известно также из свидетельства Священного Предания, записанного у святого Иоанна Дамаскина, что Евангелист Лука написал несколько икон Пресвятой Богородицы. Историк Евсевий пишет, что кровоточивая жена, исцеленная Христом Спасителем, поставила изображение Божественного Целителя. Святой Афанасий Александрийский говорит, что Никодим, тайный ученик Иисуса Христа, устроил Его Святую икону, над которой впоследствии издевались жиды, и от которой было много чудесных знамений. О святых иконах упоминает еще святой Дионисий Ареопагит, ученик святого апостола Павла. В древних катакомбах, бесчисленных подземных переходах близ Рима, где укрывались христиане во времена страшных гонений, и до сих пор уцелело множество святых изображений или святых икон. Все это свидетельствует, что святые иконы были почитаемы в Церкви от времен святых Апостолов.

101. Можно ли знать, когда будет кончина мира?

«Молим же вы, братие, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа... не скоро подвизатися вам от ума, ни ужасатися... яко уже настоеит день Христов. , Да ничтоже вас прельстит ни по единому же образу» (2 Фес. 2; 1-3).

Надобно знать меру во всем: нужно знать, о чем позволено рассуждать в делах веры, и о чем не позволено. Так мы знаем, что есть Бог, а Самого Существа Его мы постигнуть не можем. Знаем, что Он сотворил мир, а как сотворил — того не знаем. Знаем также, что будет конец миру, а когда — это сокрыто от нас. Так было угодно Тому, Кто изрек: «Вышших себе не ищи и креплших себе не испытай. Яже ти повеленна, сия разумевай, несть бо ти

потреба тайных...» (Сир. 3; 21, 22). И когда святые ученики и Апостолы вопрошали Господа о времени кончины мира, Он сказал им: «О дни же том, или о часе никтоже весть, ни Ангели, иже суть на небесех, ни Сын, токмо Отец. Блюдите, бдите и молитесь: не весте бо, когда время будет...» (Мк. 13; 32, 33). Не полезно нам знать время ни своей собственной кончины, ни кончины всего мира, надобно всегда быть готовым к тому и другому. Ибо если уж теперь, не зная ни того ни другого, мы снедаем друг друга и утопаем в грехах: то что было бы, если бы мы о том знали? Тогда, конечно, мы всю жизнь проводили бы в беспечности и во грехах, и разве один день отделили бы на покаяние. Господь говорит: «яко же бо бысть во дни Ноевы: тако будет и пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24; 37). Как тогда все ели, пили, женились и посягали и только смеялись над Ноем, который строил ковчег и призывал их к покаянию, пока наконец пришли воды потопа и поглотили всех: вот так же внезапно для всех наступит и последний день мира. И св. Ап. Петр говорит: «приидет же день Господень яко тать в нощи» (2 Пет. 3; 10). А великому Апостолу Иоанну Богослову Господь Сам говорит: «се гряду яко тать» (Откр. 16; 15). И святой Апостол Лука повествует: «они же (Апостолы) сошедшея вопрошаху Его, глаголюще: Господи, аще в лето сие устрояеши Царствие Израилево? Рече же к ним: несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти» (Деян. 1; 6, 7). Итак, если Господь даже Апостолам, которых называл друзьями Своими, которым Сам сказал: вы есте свет миру (Мф. 5; 14), запретил о том спрашивать: то тем более не подобает нам, страстями преисполненным, рассуждать о том, о чем Господь не позволил. Чему учит Священное Писание неприкровенно и для всех ясно, то мы должны принимать в закон себе и строго соблюдать. А о чем оно говорит прикровенно, или притчами, о том следует со смирением просить у Бога вразумления и говорить о сем с крайнею осторожностью, не иначе, как с совета людей опытных. И никто не смей говорить: я постиг разум, в Божественном Писании сокровенный, ибо тот, кто хочет познать волю Божию и разум Писаний Божественных, должен, по слову святого Иоанна Лествичника, прежде очистить самого себя от страстей сохранением заповедей Божиих, слезами, смиренномудрием и страхом Божиим. Великая опасность — не знать Священного Писания и толковать его по своему смышлению. От сего происходит то, что и доброе перетолковывают в худую сторону и оно служит к соблазну простецов, от сего все ереси, от сего и ныне говорят, будто настало время страшного Суда Божия. Если хочешь знать, как рассуждать о сем, прочти, что написал мудрый оный старец в книге, Зерцало именуемой. Там душа говорит плоти: "Скажи мне, рабыня моя, хотя мало что о кончине мира сего: когда она настанет и как"? А плоть отвечает душе: "Откуда и как придет Господь, это я могу тебе сказать; а когда это будет — о том никак нельзя узнать. Много раз спрашивали о сем Христа Его святые Апостолы и ученики, но Он не сказал им. Никто не знает оногo дня, ни самые Ангелы, но един Отец Небесный. И если Сам Господь сказал сие, то как же я тебе о том скажу? Многие о том рассуждали, но все их рассуждения — одни

пустые сказни, ибо никто того знать не может". Заметь, что святой старец написал сие в 6603 году от сотворения мира (или в 1095 г. от Рождества Христова); стало быть и в то время были уже люди, которые по самосмышлению утверждали, будто близок конец мира. Следовательно, неразумно рассуждать о том, чего не знаем. Да и напрасно стали бы мы о том рассуждать: ведь что Сам Бог сокрыл от нас, того, сколько бы мы ни усиливались узнать, никогда не узнаем, а только гнев Божий на себя чрез то навлечем. Кто пытается познать непостижимые судьбы Божии, тот, по выражению Ап. Петра, есть "наглый ругатель, поступающий по собственным своим похотям" (2 Пет. 3; 3); от такого человека еще более утаено будет сие и воистину достойно и праведно утаится, ибо он недостоин Божественного откровения, потому что стремится допрашивать Самого Создателя и Творца всяческих и горделивою мыслию касается непостижимых таин Божиих. Ап. Петр говорит: «едино же сие дане утаится вас, возлюбленнии, яко един день пред Господем яко тысяща лет, и тысяща лет яко день един» (2 Пет. 3; 8), т.е. Бог не считает времени по нашему; для Него солнце не восходит и не заходит, у Него один вечный день. «Тысяща лет» пред очами Божиими «яко день вчерашний, иже мимо иде и стража ночная», — каких-нибудь два-три часа... А ты дерзаешь говорить: прошло вот столько-то лет; и настало время пришествия Его... Или ты думаешь, что для Господа Бога тысяча лет также много времени, как и для нас с тобой? Справедливо говорит святой Иоанн Лествичник: "Пагубное дело — испытывать непостижимые глубины судеб Божиих: пытливые в корабле гордости плавают, и за гордость попускается им впадать в великие искушения"... Апостол Павел говорит: «дни смотрите, и месяцы, и времена, и лета: боюся о вас, еда како всеу трудился в вас. Будите яко же аз» (Гал. 4; 10-12). Апостол не позволял себе высчитывать время пришествия Христова; благоговел пред безмерною пучиною премудрости Божией. Он взывал только: «о глубина богатства и премудрости и разума Божия! Яко неиспытани судове Его, и неизследовании путие Его! Кто бо разум уме Господень? Или кто советник Ему бысть» (Рим. 11; 33,34)? А мы, перст и прах, плоть и кровь, трава и цвет полевой, тень и дым, и даже хуже того, хотим постигнуть непостижимые судьбы Божии, которых и Ангелам Божиим не дано знать. Или ты в гордости своей считаешь себя выше Ангелов небесных? Но ведь это — признак крайнего безумия! Нам следовало бы благодарить Милосердного Господа, с сокрушенным сердцем и горькими слезами благодарить за то, что Он долготерпит грехам нашим, не хочет погибели нашей, призывает нас к покаянию, а мы сами на свою голову призываем гнев Божий, когда говорим: что так долго нет второго пришествия Христова? Уж пора бы ему быть... И кто же смеет допрашивать Бога, Единого безначального, неизменного, присносущного, бесконечного?... Да умолкнет всякое праздное разглагольствие в Церкви Божией! Да проповедуется то, во что мы веруем! Да не испытывает никто сокровенных таин Божиих! Ты не знаешь часа твоего собственного скончания, как же ты смеешь рассуждать о времени кончины мира? Ты не смеешь сказать своему

земному царю: почему не так делаешь как мне кажется лучшим? Как же дерзаешь допрашивать Царя царствующих, Творца и Владыку всяческих? Как ты смеешь назначать Ему время пришествия Его? Ты — ничто, как же дерзаешь рассуждать о непостижимых путях Промыслителя Божественного? Вспомни Моисея, великого пророка и законодателя, которому Сам Бог говорил: «вем тя паче всех и благодать имаши у Мене» (Исх. 33; 12), но который лишен был утешения войти в землю обетованную только за одно слово сомнения... Вспомни Петра, которому за одно только слово: не умыеши ногу моею во веки, сказано: «аще не умыю тебе, не имаши части со Мною» (Ин. 13; 8). Великий подвижник Антоний, сострадая скорбям человеческим, видя неравенство людского счастья на земле, не мудрствовал, не допрашивал Бога, а только обратился к Богу со смиренной молитвою, дабы открыл ему тайну сию, и услышал глас небесный, вещавший ему: "Антоние! Себе внимай, и не испытай того, чего не повелел Бог"... Вспомни же, страстный и жалкий человек: кто ты? Ведь ты и тени не стоишь оных великих и святых мужей, как же дерзаешь ты утверждать, будто постиг непостижимую тайну Божию, узнал время пришествия Его?!.. Нет: «верен Господь во всех словесех Своих», верен во всем, что повелевает, или запрещает, открывает или утаивает от нас!..

(Из книги "Просветитель", преподобного Иосифа Волоколамского)

102. Ответ на вопрос: как мирянину можно спастись?

(Предлагаемая статья взята из неизданных сочинений Молдавского старца Паисия Величковского, который подвизался сначала на Афоне, а потом в Молдавии. Он перевёл много свято-подвижнических писаний на славянский язык и, как опытный подвижник, был наставником многих иноков в духовной жизни. Скончался в 1794 г. Подробные сведения о его жизни и трудах см. в книге: "Житие и Писания Молдавского старца Паисия"»).

Советую вам прилежнее читать Божественное Писание и учение святых и Богоносных Отцов наших, которым дано благодатью Пресвятого Духа разуметь тайны Царствия Божия, то есть, истинный смысл Священного Писания; в их духопросвещенном учении вы найдете все, что нужно ко спасению. И я грешный, по скудоумию моему, отвечаю на вопрошение ваше: Бог премилосердый соделывает наше спасение православною верою, добрыми делами и Своею благодатью. Православная вера есть та, которую содержит единая святая, Соборная и Апостольская Церковь Восточная; без сей веры православной никак нельзя никому спастись. Добрые дела — это Евангельские заповеди, без исполнения которых, как и без веры, также невозможно никому спастись. Вера православная без добрых дел мертва, и дела добрые без веры также мертвы. Желаящему спасения необходимо иметь и то и другое вместе: и веру православную с добрыми делами, и дела добрые с верою православною, и тогда, при помощи благодати Божией,

споспешествующей добрым делам его, он спасется по слову Христа, рекшаго: «без Мене не можете творити нечесоже». И должно знать, что Христос Спаситель, Истинный Бог наш, Который хочет всем человеком спастися, поставил в закон добрые дела, то есть Свои спасительные заповеди Евангельские, равно всем православным христианам, как монахам так и мирянам, живущим с женами и детьми, и требует от всех православных христиан самого прилежного их исполнения, потому что Его святые заповеди не требуют больших трудов телесных, а одного доброго произволения души: «иго бо» святых Его заповедей «благо и бремя» делания их «легко есть». Святые заповеди Христовы, при помощи благодати Божией, легко может исполнять всякий православный христианин, какого бы он ни был звания, пола и возраста: и старый и юный, и здравый и в немощи лежащий, лишь бы было к тому расположение души. Посему-то те, кто претупает их и не кается, в страшное второе пришествие Христово будут осуждены вместе с бесами на муку вечную. — Святые заповеди Евангельские, наипаче же главнейшие, столь необходимы для спасения, что если одной какой-либо не достает у человека, то и спасения души не бывает. Таковы заповеди о любви к Богу и ближним, о кротости и смирении, о мире со всеми и терпении, о том, чтобы от сердца прощать ближнему обиды, никого не осуждать, не иметь ненависти, любить врагов, творить по силе милостыню и душевную и телесную, и понуждать себя со всем усердием исполнять все прочие заповеди Христовы, во святом Евангелии написанные. А больше всего любить Бога всем сердцем своим, и всею душою своею, и всею крепостью своею и всем помышлением своим, и ближнего своего как самого себя, и подражая кротости Христовой, до крови подвизаться противу страсти гнева. А жить в мире со всеми столь необходимо, что Господь счел нужным не раз повторить Своим святым ученикам и Апостолам: «мир вам; мир оставляю вам; мир Мой даю вам». И где мир Христов, там и Сам Христос; а если в душе нет мира, то нет там и Христа. И терпение необходимо для спасения. Христос говорит: «в терпении вашем стяжите души ваша»; а терпеть надобно не до известного только времени, а до самой смерти: «претерпевши до конца той спасен будет». Кто от всего сердца прощает ближнему согрешение его, тому и Бог прощает согрешения его. Кто не осуждает ближнего, тот и сам не будет осужден от Бога. И все прочие заповеди Евангельские желающий спасения должен блюсти как зеницу ока. А смирение, которое есть основание всем заповедям Евангельским, так необходимо для спасения, как дыхание для жизни: как без дыхания нельзя жить, так без смирения невозможно спастись. Различным образом спасались святые Божии, но без смирения никто из них не был спасен, да и невозможно это. Посему, кто хочет спастись, тот от всего сердца должен считать себя пред Богом за грешника, самого грешного из людей, хуже всякого создания Божия, вменять себя за прах и пепел и в тайне сердца своего укорять себя за все, и винить только себя одного во всяком согрешении своем. Исполняя таким образом в смирении сердца все заповеди Евангельские, часто молясь Богу с сокрушением сердца о прощении грехов

своих, человек сподобляется милости Божией и прощения грехов, и посещает его благодать Божия, и спасается он милостью Божиею несомненно. — Кроме того православный христианин должен соблюдать еще и заповеди церковные, изложенные в книге "Православное Исповедание". Они также необходимы для спасения. — Таинство покаяния состоит в том, чтобы раскаяться пред Богом в своих грехах, бросить их и положить твердое намерение при помощи Божией к ним не возвращаться. Потом пред отцом духовным, как пред Самим Богом исповедать все свои согрешения и получить от него разрешение в них. Приготовлять себя к причащению Божественных Таин должно постом, умилением, чистосердечным исповеданием грехов, совершенным примирением со всеми, выслушанием в назначенное время по обычаю христианскому всего правила церковного, а приступать ко св. Причащению со страхом и трепетом, с верою и любовью, с поклонением, единому Богу подобающим.

О том, как вести себя в семействе, равно и о других обязанностях христианских самое полное наставление можно найти в богодухновенных писаниях святого Иоанна Златоустого и других святых мужей, читая их книги со страхом Божиим и должным вниманием.

Из пролога

В мире можно спастись; везде примет нас Бог, лишь бы мы жили право, по закону Божию. Не спасут нас черные одежды и не погубят белые, только бы дела наши были угодны Господу Богу. Итак, если ты, богат, то спасай себя молитвою и милостынею, читай чаще святые книги и живи так, как Он велит. Если же ты беден, то своими руками добывай себе хлеб, и своих семейных питай от труда рук своих. Берегись воровства и всякого греха. Благодаря Бога и за то самое, что ты трудишься пред Богом не ради богатства, а по нищете своей, сохраняя себя в чистоте и прочих добродетелях, и ты получишь за сие от Бога двойную награду. Ведь Сам Господь сказал: «кому много дано, от того много и взыщется». А твой один ломоть хлеба, поданный такому же, как ты, убогому, Бог, может быть, оценит дороже многих жертв, приносимых богатыми. Помни, ведь не монахам сказано будет на страшном суде: «наг бех и не одеясте Мене, странен и не введосте Мене, болен и не посетисте Мене...» Монахам запрещается без крайней нужды из монастыря выходить, и даже из келлии. И не пустынным скажет Господь: «в темнице бех и не посетисте Мене...» Это сказано будет Господом тем, кто в мире живет. — Если кто будет злословить тебя, не позволяй слову гневному исходить из уст твоих. Если кто будет обижать тебя, не ропщи на него, не противоречь ему. Молись Богу за такого человека, чтобы он помирился с тобой. Постись больше постом духовным, нежели телесным. Не порадуйся, когда враг твой будет в несчастьи. Не поскорби, если увидишь брата твоего богатеющим. Пусть каждый час исходит имя Господне из самого сердца твоего; ешь ли, пьешь ли, или что другое делаешь,

всегда говори: "Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!" Только делай это в тайне, чтобы никто не заметил. Бойся, чтобы лукавый не посеял тебе в сердце пагубного самомнения. Если помысл скажет тебе: "Вот, ты уж угодил теперь Господу Богу", — то ты вспомни грехи свои прежние. А если он будет напоминать многое множество грехов твоих, и внушать: "Много ты нагрешил, нет тебе прощения", — ты не слушай его, а скажи: "Господь мой Иисус Христос затем и пришел, чтобы грешников спасти". Живи так и спасешься благодатью Христовою.

103. Не отлагай покаяния до часа смертного

Один человек возымел намерение устроить большой ужин и звал многих на вечерю к себе. Званные дали слово — быть. Но когда наступило время ужина, посылает человек тот раба сказать званным: идите, ибо все готово, и — что же? — званные все, как бы сговорившись, начинают отказываться от ужина. Один говорит: "Я купил землю и мне нужно пойти посмотреть ее (как будто для этого и не мог он избрать другого времени!); а потому, говорит, прошу тебя: извини меня". Другой говорит: "Я купил пять пар волов и иду испытать их; прошу тебя: извини меня". Третий говорит: "Я женился и потому не могу прийти". И возвратившись, раб тот донес о том господину своему. Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу своему: "Пойди поскорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых". Исполнив поручение господина своего, раб приходит к нему и говорит: "Господин! Я исполнил, как приказал ты; но и еще есть места незанятые за трапезой". Господин снова приказывает рабу: "Иди за город, говорит, по дорогам и загородам, не найдешь ли и еще кого, чтобы наполнился дом мой. Ибо сказываю вам, что никто из тех званных не вкусит ужина моего. Ибо много званных, но мало избранных" (Лк. 14; 16-24).

Понятно, слушатели, к чему клонил речь Свою Спаситель наш, предлагая иудеям притчу сию. Притчей этой Он видимо хотел дать понять слушателям Своим, что не так ли вот и они, под разными предлогами, но большею частью совсем беспричинно, отрекаются от вступления в благодатное царство Христово? С другой стороны, притчей этой и то хотел Иисус Христос дать понять евреям, что напрасно они уповают на то, что они народ избранный. Родство ваше с Авраамом не спасет вас. Сказываю вам: если не последуете вы за Мной, не вкушать вам вечери в Царствии Отца Моего! На сию вечерю Я соберу язычников, — слепых, хромых, увечных, словом — кого вы и за людей не считаете. Я тех призову, и им достанется, а не вам, наследие благ вечных. Что и сбылось: евреи из любимейшего Богом народа стали ныне народом отверженным. Но Царствие Божие не видимо ли спеется и без них на земле? И от язык Церковь не наполняет ли и поднесь, как видим, обителей Отца Небесного избранными из всех племен и языков? Так мы, русские, призваны в церковь Христову и к наследию благ вечных из язычества, ибо предки наши были язычниками. Но увы! Содержащееся в

притче обличение против иудеев, отказавшихся от участия в вечери, не относится ли и ко многим из нас? Подобно иудеям, почитавшим себя единственными наследниками царства Христова только потому, что они иудеи — избранный Богом народ, — многие и из нас — не думают ли, что одно звание христианина спасет их? Не на это ли главным образом и из нас большинство уповает, что "они ведь христиане", следовательно, так или иначе, как-нибудь, а авось улечат спасение? Но, послушай, друг мой! — как же это улучишь ты спасение, когда подобно иудею то и дело отказываешься от участия в вечери Господней? Вот, например, зовет тебя Господь в храм Божий ради праздника разделить с прочими пир веры, предлагаемый в праздничной службе; ты же и навестить не хочешь храма Божия! И время праздника проводишь в праздности и суете, или в будничных работах, и даже того в вину себе не ставишь, как будто это так и должно быть. Или: вот приходит время поста и покаяния. Господь и Церковь усиленно зовут тебя в храм Божий на тайную вечерю, к участию в трапезе Тела и Крови Христовой и — уввы! — зовут и не дозовутся. — Странное в христианском мире явление, противное и духу нашей Божественной веры, и древнему примеру Церкви. Древние христиане еженедельно, а многие — ежедневно — причащались Святых Таин. Отчего же ныне не то? Конечно, и у каждого из нас найдется на сей раз та или иная отговорка; но поймите, братие, и в притче не без причин же отказывались званные от вечери. Тот поле купил и имел нужду осмотреть его; другой волов купил; третий женился недавно; у всякого своя причина. Но звавший, заметьте, тем не менее разгневался на всех без исключения, отказавшихся от его ужина, и о всех одинаково изрек свое грозное решение: "Не видать им никогда моего ужина"! Что, возлюбленные, если у Господа изречено уже и о нас такое определение за нашу холодность к Его зову, за наше небрежное и редкое приобщение Святых Таин? — "Успею, говоришь, после покаяться, и во всяком случае пред смертью соединиться с Христом в пречистых Таинах!" — Успею? Но кто порукой тебе в этом? А если и успеешь — будет ли польза от того? Конечно, Господь милосерд, — Он во всякое время приемлет кающегося и нет греха, которого бы Он не в состоянии был простить; но дело в том, что в предсмертные, например, минуты до того ли большею частью бывает человеку, чтобы искать всепрощения у Господа за всю жизнь? Скорбь и боль телесные, страх смерти, слезы родных и знакомых мешают в эти минуты даже более, чем в другое время, войти человеку внутрь себя и сосредоточиться в себе — особенно человеку, проведшему жизнь свою в небрежности. И диавол, думаете, легко от вас отступится на конце вашей жизни? Как постоянный свидетель предсмертных борений человека, могу заверить вас, братие, что не до покаяния большею частью грешнику пред смертью. Для приуготовивших себя заранее к кончине, для тех вот последнее напутствие действительно спасительно. Вот почему, замечу кстати, и настаиваем мы так усиленно, чтобы вы приглашали нас, священников, для напутствования больных — не дожидаясь, когда болезнь дойдет до высшей степени, а в начале болезни, —

когда еще в силе больной, и когда он поэтому в состоянии и исповедаться с полным сознанием и приобщиться Святых Таин, приготовясь к тому молитвой. У вас же далеко не так это делается обыкновенно. Доведете до последних минут — и тогда за священником; будь то вечер или полночь. Спешить подобным образом можно только в крайности, когда человек вдруг опасно заболит. А в обыкновенных случаях, примите это к сведению, — надо непременно утром, до принятия пищи и с должным приуготовлением приобщаться больным Святых Таин и притом, кто в состоянии, всего лучше в церкви. У большинства из вас одна забота в этом случае — лишь бы не дать умереть больному без напутствия Святых Таин; а о том вы и не мыслите, что Святое Причастие и пред смертью может быть не во спасение — тому, кто имел время, но не хотел заранее приобщиться Святых Таин и потом приобщается их, не приготовясь к тому, и без должного благоговения. И для чего отлагаете вы напутствование? — скажите Господа ради. Святые таины, как сами знаете, служат человеку в исцеление души и тела. Следовательно, как заболел кто, сейчас и надо готовиться к принятию Святых Таин, и во время болезни приступать к ним не раз, не два, а насколько возможно чаще. Вы же почему-то ждете исхода шести недель непременно, в случае продолжительной болезни, для повторения святого приобщения. Повторяю, древние христиане и помимо болезни ежедневно и еженедельно причащались. Не тем ли паче в болезни — чем еще и утешать себя человеку, как не приобщением Святых Таин, и чем себя еще и приуготовлять к вечному исходу, как не сим св. Таинством и св. елеопомазанием, которого однако как многие боятся?! Христиане боятся того, что дарует человеку здравие и спасение! Вдумайтесь в это, братие! И — ей! умоляю вас, не отлагайте времени своего обращения ко Господу. Пока зовет Господь к Себе, спешите каяться, и пока время и силы есть — старайтесь послужить Ему. Когда же тело леденеть начнет и язык путаться, душа же будет на выходе из тела, тогда — поздно!.. А во аде — и тем более — кто исповестся Тебе, Господи?... Аминь.

(Из "Круга Поучений" протоиерея А. Белоцветова)

104. Великий Канон покаяния

Из всех святых песней Великого Поста более всех поражает душу Великий канон; из всех чтений наиболее приводит ее в умиление и предлагает величайшее утешение кающемуся грешнику повесть о жизни Марии Египетской. Святая Церковь предлагает вниманию верных чад своих оба сии творения в четверток на пятой седмице святой Четыредесятницы, с тою целью, чтобы мы, видя приближающееся окончание св. Поста, не разленились к духовным подвигам, не сделались небрежными, не забылись и не перестали во всем строго наблюдать за собою. Великий канон составлен в седьмом веке, святым Андреем, архиепископом Критским, который составил много и других канонов. Церковь единогласно наименовала сей канон

великим, не столько по обширности (он заключает в себе 250 тропарей), сколько по внутреннему достоинству и силе: "умиление бо неисчетно имать и толико есть широкий и сладкогласный, яко и самую жесточайшую душу доволен есть умягčiti и к бодрости благой воздвигнута". Святой сочинитель его проводит христианина чрез все священные воспоминания Ветхого и Нового Заветов: указывает на грехопадение прародителей и растление первобытного мира, на добродетели Ноя и нераскаянность и ожесточение Содомы и Гоморры, воскрешает пред нами память благочестивых Патриархов и доблестных мужей: Моисея, Иисуса Навина, Гедеона и Иеффая, представляет взору нашему благочестие Давида, его падение и умиленное Покаяние, указывает на нечестие Ахаава и Иезавели и на великие образцы покаяния — ниневитян, Манассию, блудницу и разбойника, и в особенности на Марию Египетскую; неоднократно останавливает читателя у Креста и Гроба Христова — везде поучая покаянию, смирению, молитве, самоотвержению. Все стихи сего канона в высшей степени назидательны и умилительны. Весьма многие из них запечатлены притом высокою священою поэзию. — Мы предложим здесь некоторые из них, для примера, в русском переводе: "Я раздрал ныне мою первую одежду, которую соткала мне в начале рука Зиждителя, и теперь лежу наг, и — стыжуся!" — "Грех обнажил меня от Боготканной одежды, и, как листьями смоковницы, облек меня одеянием стыда, во обличение страстных моих стремлений". — "О, как поревновал я убийце Ламеху, убив душу, как мужа, и ум, как юношу, и тело, как брата моего!" — "Я лишен ныне чертога, — лишен и брака и вечери: светильник мой погас, не имея елея; я уснул и спал, а, между тем, чертог заключился, и вечеря предложена другим!" — "Прошли дни мои, как проходит сон по пробуждении, и я лежу на ложе моем, и, как Езекия, со слезами молюся о продолжении дней моих: — но кто будет моим Исаиею, кроме Тебя, Боже мой?" — Великий канон поется также раздельно, по частям, на великом повечерии — в понедельник, вторник, среду и четверг первой недели Великого поста. Каждый стих его предшествуется псаломским припевом: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!» Святая Церковь присоединяет к нему несколько тропарей в честь самого сочинителя — святого Андрея. Еще при жизни его Иерусалимская Церковь ввела у себя в употребление Великий канон. — Отправляясь в 680 году на Шестой Вселенский Собор в Константинополь, святой Андрей первый принес туда и сделал известным свое великое творение и жизнь Марии Египетской, написанную соотечественником и учителем его, красноречивым Софронием, Патриархом Иерусалимским. Предлагаем здесь сокращенно повесть об этой дивной жене, которая примером своим показала, что, если страсти могут постепенно овладеть человеком и унижить его до состояния бессловесных, то сила благодати, христианское самоотвержение, могут вознести человека до состояния бесплотных. Бурно провела Мария в Александрии первые тридцать лет своей жизни, — славясь красотою, утопая в чувственных наслаждениях, до забвения всякого приличия. Для новых преступных

наслаждений отплыла она вместе с поклонниками в Иерусалим: там любопытство повлекло ее в храм Гроба Христова на праздник Воздвижения; но невидимая тайная сила беспрестанно отталкивала ее от св. врат. Тогда тайный укор пробудился в ее сердце, не за тяжкие ли грехи возбраняется ей вход во святилище? И сей первый укор был минутою ее обращения. С горькими слезами поклялась она пред образом Богоматери загладить покаянием свою прежнюю жизнь, и, поклонясь Животворящему Кресту, укрылась, по гласу Божию, во глубину пустыни Аравийской, за Иордан. Протекло с тех пор около пятидесяти лет. Пустынный Зосима, спасавшийся в одном из монастырей Иорданских, по откровению Божию, был увлечен далеко за Иордан желанием найти образец высшего иноческого самоотвержения в каком-либо из забытых миром отшельников. Много уже дней скитался он по пустыне, когда, во время молитвы, мелькнуло ему в отдалении подобие человеческого тела, совершенно иссохшего и опаленного солнцем, обнаженного и прикрытого лишь седыми серебристыми власами. Он устремился к бегущему от него привидению и со слезами умолял его остановиться и дать ему свое благословение; тогда бегущее остановилось и старец услышал жалобный голос: "Авва Зосима! Я женщина, брось мне свою одежду и тогда приблизься!" Зосима узнал чудесную повесть жены Египетской от нее самой, и, пораженный ее смиренным рассказом, дивился, где обрела она столько силы для столь тяжкого испытания. "Страшно вспомнить протекшее, — сказала отшельница, — вот уже сорок семь лет, как я в пустыне, и первые семнадцать лет провела в адской борьбе с моими страстями, как с лютыми зверьми: любившая вино, иногда не могла я утолить и каплею воды своей жажды; много страдала от глада и зноя, много от болезней, и часто уже лежала, как бездыханный труп. Прежние вожделения, как пламень, съедали мою внутренность; но я падала ниц, билась об землю, в слезах призывала помощь Божию; и она наконец посетила меня отрадною тишиною духа и тела. "Но где же научилась ты Писаниям?" — воскликнул Зосима, плененный ее беседою. "Бог посылает знания смертным, — отвечала Мария, — я же никогда и ничему не училась и не видала живой души, со дня перехода моего чрез Иордан. — Но чувствую, что мои силы скудеют; исполни пламенное желание сердца моего: я не приобщалась Святых Таин с того времени, как перешла чрез Иордан; не удаляйся на следующий пост в пустыню, но ожидай меня в Великий Четверг со Святыми Дарами на Иордане; теперь прощай, и молись обо мне!"

За сим она скрылась. Прошел год — и сидел пустынный в урочный день на берегу реки, думая сам с собою, как перейдет дивная жена чрез бурные весенние воды Иордана. Отшельница явилась на другой стороне, и, осенив крестом шумные воды, смелою стопою пошла по ним. В ужасе пал пред нею Зосима. "Священник Бога вышнего, — воскликнула Мария, — ты ли унижаешь страшные Таины Христовы пред грешницею?" С умилением вкусила она Божественных Таин Спасителя, и со слезами потом произнесла молитву святого Симеона: ныне отпускаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу

Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое! "Еще одна моя просьба к тебе, — сказала она пустыннику: — в будущий год приди опять на то место, на котором в первый раз я беседовала с тобою — приди, приди Господа ради, и опять увидишь меня; — того хочет Господь!" — и вновь удалилась по водам в пустыню. Миновало время; пустынник пошел искать отшельницу в знакомой пустыне... И вот на пустынном песке лежит ее бездыханное тело. С горькими слезами припал старец к ногам умершей, не зная, надобно ли, и где скрыть сокровище мощей ее; на изголовье прочитал он начертанные на песке слова: "Авва Зосима! В самую ночь страсти Господней отошла я к Спасителю моему, причащенная Святых Таин: погребви здесь мое тело, и помолись о убогой Марии!" — Радуюсь небесной славе той, чье имя узнал только по смерти, одиноко отпел св. старец преподобную, и стоял в тяжелой думе, не имея средств исполнить последнюю волю ее. И вот к нему на помощь вдруг выбежал из степи лев, и мощными когтями разрыл пред ним глубокую могилу. В сообществе сего погребателя, незримый никем, Зосима воздал последний долг дивной Марии, и, возвратясь в монастырь, предал братии в назидание повесть о преподобной жене Египетской. Патриарх Софроний, вскоре после смерти святого Зосимы, весьма трогательно описал жизнь ее в прекрасном слове своем, которое благочестивый читатель может найти в Четвиих Минеях, под 1-м числом Апреля, и в прибавлении к постной Триоди.

(Из "Воскресного Чтения", 1838)

105. Много я тебе должен, Господи

«Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устехмоих» (Пс. 33; 2). Не было меня, и вот есмь, и живу, как и прочие люди. Ты, Господи, благоволил мне быть, и между делами рук Твоих считаться, и видеть дела рук Твоих — небо и землю с исполнением их, и от великих и преславных дел Твоих Тебя, великого и преславного Создателя, познавать, и благами Твоими довольствоваться и утешаться. «Руце Твои сотвористе мя, и создаете мя» (Пс. 118; 73). Много я Тебе за сие должен, и не могу ничем воздать! Сотворил Ты меня не бездушною тварью, не скотом, не птицею, не рыбою, ни иным каким бессловесным животным, которые все суть и живут, но блаженства своего не понимают; но сотворил разумным человеком, который может познавать и разуметь, что я от Тебя начало бытия и жития своего имею; я Твое создание, Ты мой Создатель: много я Тебе за сие должен, и никак не могу воздать! Тако сотворенный от Тебя быть и жить без Тебя я не могу. Рука Твоя, Господи, содержит меня и благая Твоя подает мне. Не могу я без света жить и обращаться: светила Твои, солнце, луна и звезды светят мне. Не могу я без огня жить: огонь Твой согревает меня, и варит пищу мою. Не могу я без воздуха цел и жив быть: воздух Твой оживляет меня, и сохраняет жизнь мою. Не могу я без пищи быть: щедрая Твоя рука, Господи, подает мне пищу. Не могу я без пития быть: благодать Твоя,

Господи, произвела ради меня источники, реки и озера, и теми прохлаждаюся и омываюся. Не могу я, обнаженный одежды Боготканной, без одеяния быть: от щедрой Твоей десницы и то получаю. Не могу я без дома быть: подаешь мне и дом ко упокоению немощного и многобедного тела моего. Не могу я быть без скотов: скоты Твои служат и работают мне. Сия и прочая бесчисленная благая, как прочие человецы братия моя, так и я получаю от Тебя: много я Тебе за все сие должен! Но «что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми?» (Пс. 115; 3). Что бы я был, когда бы Ты хотя едино от сих благ отнял от меня? Что бы мне пользовали очи мои, когда бы свет Твой мне не светил? Неотменно блудил бы, как слепой... Как бы я мог жить, когда бы не подавал Ты мне пищу Твою? Без воздуха и малейшей минуты жить не могу. Так всякое создание твое весьма добро, и мне бедному служит. Но сия благая получая от Тебя, надеюсь будущих и лучших благ, по неложному обещанию Твоему, и от видимых к невидимым, и от настоящих к будущим, и от временных к вечным, и от земных к небесным стремится дух мой. Аще бо во изгнании и ссылке толикая благая подаеши нам, коликая подашь во отечестве и дому Твоем! Воистину «око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его» (1 Кор. 2; 9). «Буди убо, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя» (Пс. 32; 22). Слеп я, как и прочие, без благодати и просвещения Твоего; грех мой меня ослепил. Сего ради ниспослал Ты нам слово Твое святое чрез избранных рабов и слугителей Твоих. Сие мне, как свеча вр тьме сидящим, сияет и показывает вред и пользу, зло и добро, грех и добродетель, ложь и истину, неудобное Тебе и удобное, неверие и веру, и тако прогоняет мою слепоту и просвещает разум мой. «Светильник ногам моим закон Твой, и свет стезям моим» (Пс. 118; 105). Многояза сие Тебе, Господи, должен, и ничем не могу воздать! — От слова Твоего познаю Тебя, Бога и Создателя моего; в нем я вижу, что Ты преславные и чудные дела сотворил и твориши, каковых рука человеческая и никакое создание сотворить не может; и от всего того познаю всемогущую силу Твою, трепещу и смиряюся под крепкую руку Твою. — В слове Твоем вижу я, что всемогущая десница Твоя защищает, сохраняет и спасает боящихся, любящих и почитающих Тебя, своевольных же смиряет, наказует и казнит. И от того познаю правду Твою и боюсь суда Твоего: Боже, милостив буди мне грешнику! (Лк. 18; 13). «Не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живой» (Пс. 142; 2). «Аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит?» (Пс. 129; 3). — В слове Твоем вижу я, что Ты всех отвратившихся от Тебя призываешь к Себе; и обратившихся и с покаянием приходящих, яко Отец чадолюбивый, человеколюбно приемлещи. От сего познаю благости и бесприкладное Твое милосердие к бедным грешникам, а потому не отчаяваюся и сам за грехи мои, но с надеждою к Тебе, благому и милосердому Богу, прибегаю и милости прошу. «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое!» (Пс. 50; 3). В слове Твоем вижу я, что все, что ни открываешь нам, истина есть; и что предсказуешь, то

сбывается; и что обещал и обещаешь, то все исполняешь, яко верен Господь во всех словесех Своих; и вижу, что небо и земля мимо идут, словеса же Твоя не имеют прейти. И оттуда познаю истину Твою, и утверждаюся в вере моей. Знаю я, что храмина тела моего разорится, и тело мое, яко земля, земле предастся; но милость Твоя уверяет меня, что то же самое тело, в котором ныне живет душа моя, силою и всемогущим гласом Твоим восстанет, и благодатью Твоею в лучший и краснейший вид преобразится. «Подобает бо тленному сему облещися в нетление, и мертвенному сему облещися в бессмертие» (1 Кор. 15; 53). И тако с Церковью Твоею святою чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века, аминь. — Вижу я в слове Твоем святом, что все вещи, созданные от Тебя, как начались, так могут и скончаться. Ты же, как без начала пребываеши, так без конца будеши и не можешь не быть. «Вся, яко риза, обетшают, и яко одежду свиеша я, и изменятся: Ты же тойжде еси, и лета Твоя не оскудеют» (Пс. 101; 27-28). И от сего вижу, что Ты един имеешь бессмертие, во свете живый неприступном, что мы без Тебя жить и живы быть не можем, у Тебя источник живота. С Тобою быть — есть живот: без Тебя быть — есть явная смерть. С Тобою быть — есть блаженство: без Тебя быть — есть окаянство. С Тобою быть — есть утешение, радость и сладость: без Тебя быть — есть скорбь и горесть. С Тобою живущие истинно живут: без Тебя живущие живы умерли, пред людьми живут, но пред Твоими очами мертвы суть, в смерти пребывают. Сие рассуждая, трепещу и боюся от Тебя, живота моего, удалиться; тщуся и стараюся при Тебе быть, недостойное Твое создание. «Не отвержи мене, Господи, от лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего, и Духом владычним утверди мя» (Пс. 50; 13, 14). Ты мой Создатель, Ты мой и живот, Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое радование. Что бо ми есть на небеси? и от Тебе что восхотел на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во век. Яко се удаляющие себе от Тебе погибнут. Мне же прилепятся Богови благо есть, полагати на Господа упование мое (Пс. 72; 25-28). Вижу я в слове Твоем святом, что Ты имеешь святость неприкладную и непостижимую, которой избранныи и святии Твои Ангели удивляются и ужасаются, так что с трепетом и ужасом убеждаются взывать: Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф (Ис. 6; 3). И знаю, что страшно от Тебя отлучиться, но невозможно опороченному и оскверненному быть с Тобою. Сие рассуждение учит меня бояться всякого греха и удалиться от него и со смирением и покаянием молиться Тебе: отвори лице Твое от грех моих и вся беззакония моя очисти (Пс. 50; 11). Отыми, Господи, беззакония моя от меня, и буду Твой, и буду с Тобою. Мне прилепятся Богови благо есть. — Вижу я в слове Твоем святом, что Ты везде и на всяком месте еси, и нет такового места, где бы Ты существенно не присутствовал; и где я ни хожу и обращаюся, пред Тобою хожу и обращаюся; и что ни делаю, говорю, мыслю, начинаю, пред Тобою делаю, говорю, мыслю и начинаю, и Ты все видишь и знаешь, и далеко лучше видишь и знаешь, нежели я сам знаю; и все, что ни

делаю, говорю, помышляю и начинаю, в книге Своей записываешь, и воздашь по делам, мыслям, словам и начинаниям моим. Все пути мои пред Тобою, Господи (Пс. 118; 168). Калю пойду от Духа Твоего? и от лица Твоего камо бегу? (Пс. 138; 7). Сие научает меня всегда и везде бояться Тебя и трепетать, со страхом и опасением жить, делать, говорить, мыслить и начинать так, как дети пред отцом своим, подданные пред царем своим ходят и обращаются. От сего научаюсь везде и на всяком месте колена моя преклонять пред Тобою, и со смирением призывать Тебя, и милости искать у Тебя, и надежду мою полагать на Тебя: аще бо и пойду посреде сени смертных, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси (Пс. 22:4). — Вижу я в слове Твоем, что Ты там находишь способ спасения нам, где не видится, и все к доброму концу ведешь; и от сего познаваю непостижимую премудрость Твою, и удивляюсь той; и вижу, что Ты, как вся премудростию сотворил еси, так вся премудро и управляеши. И от сего научаюсь во всем, в благополучии и неблагополучии моем, предаваться премудрому и дивному Твоему промыслу. Возносишь ли меня — благо мне. Смиряеши ли меня — благо мне; Радоствориши ли меня — благо мне. Печаль посылаеши — благо мне. Слава Тебе, Боже, о всем! Ибо все творишь, да блаженным меня соделаешь. «Благословлю Господа на всякое время» — печальное и радостное! — Так от слова Твоего святого научаюсь познавать Тебя, Создателя и Бога моего, и познавая почитать: много я Тебе за сей небесный Твой дар должен, Господи, и никак и ничем не могу воздать! Благодарю Тя, Человеколюбче, яко сей божественный светильник Твой возжег еси, и как пред всеми, так и предо мною бедным поставил еси его. — В слове Твоем вижу я, чего Создатель от разумного создания Своего, Господь от раба Своего и Бог от человека требует, то есть, такого почитания, поклонения, послушания и любви, какового почитания никакой твари отдавать не должно. И от того научаюсь Тебя так почитать, как вера моя и слово Твое святое научает. — В слове Твоем вижу я, кто я и кто ближний мой, и что я как себя люблю, так и его должен любить, и ничего ему не делать, чего себе не хочу, и все ему делать, чего себе хочу. — В слове твоём вижу я, что Ты, яко Создатель, о всем создании Своем промышляешь так, что и птичка малая «не падает без воли Твоей» (Мф. 19; 29); но наипаче о человеке, которого по образу и по подобию Твоему сотворил еси. В том вижу я, что человек в создании своем почтен от Тебя, Создателя своего, почтен паче всея твари Твоя особенным Твоим советом: «сотворим человека». Сотворен по образу Твоему и по подобию Твоему, сотворен свят, чист, непорочен, премудр, и к вечному блаженству сотворен. Но лестным лукавого змия советом прельщен, всей своей чести и блаженства лишился, и так отвратившись от Тебя, Создателя своего, погиб... От пагубного совета! От лютого падения! Пал человек, и погиб тот, который по образу Божию и по подобию Божию сотворен, и к вечному блаженству сотворен. «Адаме! где еси?» Ах, любезное Мое создание, руками Моими сотворенное, по образу Моему и по подобию Моему сотворенное, где еси? С какой высоты в какую гнусность, с какой

славы в какое бесславие, с какой чести в какое бесчестие, с какого блаженства на какое окаянство ниспал ты! Змий лукавый прельстил создание Мое почтенное; разбойник похитил и отвел в плен человека, руками Моими сотворенного, зверь лютый растерзал чадо Мое любезное. «Человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им» (Пс. 48; 13 и 21). Так погиб человек первозданный; погибли и мы, сыны его. Ты же, благий, милосердый и человеколюбивый Боже, не терпел видеть бедного человека в погибели, но умилился над ним. Подал было ему закон Твой, дабы его, отпавшего от Тебя, обратил и привел к Тебе; но он показывал только немощь его ему, а не исцелял его. Послал Ты к падшему человеку избранных рабов Твоих, пророков, и они только обличали человека, а не помогли человеку, но указывали на Грядущего спасти человека, и Того возвещали, и тем отраду некую делали бедному человеку: грядет, грядет спасти нас; «Грядый приидет и не закоснит!..» Наконец пришло время, и святейшим благоволением Твоим послал Ты к нам Самого единственного Сына Твоего соприсносущного и собезначального. Он в подобострастную нам плоть облекся, и от пренепорочной Девы Марии родился, и Бог сый, безначальный, младенчествовал, и, Царь Небесный, на земли жил. Он от Тебя, Бога и Создателя нашего, к нам, бедным, послан был взыскати и спасти нас, погибшее Твое создание: «так о бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный» (Ин. 3; 16). Он высочайшую Твою милость, пришедши к нам, объявил нам, проповедал нам, что Ты грехи наши оставляешь нам, и нас к Себе чрез Него призывает, и верующим в Него и слушающим Его двери вечного Твоего Царствия отверзаешь, якоже Сам Он о том засвидетельствовал к нашему утешению: «Дух Господень на Мне, егоже ради помаза Мя благовестити нищим, посла Мя изцелити сокрушенныя сердцем; проповедати плененным отпущение и слепым прозрение; отпустити сокрушенныя во отраду; проповедати лето Господне приятно» (Лк. 4; 18, 19). Сию всерадостную весть от Тебя принеши нам, бедным грешникам, с человеками, яко человек на земли пожил, и веровать в Тебя и угождать Тебе и волю Твою творить, чрез Себя Самого научил нас, и к вечному Твоему царствию путь показал нам и призвал нас, и пострадал, и умер, и страданием и смертию Своею и кровию, нас ради излиянною, очистивши нас, верующих в Него, от грехов наших, влечет к Тебе, Небесному Своему Отцу, яко пастырь добрый, заблудшие овцы Твоя... За сей человеколюбивый, спасительный, чудный и умом нашим непостижимый промысл Твой, как все люди, так и я, бедный грешник, много Тебе, Господи, должен! Но что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми? Исповедаюся Тебе, Отче, с Единородным Твоим Сыном и Пресвятым Твоим Духом! Пою человеколюбие Твое! Прославляю благость и милосердие Твое, недостойный и бедный грешник! «Благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сотвори избавление людем Своим: и воздвиже рог спасения нам, в дому Давида отрока Своего» (Лк. 1; 68, 69). Где бы я был, грешник и законопреступник, если не в погибели и в

вечной смерти, как мертвец поверженный, лежал бы? Благодать Твоя, милосердие и человеколюбие Твое не допустило меня до того, но столь дивно Ты спас меня: много я Тебе, Господи, за сие должен! «Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его. Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его» (Пс. 102; 1,2). — Вижу в слове Твоем святом, что диавол, завидуя блаженству нашему, к которому благодатью едиnorodного Сына Своего ведешь нас, «яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити» (1 Пет. 5; 8). От сего врага нашего, как всех знающих Тебя, так и меня недостойного предостерегает благодать Твоя, и сохраняет всемогущая десница Твоя. О, как бы цел мог я быть, если бы не всемогущая Твоя хранила меня десница! Много я Тебе, Господи, и за сие должен! «Благословен Господь, Иже не даде нас в ловитву зубом их» (Пс. 123; 6). Но не остави меня, Господи, и до конца, но избави от лукавого того. «Не предаждь зверем душу, исповедающуюся Тебе: душ убогих Твоих не забуди до конца» (Пс. 73; 19). — Вижу я в слове Твоем святом, что Ангелы Твои святии ополчаются окрест знающих и боящихся Тебя, и сохраняют их повелением Твоим от лукавых демонов, «и в служение посылаеми бывають за хотящих наследовати спасение» (Евр. 1; 14). Сей благодати Твоей и я, недостойный и непотребный раб Твой, по милости Твоей, сподоблюся. Много я Тебе, Господи, и за сие должен! Знаю я и исповедуюсь со смирением, что я много Тебе, Создателю и Богу моему, согрешил, и жалею о том, и иные грехи вижу в совести моей, а иных и не вижу, и более не вижу, нежели вижу: «грехопадения кто разумеет?» (Пс. 18; 13). Жалею и сокрушаюся, что ими Тебя, благого и человеколюбивого Бога моего, Создателя моего, Искупителя моего, высочайшего Благодетеля моего, Того, Которого Ангелы святии со страхом и трепетом почитают, поют и поклонением чтут, — Тебя, такого и толикого Господа, безумно я, последний червячок, много оскорбил!.. И сколько раз я согрешал Тебе, столько раз видел Ты согрешающего меня; и сколько раз видел, столько раз терпел Ты мне по благодати Твоей; и сколько раз терпел мне, столько раз миловал меня. И аще бы по святейшей правде Твоей поступил Ты со мною, уже бы давно сошла душа моя во ад: но благодать Твоя и человеколюбие Твое и долготерпение Твое удержало Тебя, и не допустило меня, бедного грешника, до погибели моей. Много я Тебе, Господи, и за сию великую Твою ко мне милость должен! «Исповемся Тебе, Господи Боже мой, всем сердцем моим и прославлю имя Твое в век: яко милость Твоя велия на мне, и избавил еси душу мою от ада преисподнейшаго» (Пс. 85; 12,13). От сих и прочих, которых и не знаю, благодеяний Твоих ко мне вижу я, что в любви Твоей ко мне и благодати, человеколюбии и долготерпении и щедротах весь заключаюся. Благодать Твоя, Господи, есть, что я еще не погиб, еще живу. Вижу я, что Ты к спасению вечному меня ведешь. Помилуй убо меня бедного грешника, до конца, и благодатью едиnorodного Сына Твоего, заглади вся согрешения моя, и спаси мя в вечную жизнь, да тамо со всеми избранными Твоими за вся Твоя благодеяния буду благодарить, хвалить и воспевать Тебя

со единокровным Твоим Сыном и Пресвятым Духом, не верую, но лицом к лицу в некончаемые веки, аминь.

(Из творений святителя Тихона Задонского)

106. Познай себя – познаешь и Бога

«Ныне начах глаголати ко Господу моему, аз же есмь земля и пепел» (Быт. 18; 27). Так говорил смиренный праотец Авраам Господу, Который явился ему и беседовал с ним лицом к лицу. Познал он Господа, а вместе с тем познал и себя самого, что такое он: "Я, — говорит, — земля и пепел"! Скрывает луна свое сияние, когда восходит солнце; меркнет звезда при свете дневном, и свеча горящая при солнечном сиянии не дает никакого света; червячок, который светится ночью на темной траве, как камень самоцветный, — лишь только настает день, оказывается простым червячком, а не камнем дорогим. Вот так же и человек, чем более приближается к Богу, тем более познает свое убожество и ничтожество. Приблизился Авраам к Богу настолько, что удостоился беседовать с Ним лицом к лицу, уста к устам, как самый близкий друг беседует со своим другом задушевым: «ныне, - говорит, - начах глаголати ко Господу моему»; и в сей близости к Богу тотчас же познал свое ничтожество, и назвал себя прахом и пеплом, как бы так говоря: "Ты, о Боже и Творче мой, — Свет неприступный, Свет незаходимый, а я — тьма и ничто... Ты — бессмертен и вечен, а я скоро во гробе истлею... Ты — Господь господствующих и Царь над царями, а я — червь, ползающий пред величеством неприступной славы Твоей! Ты на небесах обитаешь, а я в персть возвращаюсь: «аз же есмь земля и пепел!»...» О, как прекрасно это смирение Авраама, которое родилось в сердце его от познания себя чрез познание Бога! — Познав Бога, он познал и самого себя и смирился даже до земли и праха... Так человек от познания Бога приходит к познанию самого себя.

Мудрые люди говорят, что и от познания себя человек приходит к познанию Бога, и чем больше кто познает свое ничтожество, тем больше познает он и Бога. Оба сии вида знания, и познание Бога, и познание самого себя, неразлучны между собою, и где есть одно, там является и другое, хотя и бывает иногда, что одно предшествует другому. И мужи опыта духовного свидетельствуют, что легче перейти от познания себя самого к познанию Бога. Так Климент Александрийский говорит: "Кто познает себя самого, тот познает и Бога, а познав Бога, он будет подобен Ему". Кассиодор, объясняя слова Давидовы: «помилуй мя, Господи, яко немощен есмь», говорит: "Много приближает к Богу познание немощей своих. Великая польза для раба Господня — познать свои немощи и не полагаться на свои добрые дела". Святой Исаак Сирий говорит: "Считай себя за ничто, и увидишь на себе самом славу Божию; ибо где рождается смирение от познания себя самого, там воссиявает слава Божия". В книге "Диоптра" читаем: "Чем лучше ты познаешь самого себя, тем совершеннее познаешь и Бога". Ты скажешь: мы

все знаем Бога, мы — не безбожники, не идолопоклонники. Отвечаю на это: все мы знаем Бога верою, но не все знаем Его любовью и страхом Божиим, не все мы любим Его как любить должно, не все боимся Его, как следовало бы нам бояться. Ибо, если бы мы воистину любили Его, то ради сей самой любви к Нему мы не захотели бы оскорблять Его; и если бы мы поистине боялись Его, то по причине сего самого страха мы не преступали бы Его заповедей. О, как сладостен Он для любящих Его, и как страшен Он для всех, кто с любовью соединяет страх Божий! Мы знаем Бога по слуху, потому что слышим слово Божие, но ум наш не углубляется в слово сие, не поучается в нем. Мы уверяемся в том, что Бог есть, но не ощущаем сладости пребывания с Ним, не обращаем никакого внимания на Его неизреченные благодеяния, являемые нам на всякий час, не благодарим за них, и не боимся суда Его страшного, не трепещем пред грозным прещением Его... Он предлагает нам небо, а мы небрежем о том; Он грозит муками вечными, мы не боимся их, так что нам, грехолюбцам, как будто приятнее лишиться Царства Небесного, чем избежать муки вечной... Мы думаем, будто знаем Бога, а угождать Богу ленимся; да и вовсе не хотим; а стало быть, мы ничем не отличаемся от тех, которые вовсе не знают Бога. Святые отцы советуют чрез познания себя приходить к познанию Бога. Некто из мудрых называет познание самого себя величайшею из наук: лучше, говорит, тебе узнать самого себя, чем, пренебрегая самопознанием, распознавать течение звезд небесных, свойства трав и цветов, природу людей и животных бессловесных, и искать познания всех вещей земных и небесных, ибо многие знают очень много, а себя самих вовсе не знают. Не знать себя самого — да это значит быть хуже скота: ведь скот не знает самого себя потому, что у него такова уж природа, а человек не знает себя потому, что не хочет знать по безумию своему! И поистине такой человек подобен скоту: разве не был обращен в скота Навуходносор, который, не желая знать своей человеческой немощи, дошел до такого безумия в своей гордости, что стал почитать себя за Бога? И отчего у людей зарождается гордость, как не оттого, что никто не хочет знать своего ничтожества, каждый о себе думает много, ставит себя высоко: один гордится своим благородством, хотя и он истлеет также, как самый последний из нищих; другой превозносится своим богатством, хотя это богатство скоро погибнет; третий кичится славою, хотя она и не постоянна, и как дым быстро исчезает; иной хвалится силою телесною и мужеством своим, хотя и может он подвергнуться наравне с другими и всякой немощи нежданной и смерти нечаянной; одни величаются своею красотою, которая как цвет увядает; другие хвалятся премудростью своею, хотя и много-много еще такого, чего и на ум им не приходило, чего они постигнуть не могли; иные почитают себя людьми великими по святости жизни, по своим добрым делам, хотя в очах Божиих они ничтожны и дела их нечисты... И сколько еще есть на свете людей, высоко о себе думающих! А все почему и отчего? Да оттого, что не хотят повнимательнее посмотреть на себя, познать самих себя. А как познать себя, дает нам образец праведный Авраам: «аз же есмь земля и

пепел», говорит он. Господь дает ему великие и многие обетования, обещает ему такого сына, чрез которого умножится потомство его как звезды небесные, дает сему потомству в наследие всю землю Ханаанскую, подводит все народы, все племена под его благословение: «благословятся, говорит, о тебе вся племена земная» (Быт. 12; 3); «благословятся о семени твоём вси языци земнии» (Быт. 22; 18). Господь делает его знаменитым между царями и праотцами, возвышает его честью, возвеличивает святостью; а он, хотя и приемлет все сие от Господа своего с благодарностью, однако же, как бы не обращает на все сие внимания, или лучше сказать, почитая себя недостойным всего этого, смотрит только на себя самого, внимает самому себе, поучается в познании себя самого, низводит себя до персти земной, и имея пред очами своими только свое ничтожество, называет себя землею и пеплом... Да и в самом деле: нет у человека в жизни сей кратковременной ничего, чем бы мог он возгордиться по праву, если он вникнет в самого себя: что он такое сам-то есть? А познав свое ничтожество, он может легко смирить свое высокоумие, может прийти в умиление и страх Божий, и со смиренным покаянием прибегнуть к Богу и познать Того, в Ком будет жить вечно, и угождать Тому, Кто для верующих в Него, и любящих, и боящихся Его, Сам есть венец, честь, слава, наследие и воздаяние, в Его вечном Царствии Небесном!..

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

Из жития святителя Иоанна Милостивого

Видя кого-либо из горделивых, святитель не обличал его прямо, а заводил речь о смирении и обличал в тщеславии самого себя. "Удивительно, господи мои, — говорил он, — как это не помнит бедная душа моя о смирении, какое явил нам Сам Сын Божий на земле; но я надмеваюсь и превозношусь пред братом моим, если я хотя несколько красивее его или богаче, или почетнее, или власти больше имею... Не разумею и Божественного гласа: «научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим». Не помышляю я о том, что и святые люди называли себя — кто землею и пеплом, кто червем, а не человеком... Не из глины ли создан я, из которой делаются и кирпичи? Не завянет ли, как цвет полевой, вся мнимая слава моя?"

107. Что такое Святая Четырелесятница?

В Законе написано, что Бог повелел сынам Израилевым каждый год давать десятину из всего, что они приобретали, и делая так, они имели благословение во всех делах своих. Зная сие, святые Апостолы установили и предали на помощь нам, и как благодаяние душам нашим, еще нечто большее и высочайшее, — чтобы мы отделяли десятину от самых дней жизни нашей и освящали ее Богу: дабы и мы таким образом получили благословение на все дела наши, и ежегодно очищали грехи, сделанные нами в течение целого

года. Рассудив так, они освятили нам из трехсот шестидесяти пяти дней года сии семь недель святой Четыредесятницы. Таким образом отделили они сии семь недель; но со временем Отцы заблагорассудили прибавить к ним и еще одну неделю (сырную): во-первых, для того, чтобы желающие вступить в подвиг поста в течении сей недели приучались и как бы приуготовлялись к оному; во-вторых, для того, чтобы почтить число дней поста Четыредесятницы, которую постился Господь наш Иисус Христос. Ибо, отняв от осьми недель субботы и воскресенья, получаем сорок дней; а пост святой Субботы почитается особенным, потому что она есть священнейшая и единственная постная из всех суббот года. А семь недель без суббот и воскресных дней составляют тридцать пять дней; потом, приложив пост святой Великой Субботы и половину Светлой и светоносной ночи, получаем тридцать шесть дней с половиною, что и составит во всей точности десятую часть трехсот шестидесяти пяти дней года. Ибо десятая доля трехсот есть тридцать, десятая доля шестидесяти есть шесть, а десятую долю пяти составляет половина Светлой ночи. Вот, как мы сказали, тридцать шесть с половиною; вот, так сказать, десятина всего лета, которую, как я сказал, освятили нам святые Апостолы, для покаяния и очищения грехов всего года. Итак, блажен, братия, кто хорошо и как должно сохранит себя в сии светлые дни. Ибо хотя и случится ему, как человеку, согрешить по немощи, или по нерадению, но вот Бог дал сии святые дни для того, чтобы, если кто постарается со вниманием и смиренномудрием позаботиться о себе и покаяться во грехах своих, — он очистился от грехов, которые сделал в продолжение всего года. Тогда душа его освободится от тяготы, и таким образом он очищенным достигнет святого дня воскресения, и неосужденно причастится Святых Таин, сделавшись чрез покаяние в сей святой пост новым человеком. Таковой в радости и веселии духовном, при помощи Божией, будет праздновать всю святую Пятидесятницу: ибо Пятидесятница, как говорят отцы, есть покой и воскресение души; сие и означает тем, что мы во всю святую Пятидесятницу не преклоняем колен. И так каждый, желающий в сии дни очиститься от грехов, сделанных им в течение целого года, прежде всего должен удерживаться от множества яств, ибо безмерие пищи, как говорят Отцы, рождает для человека всякое зло. Потом он должен также остерегаться, чтобы не нарушить поста без великой нужды, чтобы не искать вкусной пищи и чтобы не отягчать себя множеством пищи или питья. Ибо есть два вида чревоугодия. Первый, когда человек ищет приятности пищи, и не всегда хочет есть много, но желает вкусного; и случается, что таковой, когда вкушает яства, которые ему нравятся, до того побеждается их приятным вкусом, что удерживает снесь во рту, долго жует ее и, по причине приятного вкуса, не решается проглотить ее. Это называется гортанобесие. Иного опять борет многоядение, и он не желает хороших снедей, и не заботится о вкусе их; но хороши ли они, или нет, он хочет только есть, и не разбирает, каковы они; он заботится только о том, чтобы наполнить чрево свое: это называется чревобесие. Итак, кто желает очиститься от грехов

своих, тот должен с большим вниманием остерегаться и избегать сих видов чревоугодия; ибо ими удовлетворяется не потребность тела, но страсть, и если кто предается им, то это вменяется ему в грех. Как в законном браке и блудодеянии действие бывает одно и то же, но цель составляет различие дела: ибо один совокупляется для рождения детей, а другой для удовлетворения своего сладострастия; тоже можно найти и в отношении пищи: есть по потребности и есть для услаждения вкуса — дело одинаковое, а грех заключается в намерении. Есть по потребности значит, когда кто-нибудь определит себе, сколько принимать пищи в день, и если видит, что это определенное им количество пищи отяготило его и нужно оное несколько уменьшить, то уменьшает его. Или, если оно не отяготило его, но и недостаточно для тела, так что надобно прибавить немного, он прибавляет несколько. И таким образом, хорошо испытав свою потребность следует потом определенной мере и вкушает пищу не для услаждения вкуса, но желая поддержать силу своего тела. Однако и то небольшое, употребляемое кем-либо в пищу, должно принимать с молитвою и осуждать себя в помысле своем, как недостойного никакой пищи и утешения. Не должно также обращать внимания на то, что другие, по какой-либо случающейся потребности или нужде, бывают успокоены, чтобы и самому не пожелать покоя, и вообще не должно думать, что успокоение тела легко для души. Сие сказали мы о воздержании чрева. Но мы не в пище только должны соблюдать меру, но удерживаться и от всякого другого греха, чтобы, как постимся чревом, поститься нам и языком, удерживаться от клеветы, от лжи, от празднословия, от унижения, от гнева и, одним словом, от всякого греха, совершаемого языком. Также должно поститься и глазами, т.е. не смотреть на суетные вещи, не давать глазам свободы, ни на кого не смотреть бесстыдно и без страха. Также и руки, и ноги должно удерживать от всякого злого дела. Постясь таким образом, как говорит Василий Великий, постом благоприятным, удаляясь от всякого греха, совершаемого всеми нашими чувствами, мы достигнем святого дня Воскресения, сделавшись, как мы сказали, новыми, чистыми и достойными причащения Святых Таин.

(Из Поучений преподобного аввы Дорофея)

Для чего установлена Святая Четырнадцатница?

Первая причина установления святой Четырнадцатницы есть та, чтобы мы могли подражать, по силе нашей, Иисусу Христу, Который есть глава наша. Пребывая в посте мы подражаем Самому Господу, постившемуся нас ради 40 дней. И поелику в это самое время мы воспоминаем неповинно страждущего за нас Христа, то прилично и справедливо нам сострадать, по мере сил наших, страдавшему за нас Господу и распинать плоть нашу со страстями и похотями, по примеру Того, Кто распялся за нас. Хотя Христос и не заповедал нам подражать Ему в посте сорокадневном; однако сей заповеди о посте мы не видим только в словах, а в примере Его видим. Ибо в

другом месте Он говорит: «образ дах вам, да, якоже Аз сотворих, и вы творите» (Ин. 13; 15). И верховный Апостол Петр говорит: «Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его» (1 Пет. 2; 21). И Апостол Павел тоже говорит: «бывайте подражатели Богу, якоже чада возлюбленная» (Еф.5;1). — Вторая причина установления святой Четыредесятницы состоит в том, чтобы все христиане почитали св. Четыредесятницу как бы общим и всенародным прибежищем покаяния. Если и всегда покаяние необходимо, то особенно в то время, когда воспоминаем Христа, страдавшего за наши грехи. За что Христос умер, за то и мы должны умерщвлять плоть свою. — Третья причина есть та, чтобы каждый христианин святым постом предочистил и приуготовил себя к достойному приобщению Тела и Крови Христовых, лишение коих в это время будет делом не христианским. — Четвертая причина заключается в том, чтобы исполнились на нас слова Христовы: «егда отъимется от них жених, тогда постятся» (Мф. 9; 15). Но что означает отъятие жениха, как не страдание и смерть Христа? Если и при вознесении Господнем взят был Жених — Христос, то лишение это не исполняло учеников Его такую скорбию, какая была при Его смерти. Посему исполнение вышеупомянутых слов Христовых особенно относится к этому времени страдания. Пятая причина содержится в том, что сорокадневным постом целый год одесятствуется, т.е. как бы десятая часть приносится в жертву Богу; как о сем назидательно богомудрствуют Василий Великий, авва Дорофей, Кассиан, блаженный Симеон Фессалонитский в вопросе 52-м, и другие.

108. Рай

О, рай, рай! Лишь только я назову тебя, как уже радуется дух мой, — лишь только помыслю о тебе, веселится душа моя! Рай — это благословенное отечество прародителей моих, это любезное пристанище надежды моей, это единственный желанный предмет любви моей, последнее воздаяние вере моей!.. И кого бы нам спросить, братие, — кто бы нам поведал: что такое рай? Спросим о том двоих богомудрых мужей, которые видели его воочию, это святые Апостолы Иоанн Богослов и Павел. Иоанн говорит: «и вознес меня в духе на великую и высокую гору и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога» (Откр. 21; 1-0). Но сей город был только образом рая Божия, на который если бы мы когда-нибудь удостоились взглянуть, то очи наши уверились бы в красоте его, а ум наш все же не постигнул бы, что такое рай. Апостол Павел был восхищен до третьего неба, в самый рай Божий; он видел то, чего никогда не видели очи людские, чего «не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор. 2; 9); там слышал он слова, которых на человеческом языке нельзя и пересказать (2Кор. 12; 4). Вот два человека видевшие рай: один из них Иоанн — орел Богословия, другой — Павел, сосуд избранный. Но оба они говорят о нем не ясно и прикровенно.

Стало быть и никакой человек не объяснил бы нам, что такое рай. Недаром же один праведник говорил: "О рай Божий! мы можем тебя приобрести, но не можем тебя умом нашим постигнуть"!

Христос Спаситель наш называет рай жизнью бессмертною и вечною, и радостью бесконечною. «Возрадуется сердце ваше и радости вашей никто не отнимет у вас», — говорит Он (Ин. 16; 22). Подумай, христианин, что такое здешнее счастье? Положим, был бы ты царем, владел бы целым светом; положим, у тебя не было бы врагов, не знал бы ты ни скорбей, ни болезней, был бы и собою красив, и богат, и славен: не правда ли, ведь в этом-то и состоит, по нашему мнению, величайшее счастье на земле? И однако же такое счастье есть тоже несчастье! Ведь сколько бы ты ни прожил, а все же тебе надобно умереть, и притом каждый час бояться смерти, а этот-то страх и делает тебя несчастным... А там, смотришь, и в самом счастье-то все еще чего-нибудь не достанет!.. Положим, что ты никогда не умрешь и страх смерти не тревожит тебя; но и тогда разве когда-нибудь возможно насытить всякое желание сердца человеческого? Ты счастлив, но желал бы быть еще счастливее; а стало быть и счастье твое неполно, недостаточно, а следовательно, хотя бы и бессмертен был, ты все же несчастлив... Подумай же теперь: иметь все то счастье, какого бы ни пожелало сердце твое, не бояться смерти, которая отнимает теперь от нас счастье, быть всегда и богатым, и здоровым, не знать и не бояться ни нищеты, ни болезней, ни зависти человеческой, — что же это была бы за блаженная жизнь! А такова и есть жизнь райская, жизнь полная радости нескончаемой, вечной, такой радости, которая никогда не может убавляться, но всегда, во веки веков будет одна и та же: полная, совершенная, радость неизреченная... Горька и солоната вода морская; представь же себе, что упала в море с высоты небесной одна только капля, которая все море усладила бы: понимаешь ли ты, как должна быть сладка эта небесная вода? Вот также горек и ад; но если бы упала в него одна только капля райской сладости, то эта капля усладила бы всю его горечь, погасила бы пламень адский, утолила бы все слезы грешников, и ад стал бы тогда раем. Разумеешь ли теперь, какова радость райская? Возрадуется сердце ваше, и этой радости вашей никто-никто и никогда уже не отнимет у вас! — Да, в блаженной вечности ты будешь радоваться радостью Божиею, будешь царствовать во Царствии Божием, будешь прославлен славою Божественною. Тогда «подобны Ему» — Самому Богу будем, говорит Апостол, «потому что увидим Его, как Он есть» (1 Ин. 3; 2). О, рай Божий! Воистину мы можем тебя приобрести, но постигнуть тебя слабым умом нашим мы не в состоянии! Преславное возвещается о тебе, граде Божий! Разве тогда только, когда удостоимся воочию увидеть оную несказанную красоту горнего Иерусалима, узреть оный свет не вечерний, лики Ангельские бесчисленные, сонмы святых Божиих, обитающих на небеси, — когда сподобимся увидеть Владычицу нашу Богородицу, одесную Бога предстоящую, увидеть Самого Бога лицом к лицу, — вот тогда-то мы и поймем, что такое рай, — "Боже мой! — скажем мы тогда, много слышал я о

рае, но ничего не мог уразуметь, теперь я вижу его воочию и — понимаю. Я вижу его и весь радости преисполняюсь, весь блаженствую, весь прославляюся. Вот какова слава райская! И сколь же я был неразумен, что не презрел тысячи миров ради того только, чтобы получить рай Божий! Не глуп ли я был, что тысячу жизней на одну эту жизнь жалел променять? Но благодарю — благодарю милосердие Твое, Боже мой, что живу теперь жизнью бессмертною, радуюсь радостью бесконечною!" Так будем мы прославлять в раю милосердие Божие!

Но можно ли нам получить райское блаженство? Очень можно; ведь наше спасение находится в наших же руках. — Как же это так? А вот послушайте. Сотворил Бог рай для праведных, а ад для грешных. Запер Он рай, запер и ад. Однако же ключи адские удержал при Себе: «имею ключи ада», говорит Сам Он в Откровении Апостолу Иоанну. А ключи райские Он отдал Своим Апостолам в лице Апостола Петра: «и дам тебе ключи Царствия Небесного». Стало быть, ключи от ада находятся в руках Божиих, а от рая — в руках человеческих. О, как человеколюбив промысл Спасителя нашего! Когда человек захотел бы сам мучиться во аде, то оказывается, что ключи адские не у него в руках; а когда хочет спастись, то ключи райские в его руках! Значит, Сам Бог хочет, чтобы для людей трудно было попасть в муку вечную, и потому Он не дает им ключей адских. А райские ключи Он людям поручил: когда захочешь, тогда и иди в рай! И заметьте: Господь говорит: дам тебе «ключи», а не ключ, стало быть, рай Божий не одним ключом отпирается. — Какие же это ключи? Да всякие есть: и железные, и золотые, и деревянные. У нищего, например, ключ деревянный: он убожеством своим может отпереть себе рай. У богатого ключ золотой: он богатством своим может отпереть себе райские двери. А железный ключ терпения, смирения, труда, есть у каждого человека. Стало быть каждый человек может спастись, может рай получить. Надобно только одно помнить: тесен и прискорбен путь, вводящий в царство небесное. Это слова Самого Господа. Тесен этот путь, и потому многие подвижники, вступив на него, оставили мир, бросили все мирское позади себя, и прошли сим путем в нищете и всяких лишениях; святые мученики омочили сей путь даже не потом, а кровью своей. Стало быть, кто ходит, высоко подняв голову, кто гордится перед другими, тому не пройти здесь, если не наклонить головы, если не смириться: узки врата и тесен путь! Кто пресыщается земными благами, тучнеет от невоздержания, тому не пройти, если не изнурить своего тела постом и трудами: узки врата и тесен путь! У кого много всякого ненужного добра, кто не делится с ближними своими добром, кто при этом обременен еще и другими суетными попечениями, тому не пройти здесь, если не убавить всего этого: узкие врата и тесен путь! А женщинам — о как много надобно оставить из того, к чему привязано их сердце, если они хотят пройти в эти узкие врата! Тесен путь и прискорбен, полон терний и волчцев! Много нужно пота пролить, много надобно труда приложить, много должно потерпеть и пострадать, чтобы в рай пройти: многими скорбями подобает нам внити в царствие небесное! У

кого тело любит негу и покой, кто хочет идти гладкою, цветами устланной дорогой, кто не может и одного слова обидного переварить, тому не пройти в рай: узки туда врата, тесен и прискорбен путь! — Кто же хочет в рай войти? — Конечно, все хотят. Так пусть же все и знают, что путь туда тесный и прискорбный! — Пророк Илия, восходя на небо, сбросил с себя верхнюю одежду свою. Что же это была за одежда? Да простая кожа овчая. Стало быть ты, который так или иначе обдираешь овец — обижаешь бедных людей, — знай, что в чужой коже в рай тебя не пустят. Лучше и из головы выбрось, будто можно туда войти в чужой коже, с отнятым у ближнего добром! — Да и возможное ли дело для христианина решиться променять рай из-за временных, мимолетных благ земных!... О рай Божий! Мы можем тебя приобрести, но не можем тебя умом своим постигнуть!..

(Из "Поучительных Слов " святителя Илии Миняitia)

109. Ад

Представьте себе, братие, мрачную подземную темницу, глубочайшую пропасть, смрадный гроб, безотрадное место плача или ужаснейшую печь огня неугасимого, и посмотрите там на заключенного, погребенного, горящего в пламени грешника!.. Его непрестанно уязвляет там державная десница Вышнего тремя страшными стрелами и наносит ему три страшные раны: вечное раскаяние без пользы, безмерную муку без отрады, крайнее желание без надежды. — Первая стрела гнева Божия — это живое воспоминание протекшей жизни, — воспоминание горькое, которое производит еще более горькое, но бесполезное раскаяние. О если бы эта земная жизнь наша как скоро проходит, так же скоро и забывалась! Если бы, лишаясь земных наслаждений, мы лишились бы вместе с тем и памяти! Но нет! Что было, того нельзя переделать, что бы не было, — и нераскаянный грешник никогда не забудет грехов своих! И вечно они будут мучить его совесть, вечно он будет в них раскаиваться, но без пользы, вечно будет он лить слезы, но они уже не омоют грехов его: нет! они еще более будут разжигать пламень мучения... Во аде нет места покаянию: заключились уже двери царства небесного и будут заперты во веки веков! Бедная душа грешная! Что ты такое сделала, что мучишься так страшно? В чем ты согрешила, что мучишься тут вечно? — "Я вкусил каплю меду и вот за это мучусь вечно! — говорит грешник. — И что такое было плотское наслаждение, ради которого я отдал и имение и душу и сердце непотребной женщине — что это было, как не капля меду? А эти пиры и ликования, игры и потехи — что это было, как не капля меду? А эта сатанинская радость, когда я видел ближнего в несчастье, когда я мстил ему, поносил его из зависти и по злобе — что это было, как не капля меду? И все эти богатства, ради которых я обременил совесть мою бесчисленными обидами, делами незаконными — ведь все это было только капля меду! И слава и знатность, и честь и покой, все, чем наслаждался я без страха Божия, — все, все это было

капля меду, да и то смешанного с отравой, с суетами и болезнями! Да если бы и вся жизнь моя протекла лишь в счастии земном, — что все это в сравнении с вечным мучением? — Одна капля меду, ничто, «яко день вчерашний, иже мимо иде!..» При одном воспоминании о том я ощущаю пламень, палящий мою душу больнее того огня геенского, который жжет мое тело! О проклятый мед временных наслаждений! Ты стал для меня теперь отравой среди вечных мучений!.. Жизнь моя мимолетная! Ты стала виною моих страданий нескончаемых!.. Но для чего я называю жизнь мою мимолетною? Нет! Она была довольно продолжительна, и даже очень продолжительна для того, чтобы мне получить вечное спасение... Жил я столько-то лет, и имел у себя в руках ключи райские; знал, что есть мука такому, как я, грешнику, знал, что должно делать, чтобы избежать ее, легко мог сделать все это, но не сделал!.. Был я человек, был свободен, был разумом одарен! И кто же это прельстил меня! Годы златые, дни многоценные! Я потерял вас — все потерял! Кто дал бы мне теперь хоть один из тех часов, которые казались мне такими долгими, кто дал бы мне хоть одну минуту для покаяния! Но нет уже времени: оно окончилось; теперь настала вечность, и вечно я буду плакать без пользы". Так будет плакать тогда грешник; будет он проклинать чрево, его носившее, грудь матери, его вскормившую, будет проклинать родителей, друзей и всех знаемых, а более всего — тот мед греховный, ради которого он терпеть будет горечь вечного мучения адского. — Но это только первая стрела гнева Божия, его поражающего. Вторая стрела это — самая мука адская. «Соберу на них злая», угрожает Бог грешникам (Втор. 32; 20). Собрание, соединение всех зол, всех бед и мук вместе — вот состояние мучимых во аде! Все яды скорбей собраны в одну чашу, все пламени огня неугасимого соединены в один пламень, все муки вечные — в одной минуте! Мучение вечное — без ослабы, без конца! "Отче Аврааме, — взывает евангельский богач, — ты отец милости, окажи милость мне, горящему в огне неугасающем! О, пошли этого счастливец Лазаря, чтобы омочил он конец перста в воде и прохладил язык мой пламенеющий". — И что же говорит ему Авраам? "Нет, чадо мое; ты все получил уже в жизни твоей, не ожидай более ничего"... О горе лютое! Одной капли просит, у Авраама-милостивца просит, и того не получает! Почему это? Да потому, что для находящегося в муке вечной нет и в море воды, то есть и у Бога милости! — И этой-то муке не будет конца никогда — никогда! Пройдут тысячи лет, миллионы лет, а мука будет все только еще начинаться! И если бы мучимый грешник, изливая по одной только слезинке каждый год, пролил столько слез, что потекли бы из них реки, то и тогда он и одной минуты того века не убавил бы!.. И смерти там не будет: там сама смерть бессмертна, будут искать ее грешники и не обрящут... Там будет навеки погребен грешник. Никто — никто не услышит воплей его!.. Заключена темница адская, ключи у Бога Самого, и никогда — никогда не выйдет оттуда грешник! Но ты скажешь: грех дело временное, за что же мука-то вечная? Отвечаю: как нет сравнения между грехом временным и мукою

вечною, так же точно ведь нет сравнения между человеком, этим червем непотребным, каков ты, и Богом Всевышним, Которого ты оскорбляешь грехом. Если бы ты жил вечно, то вечно бы и грешил; а потому и следует тебе мучиться вечно. Вот теперь адские муки у тебя пред очами, а ты все таки грессишь; а за это-то и следует тебе мучиться вечно. Тебе следовало бы ежечасно благодарить правду Божию, которая открыла пред тобою пропасть адскую, дабы пресечь тебе путь злобы твоей. Да если бы муки адские имели конец, то какова была бы жизнь христиан? Воистину праведен суд Божий! — Третья стрела гнева Божия, уязвляющая сердце грешника — это желание без надежды, желание Бога, без надежды на Бога! Видал ли ты когда-нибудь волны морские, которые устремляются на берег, будто хотят затопить всю землю собою, но потом, ударившись о скалы, разбиваются на тысячу брызг и с пеною возвращаются назад? Вот так же устремляться будет и душа грешника к общению с Богом, но встретив сердце Божие, точно скалу твердую, будет разбиваться от болезни лютой! Желать Бога всегда и не надеяться увидеть Его никогда — да это такое мучение, которое я и объяснить не могу! Подумайте только, что если бы прекраснейшее и святейшее Лицо Божие на одну лишь минуту сокрылось от очей праведных, то самый рай стал бы для них адом; и если бы оно на одну лишь минуту показалось мучимым во аде, то самый ад стал бы раем. Подумайте, если бы грешники имели надежду когда-нибудь увидеть Лицо Божие, то мучение миллионов веков показалось бы им за ничто! Каково же их мучение, когда они будут вечно желать без надежды узреть Лицо Божие! — А мы между тем нимало о том и не думаем! Мы считаем за великую потерю, если на один день лишимся милости какого-нибудь вельможи, если сутки не видались с близким человеком, а вечное лишение любви, благодати, славы Божией ставим ни во что! Мы знаем, что есть мука вечная, а сами идем прямо в геенну... Одно из двух: или мы не верим, что есть эта мука, или же мы просто обезумели... Ясно, что мы достойны этой муки вечной, если не за другое что, так за неверие или за безумие наше! Как же быть? Да надобно, всегда надобно помнить муку вечную, — вот мы и избежим ее. В древние времена, один святой отшельник терпел искушение от плоти; вот раз диавол и представил ему подобие женщины, чтобы его скорее на грех соблазнить. Что же отшельник сделал? Он протянул палец на огонь горевшей свечи, а как не мог болезни вынести, тотчас же одернул руку и сказал сам себе: "если я не могу вытерпеть одной минуты, чтобы мой палец горел на огне, то как же вытерплю я муку вечную, когда буду гореть весь и телом и душою в пламени геенны? Иди за мною сатано!" — И тотчас женщина исчезла, отшельник победил плоть, посрамил диавола, избежал греха, спас душу... О, если бы и каждый из нас, когда будет его искушать плоть, мир или диавол, говорил сам себе: "Ведь за то, что я делаю, мне придется мучиться в аде, мучиться вечно", — подумайте: что бы была тогда за охота грешить? Нет! повторяю: не будет мучиться тот, кто помнит муку вечную. Но многие ли помнят о ней?..

(Из "Поучительных Слов" святителя Илии Миняitia)

110. Ночные слезы

«Измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу» (Пс. 6; 7).

«Пролию пред Ним моление мое, печаль мою пред Ним возведу» (Пс. 141; 3).

На ложе моем помыслил я о Тебе, Человеколюбец, и в полночь восстал — прославить благодать Твою. Привел себе на память долги и грехи свои — и пролил потоки слез... Ободряли меня разбойник, мытарь, Мария-грешница, Хананеянка, а также кровоточивая и Самарянка при кладезе водном. Они говорили мне: восстань, умоляй о щедротах, — Господь твой исполнен щедрот. Давид, сын Иессеев, взывал мне в псалмах своих, пробудил меня от сна, бременившего члены мои, и сказал мне: восстани, человек, — что спиши? Судия в полночь приемлет дары, — встань, молись и проси себе прощения. Милосердый Господь возрадуется о тебе. Дверь Его день и ночь отверста кающимся. Ночью, покоясь на ложе своем, приводил я себе на память долги и грехи свои; тогда ужас объял меня, и я воззвал: увы, наступает уже грозная ночь и всякого света лишенная тьма... У кого жизнь беззаконна, тот не возрадуется в день воскресения, но без конца пребудет во тьме... И Давид бодрствовал ночью на ложе своем, помышлял о беззаконии своем и исповедовал грехи свои. Ночью омочал он постель свою слезами очей своих и с воздыханиями умолял, говоря: беззакония моя, Господи наш, «аз знаю и грех мой предо мною есть выну; Тебе единому, Господи, согрешил», — помилуй мя! Тебя призываем, Отец, Сын и Дух Святой, Тебя умоляем день и ночь — пощади нас! По множеству щедрот Твоих, очисти беззакония и грехи наши; даруй нам, Господи, душевное и телесное здравие, избавь нас от лукавого и от силы его, от пут его и от всех сетей его, и не отказывай нам ни днем, ни ночью в щедротах Твоих!..

(Из творений преподобного Ефрема Сирина)

Платок, смоченный слезами

В царствование греческого императора Маврикия, в странах Фракийских, был один разбойник, столь суровый и бесчеловечный, что никто не мог пройти безопасно тем путем, который лежал мимо его вертепа, и весьма многие из воинов желали взять его, но не могли, потому что он проникал во все их хитрые замыслы. Услышал о нем благочестивый царь Маврикий и послал к нему свой крест с одним юным отроком, говоря: "Не бойся!" Разбойник сими словами царя, при содействии Божией благодати, так был тронут, что оставил разбойнический обычай, с кротостью агнца пришел, и с раскаянием припал к ногам царским. Но чрез несколько дней, мучимый совестью, разбойник впал в жестокую болезнь, и отведен был в больницу, называемую Сампсоновою. Там, приняв мало вина, он погрузился в глубокий

сон, потом, пробудясь от сна и в себя пришед, в продолжении остатка ночи, почувствовал усиливающуюся болезнь и исход из сей жизни; а потому и обратился с молитвою ко Вседержителю Богу, со слезами каюсь и прося прощения в своих согрешениях так: "Владыко Человеколюбче! Не ищи у меня ничего доброго... Как прежде бывшего Ты спас разбойника: так и на мне удиви милость Твою, и прими сей плач мой предсмертный, который я изливаю на ложе! И как тот, который пришел в одиннадцатом часу, не сделав ничего достойного награды, однако получил ее, так прими и сии малые слезы мои, очищая и крещая меня оными: предсмертное прощение пусть будет мне вместо крещения! Более ничего у меня не спрашивай; нет у меня времени, когда уже и приставники мои пришли... И так не отлагай, не медли помиловать меня; ничего доброго не найдешь во мне! Впереди у меня одни беззакония: между тем наступил грозный вечер моей жизни, — и я не имею уже более времени уплачивать неисчислимыя долги мои... И как Ты принял горький плач Апостола Петра: так прими и мой плач, Человеколюбие! Я проливаю эти слезы на рукописание моих согрешений, а Ты губою благоутробия Твоего отри непотребные дела мои"!... Разбойник в таком покаянии пребывал несколько часов и отирая платком свои слезы, наконец предал дух свой Богу, как рассказал о сем лежавший близ его. В это время врач, надсматривавший за странноприимницею, находясь у себя дома, видит во сне, и притом в тот самый час, в который разбойник скончался, — множество муринов (эфиопов), пришедших к постели разбойника со множеством хартий, в коих были вписаны согрешения разбойника. Потом вошли два светоносных мужа, которые принесли с собою весы. Когда мурины положили на одну сторону весов рукописания разбойничьи, то другая поднялась кверху. Тогда два светлых Ангела говорили между собою: "Не найдем ли мы здесь чего либо?" И сказал один другому: "Что мы тут сделаем? Не прошло еще десяти дней с того времени, как разбойник оставил убийства и разбой: чего же доброго нам искать у него?" Разговаривая между собою, Ангелы стали ощупывать на постели его: не найдут ли они что-либо доброе? И нашли только один платок, которым разбойник отирал свои слезы. Тогда Ангелы говорили между собою: "Поистине здесь нет ничего другого, кроме платка, омоченного его слезами; но положим его на другую чашу весов и с ним человеколюбие Божие, и посмотрим: непременно что-нибудь из этого произойдет". И как только Ангелы положили платок на другую чашу весов, которая поднялась вверх, тотчас эта сторона перевесила, и все рукописания, находящиеся в другой чашке, рассыпались. Тогда Ангелы единогласно воскликнули: "Божие человеколюбие победило!" И взявши душу разбойника, отвели ее с собою, а мурины со стыдом бежали. — От видения сего врач тотчас проснулся, и одевшись, немедленно пришел в странноприимный дом; приблизившись к постели разбойника, врач нашел тело его еще не остывшим, а душу уже отшедшую к Богу; платок же его, наполненный слезами, лежал на глазах его... Итак, узнав от близ находящихся о покаянии разбойника, которое он принес пред Богом, врач

берет с собою платок, приходит к благочестивому царю, показывает ему этот платок; рассказывает ему все, что видел во сне, и что слышал от находящихся близ него, и говорит царю: "Возблагодарим Бога, благочестивейший Государь! Мы слышали, как разбойник получил спасение покаянием при кресте Небесного Царя — Христа: теперь видим еще разбойника, спасшегося покаянием во время твоего царствования". — Велико воистину человеколюбие Божие! Однако лучше, братие, предварять страшный час смертный исповеданием грехов и готовить себя покаянием, — заключает сей умилительный рассказ преподобный Анастасий. — Скажи мне, — продолжает он, — сколько таких, которые внезапно восхищаются от сей жизни, не имея возможности ни слова выговорить, ни слез пролить, ни обещания своего исполнить? Кто же тебя уверил, что ты в предсмертный час столько слез найдешь и принесешь к Богу, сколько оный разбойник принес Богу? Ведь слезы покаяния есть тоже дар милосердия Божия к кающемуся грешнику: как же ты можешь рассчитывать на этот дар, когда он не в твоей власти? Посему не будем, братие, отлагать времени для покаяния, не будем себя обманывать надеждою, что при смерти успеем покаяться в грехах пред Богом; но лучше «предварим лице Его во исповедании» (Пс. 94; 2). Ведь кто отлагает по лености покаяние свое до последнего часа, тому, пожалуй, и вовсе не даст Бог покаяться... Все это написано мною не для того, чтобы ослабить в душах ваших усердие к благочестию, но чтобы более и более воспламенить оное, — и не для того, чтобы соделать вас нерадивыми, но чтоб сделать гораздо ревностнейшими; дабы, благоуспешно подвизаясь на поприще поста, и получивши венцы за подвиг, мы сподобились оставления согрешений и получили небесное царствие, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава ныне и присно, и во веки веков, аминь.

(Повесть преподобного Анастасия Синаита)

111. Чудеса Креста Христова

Прежде всех чудес Креста Господня, уже самое сокрытие его чудесно: евреи могли или сжечь, или иначе как-нибудь уничтожить святой Крест Христов; но дивным смотрением Божиим он остался невредим и как бы некое сокровище многоценное на время был в земле закопан. — Историки церковные согласно свидетельствуют, что и Царица Елена не сама собою, но по особенному откровению Божию решила отыскать и действительно нашла это сокровище, вместе с двумя крестами разбойников, распятых со Христом. Явилось сомнение: который крест действительно Христов? В то время проносили мимо мертвеца на кладбище, и вот на него-то и стали возлагать кресты. И что же? Лишь только Крест Христов коснулся мертвеца, как он воскрес... О сем пишут историки: Руфин, Сократ, Феодорит, Созомен и Никифор. — Царю Константину явилось на небе пресветлое знамение Креста со словами из звезд: сим побеждай; царь повелел изобразить святой

Крест на знаменах воинских и победил мучителя Максентия. В память сей победы он поставил и крест в Риме с надписью: сие знамение спасения. — Когда святое древо Креста Господня было возвращено из плена персидского, то царь Иракий хотел на своих раменах внести в Иерусалим сие сокровище, и к удивлению своему, не мог сойти с места. Но когда по совету патриарха Захарии он снял с себя царскую багряницу и в подражание нищете Христовой, облекся в рубище, то свободно и легко вошел в храм Иерусалимский. — Святая Церковь седьмого мая ежегодно празднует дивное явление Креста Господня на небе, бывшее в Иерусалиме среди дня святой Пятидесятницы; причем много евреев, свидетелей сего чуда, обратилось в христианство. А сколько чудес совершено знаменем крестным с тех пор, как Господь наш, отходя на небо, воздвиг руки Свои и благословил учеников Своих, а они, последуя Его примеру, стали благословлять верующих! — Святой Прохор, ученик Иоанна Богослова, повествует, что Апостол Иоанн однажды нашел на дороге больного человека и исцелил его крестным знаменем. Он же рассказывает: был один бедняк, христианин, который, не имея чем расплатиться с заимодавцами, решился покончить с собою и пошел к одному волхву еврею. Тот дал ему какого-то яду, и несчастный, придя домой, не знал, что делать с собою: страшно казалось ему умирать. Наконец он оградил сосуд с ядом крестным знаменем и выпил... Яд нимало не подействовал. Тогда он опять пошел к еврею и стал просить яду посильнее. Еврей удивился, что тот остался жив, однако же дал просимое. Бедняк опять перекрестил сосуд, выпил и снова остался невредим... Приходит он снова к еврею и начинает бранить его, как обманщика. Еврей не верит своим глазам, что христианин жив... "Да что ты делал, когда пил отраву?" — спросил он. — "Ничего особенного, — отвечал христианин: — я только ограждал сосуд крестным знаменем". Тогда еврей познал силу святого Креста, и желая еще более удостовериться в том, дал того же яду собаке: собака тотчас же пала... И вот, оба они, и еврей и христианин, бегут к святому Апостолу Иоанну Богослову и рассказывают все, что было. Еврей принимает Святое Крещение, а христианину святой Апостол велит принести вязанку сена, которое возлюбленный ученик Христов тут же крестным знаменем претворил в золото для бедняка. — Святой Евангелист Матфей крестным знаменем исцелил одного князя — своего мучителя. Святой Апостол Филипп повелел одному новопросвещенному христианину, по имени Ир, осенить крестным знаменем болящие члены некоего Аристарха, и лишь только Ир исполнил поведенное, как иссохшая рука Аристарха ожила, слепой глаз прозрел, уши стали слышать и весь он стал здоров. — В житии святого Дионисия Ареопагита читаем, что Апостол Павел исцелил в Афинах одного слепорожденного крестным знаменем. — Святая первомученица Фекла оградила крестным знаменем приготовленный для ее сожжения костер, взошла на него и осталась невредима. Святая мученица Василисса Никомидийская то же сделала над пылающею печью, и, вверженная в нее, осталась цела и здорова. Святые мученики Авдон и Сеннис, брошенные на

съедение зверям, оградили себя знаменем крестным, и звери не коснулись их. Святые мученики Зинов, Александр и Феодор, осенив себя крестным знаменем, одним дуновением сокрушили идолов в капище. Особенно поучительно сказание об обращении священномученика Киприана. Это был знаменитый волхв; он послал блудного беса к святой деве Иустине, чтобы склонить ее на брак с порочным юношею Аглаидом. Бес явился ей в образе женщины и стал увещавать к браку, но святая Иустина оградила себя крестным знаменем, и искуситель исчез... Бес возвратился к Киприану, и на вопрос его: почему он не мог победить сердце юной девы, бес сознался, что не терпит крестного знамения. Тогда Киприан, познав немощь бесовскую, воскликнул: "Пагубный прелестник! Если ты боишься одной тени Креста, то что же будет с тобою, если явится Сам Христос?! Ступай от меня прочь, проклятый!" Бес устремился на Киприана и стал душить его; но Киприан оградил себя крестным знаменем и воскликнул: "Боже Иустинин, помоги мне!" И бес отступил от него... Осенив себя спасительным знаменем Креста, Киприан прогнал беса и вслед за тем принял святое Крещение. — Юный Царевич Индийский святой Иосаф также прогнал от себя крестным знаменем духов злобы, подосланных к нему волхвом Февдою, чтобы склонить его на грех плотской, и лукавые бесы также вынуждены были сознаться своему повелителю — волхву, что они не могут вынести даже тени святого Креста. — Преподобный Иларион Великий крестным знаменем разгонял полчища бесовские, и однажды утишил бурно волновавшееся море, грозившее затопить находившийся неподалеку от его пустыни городок Епидавр, начертив на песке три креста. Преподобный Антоний Великий, отгоняя от себя духов тьмы, говорил: "Если вам дана от Господа такая власть, то вот я: поглотите меня. А если нет, то к чему напрасно трудитесь? Ведь вам не устоять пред силою крестного знамения!" Поучая братию, он говорил: "Когда бесы не могут поколебать нашего помысла, то начинают устрашать мечтаниями: они принимают на себя то вид женщины, то вид скорпионов, или великанов и других страшилищ; но при первом же знамении крестном они исчезают"... Когда святой Епифаний, впоследствии знаменитый епископ Кипрский, был еще мальчиком, он упал с осла и разбил себе бедро, так что не мог подняться с земли. В это время проходил мимо один благочестивый муж по имени Клеовий; он осенил крестным знаменем больное место Епифания, и отрок встал здоров... Сей же Епифаний сам потом исцелил слепое око одного юноши знаменем крестным. Преподобная Макрина, сестра святого Василия Великого, имела большую рану на груди; не желая, по своему целомудрию, показывать ее врачам, она попросила свою мать, блаженную Емилию, осенить знаменем крестным больное место; и едва Емилия сие исполнила, рана совершенно закрылась и болезнь прошла. Преподобная Мария Египетская, оградив Иордан крестным знаменем, перешла по его шумным волнам, как посуху. — Блаженный Иоанн Мосх в своем "Луге Духовном" повествует о святом Иулиане, епископе Бострском, что враги подкупили его слугу, чтобы тот, когда будет подавать пить ему,

пустил яду в стакан. Слуга так и сделал. Иулиан, по вдохновению Божию, узнал их коварство, и призвав к себе именитых граждан, в числе коих были и враги его, сказал им кротко: "Если вы думаете отравить ядом смиренного Иулиана, то вот пред вами пью его". Он осенил трижды стакан знаменем крестным со словами: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа пью сей стакан", — и выпил, и остался невредим... Подобным образом ненавистники поднесли смертоносную чашу преподобному Венедикту, и лишь только он сотворил над нею крестное знамение, она разбилась вдребезги сама собою... А кто из читавших Четий Минеи не знает поучительной истории о святом Симеоне Столпнике, как диавол подал было ему огненную колесницу, будто бы для восшествия на небо, но лишь святой Симеон оградил себя крестным знаменем, как исчезли и кони и колесница?.. И много — много таких сказаний в житиях святых, так что, если бы все их собрать воедино, то можно бы написать большую книгу. — Имея столько свидетельств истории церковной о спасительной силе благодати Божией, всегда пребывающей и действующей чрез св. знамение Креста Христова, мы с любовью лобызаем святой Крест, как знамение спасения нашего, и поклоняемся ему, как подножию ног Христовых, освященному не только прикосновением Его Пречистой Плоти, но и изливанием Его Святейшей Крови.

(Из книги "Камень Веры")

112. Назарет

Поднявшись на одну из близких к Назарету горных высот, вдруг открывается вид на весь скромный Назарет; это в настоящее время небольшой городок, с 5000 жителей — арабов, из коих 2000 православных, а остальные католики, протестанты и магометане; расположен в нагорной лощине, между двумя хребтами известковых гор, отличается здоровым климатом. На том месте, где был дом праведного Иосифа, в коем совершилось Благовещение, устроен католический монастырь. От святого дома сего сохранились три небольшие комнаты, одна над другою, в виде пещер, вырытых в природной, каменной скале. Все это скромное жилище святейшего семейства заключено теперь в стенах красивого католического храма, главный алтарь коего значительно возвышен; под ним, в нижней природной пещере, где было жилище Пресвятой Богородицы, устроен католический же храм, в который спускаются по мраморным ступеням. Под престолом сего храма изображен мраморный круг с крестом, означающий то место, где стояла Пресвятая Дева во время Архангельского Благовестия; вокруг подпись на латинском языке: «И слово плоть бысть»; несколько дорогих лампад неугасимо горят, озаряя это святое место. А где предстал Деве небесный вестник — Архангел Гавриил, то место обозначено мраморною колонною, середина которой выпилена. Предание говорит, что ее выпилили неверные, думая найти в этой колонне скрытое сокровище, и за дерзость свою были поражены слепотою. С глубоким благоговением

поклоняются верующие священнейшему сему месту, падают ниц, и, лобызая как бы живые следы стоявшей здесь Честнейшей Херувим и Славнейшей Серафим Пресвятой Девы и небесного вестника, приносят небесной Заступнице нашей из глубины сердечной архангельское приветствие: "Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою!" — Из нижней комнаты или пещеры, где было Благовещение, с правой стороны входят по каменной лестнице в верхние две комнаты, которые сохраняются в первобытном своем виде. В первой из них, по преданию, Богородица воспитывала Господа Иисуса Младенца: углубление в стене, где теперь престол, служило для Него колыбелью. Благоговейно поклонившись сему святому месту, входят во вторую комнату, тоже из природного гранита; тут жил святой праведный Иосиф — хранитель Богородицы и Ее Божественного Сына. В этом-то убогом жилище мирно протекала жизнь Господа нашего до 30-летнего Его возраста; здесь Он провел Свое детство и юность, здесь Он возрастал и духом и телом, в повиновении своей святой Матери и мнимому отцу — древоделу Иосифу. «И бе повинуюся шла... и преспеваше премудростию и возрастом и благодатию у Бога и человек» (Лк. 2; 51-52). Несколько дальше монастыря Благовещения указывают место плотничной мастерской святого Иосифа; здесь Спаситель-Отрок помогал в работе плотничной Своему воспитателю; здесь же продолжал Он и Сам трудиться по кончине мнимого отца Своего, для пропитания Своей Божественной Матери. Потому-то, конечно, и называли Его иудеи плотником (Мк. 6; 3).

В другой католической церкви, стоящей на конце города, показывают небольшой гранитный камень, на котором, по преданию, Господь наш Иисус Христос трапезовал с учениками Своими. В сем же храме особенно замечателен надпрестольный образ Спаса, список, как говорят, с образа, посланного Спасителем Царю Едесскому Авгарю.

От Назарета в расстоянии полтора часа ходу находится та гора, с коей хотели озлобленные иудеи сбросить Господа, обличавшего их лицемерие; указывают и самое то место, куда иудеи привели Господа, дабы низринуть Его — небольшая площадка, обнесенная ныне камнями; внизу под площадкою страшная пропасть, с выдающимися обрывистыми утесами. «И воставше, — повествует святой Евангелист, — изгнаша Его вон из града, и ведоша Его до верху горы, на ней же град их создан быше, да быша Его низринули». Но еще не настал час страданий Его, а потому и не могли ничего сделать с Ним злобные враги Его: «Он же прошед посреде их идяше» (Лк. 4; 29, 30).

Близ Назарета устроена очень хорошая и довольно большая арабско-греческая церковь, посвященная имени Пречистой Девы Богородицы; в левой стороне церкви, в углублении, находится источник, из коего Пречистая Дева Мария почерпала воду: это место обложено белым мрамором и вообще прекрасно устроено, в виде придела. Пред иконой Благовещения горят непрестанно лампы и свечи, а внизу сделано отверстие, с опускающейся в него кружкою для почерпания воды, которую поклонники с благоговением

пьют и умываются ею, с молитвою к Благодатной Марии, почерпавшей воду из сего источника. Какие скромные, но глубоко умиляющие душу воспоминания!..

113. Гефсиманский подвиг Спасителя

К востоку от Иерусалима при подножии горы Елеонской находится сад Гефсиманский. Несколько старинных масличных деревьев и поныне сохранились: они обнесены теперь невысокою оградой. Сюда любил уединяться Господь наш Иисус Христос со Своими учениками; здесь Он часто беседовал в молитве со Своим Небесным Отцом; сюда же пришел Он, возлюбленный Спаситель наш, после Тайной вечери с Апостолами в ночь пред Своими страданиями... Для нас, грешных, сады и вертограды служат обыкновенным местом отдыха и приятной прогулки; не то был сад Гефсиманский для нашего Господа... "Не чистые струи вод, — говорит один благочестивый поклонник святого места, — а потоки кровавого пота здесь источались; не тихое веяние ветра, а вздохи и вопли здесь слышны были; не с благоухающими розами, а с оружием и дреколиями пришли сюда взять Господа нашего злобные враги Его"... И сколько внутренних страданий, сколько душевных мук должен был Он вытерпеть здесь, еще прежде чем взяли Его, прежде чем начались Его телесные страдания — там, во дворе Анны и Каиафы, в претории Пилата, и, наконец, на Голгофе, на кресте! Да, это была ночь, подобных которой не было и не будет, пока мир стоит; это была ночь предсмертных страданий Спасителя мира, страданий самых лютых и невыносимых... Пришедши на место, повествуют святые Евангелисты, Он сказал ученикам Своим: "Посидите здесь, пока Я пойду, помолюсь там". И взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна, и начал скорбеть, ужасаться и тосковать... Тогда говорит им: "Душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь, и бдите со Мною". И отойдя от них на такое расстояние, на какое можно докинуть камень, преклонил колена, пал лицом на землю и начал молиться... И было о чем скорбеть и тужить, было от чего ужасаться и тосковать! Ведь Он — Агнец Божий, взяв на Себя грехи всего мира; ведь все грехи человеческие, все то, что должен был претерпеть весь мир за свои беззакония, вся эта тяжесть легла теперь на Него Одного!... Тяжек и один грех; — что же, когда таких грехов больше, чем песку на берегу морском? Как не изнемочь было под этою невыносимою тяжестью греховной Господу нашему? О, Господи, Господи! Если бы мы грешные всегда помнили, чего стоили Тебе грехи наши, мы наверное боялись бы их пуще огня; а то мы никогда о том и думать не думаем!..

Чем более усиливалось внутреннее смятение духа, тем прилежнее молился Господь: и был Он в борении, повествует Евангелист, и был пот Его как капли крови, падающие на землю... "Но кто же, Господи, не нанося Тебе ран, так изранил Тебя, что, Ты весь обливаешься кровью? — вопрошает святитель Димитрий, и сам же отвечает: — это — любовь, любовь, крепкая

как смерть, к роду человеческому... Два чувства боролись в это время в Святейшей душе Богочеловека — Спасителя нашего: это страх и любовь. Страх предстоящих ужасных мучений за грехи всего мира понуждает Его взывать к Отцу Небесному: «Отче, да мимо идет от Мене чаша сия!» А любовь жаждет этой чаши страданий, простирает к ней руку свою и говорит: «Отче Мой!., буди воля Твоя» (Мф. 26; 39)! Силен страх, крепка любовь, и вот эти-то два чувства борются в Нем и обливают Его кровью! Иов говорит: кто сеет нечестие, тот пожинает печаль; а Ты, кроткий и незлобивый Господи наш, Ты не сеял нечестия, а вот пожинаешь печаль! Истинно слово Твое: «ин есть сияй ими есть жняй»; мы посеяли грех, а Ты пожинаешь за нас болезни"...

В душевной скорби Иисус Христос прекращает молитву и идет к трем возлюбленным ученикам, дабы утешить Себя их присутствием и молитвою, но находит их спящими от печали!.. Скорбные чувства, хотя и неясное, но все же томительное ожидание близкой разлуки, о которой так недавно говорил им Сам Господь, усталость после трудов целого дня, все это ослабило их телесные силы до того, что они были вовсе не способны теперь к молитве... "Ты спишь, Симон! — сказал Господь Апостолу Петру, который за час пред тем обещал душу положить за Учителя: — так ли не мог ты и одного часа побдеть со Мною! Бдите и молитесь, — обратился Он к пробудившимся другим двум ученикам, — бдите и молитесь, чтобы не впасть вам в искушение. Дух бодр, но плоть немощна!"... Уже самый голос Спасителя показывал, что эти слова изливаются из растерзанного печалью сердца!

Он отошел от них и опять стал молиться, предавая Себя всецело в волю Отца Небесного...

Но чрезвычайное смирение Богочеловека побуждает Его снова идти к Своим друзьям, дабы найти Себе некую отраду и подкрепление в их молитве, — и Он опять находит их спящими! О немощная природа человеческая! Ты и среди томительной скорби склонна скорее забыться в сонном расслаблении, чем искать укрепления и освежения в сердечной молитве!..

Господу не хотелось тревожить их сна: ведь еще сколько на завтра предстояло им испытать горьких тревог сердечных, — так пусть хоть теперь немного забудутся, немного отдохнут, если уже не могут молиться с Ним... И снова Он оставляет их, и снова повергается на землю, и еще прилежнее молится Он, обливаясь потом кровавым...

Этот подвиг молитвы, эта внутренняя душевная тоска, какую испытывал Господь наш в саду Гефсиманском, это томление духа, какое Он выносил теперь в Своем святейшем сердце, все это до того ослабило телесные Его силы, что Его состояние равнялось мучению человека, борющегося со смертью... Нужно было укрепить изнеможенную природу человеческую для предстоящих новых страданий, и вот наконец является Ангел Небесный и укрепляет Его... Ангел укрепляет Иисуса — укрепляет Того, Кто Сам вся носит глаголом силы Своя! Какая дивная тайна заключается в этих словах!

Какая воистину непостижимая глубина Божественного смирения Спасителя нашего!.. "Я не знал бы, — говорит блаженный Августин, — как велико благодеяние и любовь ко мне грешному моего Господа и Спасителя, если бы Он не обнаружил предо мною, чего они стоят Ему". И в самом деле, если бы мы не знали, как Господь наш страдал в саду Гефсиманском, то могли бы подумать, что страдания для Него не стоили ничего, но тут мы видим капли кровавого пота, слышим, как Он умоляет Отца, да мимо идет от Него чаша страданий; и мы знаем, как горька эта чаша, и благоговеем пред Тем, Кто испил ее за нас. "Если и с нами случится искушение, — говорит один из наших архипастырей, — станем пред изображением молящегося Иисуса, посмотрим на чашу, сходящую свыше, повергнемся в прах пред Отцом Небесным и скажем Ему словами Единородного Сына Его: да мимо идет и от нас чаша сия; однако же не как мы хотим, но как Ты: да будет воля Твоя! И Отец Небесный услышит молитву нашу, как услышал Он моление Единородного, и спокойствие совести, тишина сердца будет для нас вместо Ангела укрепляющего" (Иннокентий).

114. Утренняя Великого Пятка

В ночь на Великий Пяток святая Церковь совершает одно из умиленнейших Богослужений. — Она раскрывает пред очами верных полную картину страданий Господних, поднятых Им ради нашего спасения — от Гефсиманского кровавого пота до Голгофского позора и заключения во гробе Господа славы. И блажен, поистине, тот, кому дает Господь при этом слезы умиления и сокрушения, кто исходит из храма в эту достопамятную ночь, подобно Апостолу Петру, с горьким плачем о вольной и невольной измене своей Господу! — Вслед за первою умиленною песнию Церкви, в которой она мысленно возводит нас в горницу Сионскую, где "на умовении вечери, славнии ученицы просвещаются, а Иуда, сребролюбием недуговав, омрачается", предлагается первое Евангелие святых страстей — прощальная беседа Спасителя с Апостолами, — та Божественная беседа, которая исполнена сколько возвышенными, столько же сладостными и утешительными мыслями и чувствами: "Дети! Не долго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я иудеям, куда Я иду, вы не можете прийти... Но да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога и в Меня веруйте: Я иду приготовить место вам в дому Отца Моего. Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас... Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Оттого, что Я сказал вам это, печалию исполнилось сердце ваше. Но Я говорю вам: лучше для вас, чтобы Я

пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам... Вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир!" — А как умилительна эта дивная молитва Спасителя нашего, которою Он заключил Свою последнюю беседу с учениками!.. О, кого не тронут эти дивные глаголы Самой Превечной Любви: "Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их. Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе! Отче!., которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне"...

Когда умолкают эти Божественные глаголы, Церковь возглашает пятнадцать антифонов, преисполненных глубокого назидания и посвященных воспоминанию уничижения и страданий Спасителя: "Князи людей собрались вместе противу Господа и противу Христа Его... Слово законопреступное — обвинение тяжкое возводят они на Него!" — "Бдите и молитесь, да не внидите в напасть, говорил Ты ученикам Своим, Христе Боже наш: а незаконный Иуда не захотел уразуметь!" — "Чувства наши чистыми Христу представим и как друзья Его, душами нашими пожертвуем для Него, и не станем угнетать себя попечениями житейскими, как Иуда, но во внутренних храминах наших возопием: Отче наш! От лукавого избави нас!" После каждого третьего антифона предлагается Евангельское чтение по порядку событий, которые так живо и столь трогательно изображаются святыми Евангелистами, что слушающий их внимательно как будто переносится на самые места событий и становится их свидетелем... Вот в саду Гефсиманском, с душою растерзанною и прискорбною даже до смерти, простерся на землю Божественный Страдалец в пламенной молитве к Отцу Небесному... По человечеству, Он ужасается предстоящих мук, молит, да мимо идет от Него чаша сия, и вместе предает всего Себя воле Отца Небесного, а между тем, во тьме ночной, уже крадется гнусный предатель с толпою воинов и слуг архиерейских... Предатель приблизился, и лобзанием предал Сына Человеческого... Чаша страданий Сына Божия начата!.. Но спокойно и мужественно предается Он в руки врагов, тогда как все ученики в ужасе разбегаются от Него... Как некоего злодея, Его влекут во мраке ночи по улицам Иерусалима и представляют на суд Анне архиерею (второе Евангелие страстей) и потом Каиафе и всему Синедриону, где Спаситель мира торжественно объявляет, что Он — обетованный Мессия, и терпит за сие удары и поношения. А Петр между тем троекратно отвергается от Господа на дворе архиерейском, но тотчас же и вырывается из этого вертепа убийц с горькими слезами раскаяния (Евангелие третье). Из двора Каиафы влекут Спасителя в преторию к Пилату, который долго и тщетно усиливается спасти Его, и думая возбудить жалость в сердцах злобных врагов Иисусовых повелевает бичевать Его, и в этом окровавленном виде изводит Его к народу и возглашает: «се человек!» (Евангелие четвертое). "Одевающийся светом яко ризою, — восклицает Церковь при сем виде Божественного Страдальца,

устрашившем самых Ангелов, — наг на суде стоишь Ты, и в ланиту ударение приемлешь от рук, Тобою же созданных!" (Антифон 10). — "Когда предстал Ты Каиафе, Боже, и предан был Пилату, судие, небесные силы от страха поколебались... ибо причтен был Ты к незаконным, Безгрешне, дабы спасти человека!" (Седален Антифона 12). Между тем, как изъязвленный Спаситель стоит на судилище Пилата, страшная участь постигает предателя Иуду, который с отчаяния «поверг сребреники в церкви, отгиде, и шед удавился» (Мф. 27; 5). Но дело, им замышленное, уже кончено... Учитель в руках врагов, которые настоятельно требуют смерти Его и нагло принимают на себя ответственность за нее пред Богом... Пилат изрекает Спасителю осуждение на смерть!.. (Евангелие пятое). "Людие Мои, что Я сделал вам? — восклицает Церковь от лица осужденного на смерть Спасителя. — Людие Мои! Чем Я вас огорчил? Слепцов ваших Я просветил, прокаженных очистил, мужа лежавшего на одре восставил... Людие Мои! Что Я сделал вам"?.. (Антифон 12). Шестое Евангельское чтение изображает нам скорбный путь от претории Пилатовой до Голгофы, который прошел Спаситель, изнуренный и изъязвленный, с тяжким крестом на раменах, и орошая потом и кровью Своею улицы Иерусалима. Предание говорит, что на сем пути сретила возлюбленного Сына Своего Пресвятая Дева и с горькими слезами поверглась пред Ним... Раздирающий вопль Ее слышен в трогательной песни церковной: "Когда увидела Агнца влекомого на заклание, Мария последовала за Ним, взывая: куда идешь Ты, Чадо Мое? Зачем спешишь так? Или другой брак совершается в Кане и Ты спешишь туда, чтобы воду для них в вино претворить? Идти ли Мне с Тобою, Чадо Мое, или подождать, пока вернешься Ты? Промолви Мне в ответ хоть одно слово, Слове Божий! Не пройди мимо Меня молча, Ты, Который соблюл Меня чистою: ведь Ты Сын и Бог мой!" (Икос). — В двух следующих Евангельских чтениях (седьмое и восьмое Евангелия) Церковь изображает пред очами верных самые муки распятия Господа на кресте посреди двух разбойников, причем св. Церковь благоговейно исповедует великую тайну Креста и повергает пред Истоцившим Себя, ради милосердия к падшему, умиленное песнопение: "К Тебе утреннюю милосердия ради Себя истощившему неизменно, и до страданий безстрастно преклоншемуся, Слове Божий: мир подай мне падшему, Человеколюбче!" Трипеснец заключается столь же трогательною песнию, посвященною памяти покаявшегося разбойника: "Разбойника благоразумного в один час рая сподобил Ты, Господи, и меня древом крестным просвети и спаси меня!" Вслед за сим, Евангельское чтение повествует о последних минутах Спасителя на кресте (Евангелие девятое) и кончине Его, сопровождавшейся ужасными потрясениями природы. — Священный трепет объемлет душу, когда слышишь, как Церковь возглашает стихиру распятия: "Вся тварь изменилась от страха, видя Тебя на кресте висевшего, Христе! Солнце омрачилось и земля основания сотрясались, все сострадало Создавшему все: волею нас ради претерпевший, Господи, слава Тебе!" Два последующие Евангельские чтения (Евангелие десятое и

одиннадцатое) посвящены воспоминанию снятия с креста и погребения Спасителя Иосифом Аримафейским и Никодимом, а самое последнее (Евангелие двенадцатое) повествует нам о последних усилиях клеветы и злобы к Спасителю архиереев и книжников — запечатании и охране стражею гроба Его. Утренняя заключается славословием Распятого ради нас и источившего бессмертие для всего рода человеческого.

(Из "Воскресного Чтения", 1853)

115. Утро Воскресения Христова

Миновала Великая Суббота. В ночи при гробе Христа Спасителя было великое землетрясение, потому что Ангел Господень, сшедший с неба, отвалил камень от двери гроба, и сидел на нем. Вид его был, как молния, и одеяние его было, как снег. Воины, которые держали стражу, до того были утрашены этим явлением, что сделались, как мертвые. Только что начала заниматься заря первого дня недели, когда еще было темно, Мария Магдалина, другая Мария, Клеопова, и Саломия, с приготовленными благовониями пошли ко гробу. К ним присоединилась и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова. Дорогою они были озабочены: "Кто отвалит им камень от дверей гроба?" Камень был очень велик. Но, подходя, они увидали, что камень отвален. Стало появляться солнце. Мария Магдалина тотчас же побежала назад; приходит к Симону Петру и к любимому ученику Христову, Иоанну, и говорит им: "Унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его". Между тем прочие Мироносицы вошли внутрь пещеры, и действительно не нашли тела Господа Иисуса. Когда же они не знали, что подумать об этом, вдруг заметили в пещере двух юношей в белых блистающих одеждах. Они ужаснулись, и в страхе потупили взоры в землю. Тогда Ангел, который сидел на правой стороне, сказал женам: "Не ужасайтесь! Я знаю, что вы ищете Иисуса Назарянина, распятого. Нет Его здесь. Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите, вот место, где Господь положен был. И подите скорее, скажите ученикам Его и Петру, что Он воскрес из мертвых, и встретит всех в Галилее: там Его увидите. Вспомните: Он, еще будучи в Галилее, говорил вам, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешных, и быть распяту, и в третий день воскреснуть". И точно, они вспомнили, что Иисус Христос говорил это им. И вышедши поспешно из пещеры, они побежали от гроба. Хотя они получили и радостную весть, но чувство радости было погребено под ощущениями страха и ужаса: и потому они на пути никому ничего не могли сказать. Они рассказали, что узнали, тогда, когда пришли к Апостолам и к другим ученикам, находившимся вместе с ними. Впрочем, им не поверили; почли рассказанное ими за нелепость. Только Петр и Иоанн, услышав теперь во второй раз, что при гробе Спасителя произошло что-то необыкновенное, тотчас встали и поспешили ко гробу. Они побежали вместе; но Иоанн был моложе, потому бежал скорее Петра, и пришел ко гробу первый. Он

наклонился в отверстие пещеры и увидел: лежат одни пелены; но в пещеру не вошел. Вслед за ним приходит Симон Петр, и входит в пещеру; и он видит, — лежат одни пелены, и особо лежит святой плат, который был на главе погребенного Иисуса. Тогда вошел и Иоанн, увидел и поверил, что воскрес Христос. После этого оба они возвратились к себе. Между тем Мария Магдалина опять возвратилась в сад Иосифов; она стояла подле гроба и плакала. И когда плакала, наклонилась посмотреть в отверстие пещеры. И видит: два Ангела, в белом одеянии, сидят, один в головах, а другой в ногах, у того места, где лежало тело Иисусово. И они говорят ей: "Что ты плачешь?" Мария отвечала: "Взяли моего Господа, и не знаю, где положили Его". Говоря это, она заметила некоторое благоговейное движение в Ангелах, которых взор устремлен был в это время на что-то вне пещеры. Она оборотилась назад, и увидела: стоит человек. Это был Сам Господь Иисус, но она не узнала Его. Господь говорит ей: "Что ты плачешь? Кого ищешь?" — Полагая, что в такую раннюю пору некому здесь быть, кроме садовника, она говорит Ему: "Господин! Если ты взял Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его". И потом опять оборачивается к Ангелам, чтобы узнать причину, что их заставило принять такое благоговейное положение? И вдруг слышит позади себя знакомый голос: Иисус Христос говорит ей: — "Мария!" — Она, обратившись, воскликнула: "Раввуни (Учитель)" И бросилась к ногам Его. Но Он говорит ей: — "Не прикасайся ко Мне (и не останавливай Меня); потому что Я еще не отхожу к Отцу Моему: а поди к братьям (ученикам) Моим, и скажи им, что спустя несколько времени я взойду к Отцу Моему, Который есть и ваш Отец, и к Богу Моему, Который есть и ваш Бог". Мария Магдалина пошла, и возвестила бывшим с Ним ученикам Его, которые все еще печалились и плакали, что она видела Господа, и Он вот что сказал ей. Но они, и услышав, что Он жив и что она видела Его, не поверили.

Другим Мироносицам, которые от одних учеников переходили к другим с вестью о том, что случилось при гробе, Иисус Христос явился на пути, и приветствовал их: "Радуйтесь!" Они приступили, припали к ногам Его, и воздали Ему поклонение; они были в страхе. Тогда Иисус Христос говорит им: — "Не бойтесь; подите, возвестите братьям (ученикам) Моим, чтобы они собирались в Галилею: там они увидят Меня".

(Из Священной Истории протоиерея М.Богословского)

Христос воскрес!

«Христос воскрес!» — говорили Ангелы женам-мироносицам, благовествуя им о воскресении Христовом. «Христос воскрес!» — благовествовали в свою очередь святые жены плачущим и рыдающим Апостолам Христовым. «Христос воскрес!» — приветствовали друг друга и святые Апостолы, спеша поделиться общею радостью. И пронеслось это радостное «Христос воскрес!» по всем концам земли и повторяет его торжествующая Церковь Божия повсюду, и сколько радости, сколько

утешений благодатных изливается в сердце от этих двух слов! Кажется, так бы и повторял всю жизнь «Христос воскрес! Христос воскрес!»

Отчего это? Почему эти слова так сладостны, так вожделенны для сердца христианского?

Да потому, что если бы Христос не воскрес, то не было бы и веры нашей святой, мы были бы тогда самыми несчастными из созданий, не было бы нам никакой надежды на спасение, и погибли бы мы тогда с грехами своими во глубинах адовых!... «Аще Христос не воста, — говорит святой Апостол, — суетна вера ваша: аще есте во гресех ваших... окаянейши всех человек есмы» (1 Кор. 15; 17,19). Если бы не воскрес Он, Начальник и Совершитель спасения нашего, то мы не смели бы и мечтать о нашем воскресении из мертвых... Но теперь Он воскрес — «Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть» (1 Кор. 15; 20), — и мы более не страшимся смерти: что до того, что мы умрем? Ведь мы знаем, что грядет час, когда все мертвые, и мы с ними, восстанем из могил своих, и настанет для нас новая, вечная блаженная жизнь, и мы никогда более не умрем, ибо — «Христос воскрес!» Вот почему и трепещет радостно сердце наше при этих сладостных словах: «Христос воскрес!» Он воскрес, говорит мое сердце, — значит воскресну и я, — об одном остается мне позаботиться, чтобы воскреснуть не для суда и осуждения, а для жизни вечной. А это уже мое дело; главное сделано: врата в Царствие Божие открыты и Домовладыка Господь наш стоит в сих вратах и зовет всех и каждого: «аще хочещи внити в живот, соблюди заповеди» (Мф. 19; 17). Соблюди заповеди, выполни это непременно условие, — и ты воскреснешь для жизни вечной!

116. Что дороже: душа или мир?

«Кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщтит душу свою?» (Мк. 8; 36).

И то и другое, и душа и мир сей, дорого для нас, слушатели возлюбленные! Дорога душа, — ибо тою живем, тою движемся; дорог и мир сей, — ибо в том наслаждаемся, в нем находим покой и все потребное для настоящей жизни нашей. Дорога душа, ибо кому же хочется умирать — с душою расставаться? Дорог и мир, ибо кто не ищет удобства жизни и других благ мирских? Но — что из двух должно быть для нас дороже: душа ли, или мир сей? Да позволит мне любовь ваша положить на весы то и другое, дабы лучше распознать, что из них дороже. — Без всякого сомнения, братие, то для нас лучше и любезнее, что прекраснее, что драгоценнее и что полезнее. Сравним же теперь душу нашу и мир сей. — Итак, что же? Не прекрасен ли мир сей? Ведь столько в нем высоких и почетных должностей, столько чинов, столько в нем украшений златых и многоценных, столько лиц прекрасных, столько храмин дивно построенных; к тому же — столько сладких и приятных дружеств, обществ, пиршеств, веселий, прохлад и утех, а — выше всего — временные грехов сладости! Так прекрасен мир сей, что

неволью влечет к себе и очи и сердце человека, как магнит влечет железо. И никому-то не хочется отвести очей от красоты его! Не напрасно святой пророк Давид молился: «отврати очи мои еже не видети суеты» (Пс. 118; 37). Сказал бы кто-нибудь: пророче Божий, сам отврати очи твои не видети суеты, не глядя на суету, отвратись от ней. Но св. пророк отвечает: не могу сам собою отвратить их; ибо «зело углубишася» в суету и неуклонно зрят на нее, и собственных сил моих недостаточно к тому, чтобы преодолеть их, един Бог силен сотворить сие. Ты убо, Господи, «отврати очи мои еже не видети суеты!» Если же неудобно отвратить и очей от суетного мира сего, то еще труднее отвратить от него сердце. Так прекрасен и любезен нам суетный мир сей! — А душа наша имеет ли какую-нибудь красоту? — Да что такое душа? — Душа есть существо разумное, невидимое, бестелесное, бессмертное, богоподобнейшее, имеющее образ Создателя своего. Рассмотрим со вниманием здесь одно слово: богоподобнейшее. Что прекраснее Самого Творца вселенной? Конечно — ничто, ибо Он есть Источник всякой красоты. А что из всех созданий небесных и земных подобно Богу? Ничто, кроме двух созданий, Ангела и души человеческой; в сих только существах явлен образ Пресвятой Троицы. Но человеческое естество и над Ангелами превознесено еще воплощением Сына Божия; ибо, по глаголу Апостольскому, «не от Ангел когда приемлет» Единородный Сын Божий, «но от семени Авраамова приемлет» (Евр. 2; 16). Приемлет, искупляя душу человеческую кровью Своею и обновляя в ней древнее подобие Свое, и украшая ее еще больше и превосходнее. Здесь, собрав вся красная мира сего, положи против красоты души человеческой, и, смотри, что прекраснее — мир, или душа человеческая? Если душа человеческая, кровью Сына Божия искупленная, и невеста навеки с Ним сопряженная, прекраснее небесной красоты, сияния звездного и света солнечного и подобна красоте Создательной: то что будет против нее вся красота мира сего? Не то же ли, что тьма против солнца? Ибо мир сей окаянный подобится не Богу, а разве своему господину, которому служит, князю века сего, диаволу, всему помраченному и никогда не могущему убедиться. — Посмотрим теперь, что драгоценнее: — душа или мир сей? — Как вы думаете? Дорог ли мир сей? Люди часто ценят богатства мирские дороже души своей: за золото и серебро и за другие вещи полагают душу свою, неся ее, как деньги, на куплю. Вот идет наемный воин на брань из-за одной корысти, — он несет душу свою: Бог весть, возвратится ли он с нею! Вот идет купец со своим товаром в далекий путь, ради приобретения, — несет душу свою: Бог весть, принесет ли ее обратно! Вот идет разбойник на разбой, чтобы добыть нечто, — несет душу свою: Бог весть, не сам ли убит будет! Или вот идет вор на кражу, — несет душу свою: кто знает, ведь может быть поймают и повесят его! Словом, человек непрестанно полагает душу свою за блага мирские. Но хотите ли, я представлю вам истинного ценителя всех сокровищ мирских? Это угодник Божий, святой Андрей, Христа ради юродивый. Он видел однажды такое видение: прекрасный юноша, сошедший с высоты небесной,

держал в руке три венца: один золотой, другой жемчужный, третий из цветов белых и красных. Святой Андрей, приступив к юноше тому, говорит: "Продаешь ли эти венцы? Хотя я сам и не могу их купить, но подожди меня: я пойду и скажу господину моему, и он даст тебе за них столько злата, сколько хочешь". Что же отвечал юноша? "Поверь мне, — говорит, — если бы ты принес злато всего мира, и тогда не отдал бы я ни тебе, ни другому кому, ни одного цветка". — Слышите ли цену всех богатств мира: они не стоят одного цветка райского! Но, о юноша прекрасный! Почему же так дорог у тебя один цвет райский, что за него не хочешь от всего мира собранного золота? Отвечал юноша: "Потому что цвет райский имеет такую красоту, которой ум человеческий постигнуть и язык изъяснить не может. Он имеет силу радостотворную, так что самою красотою своею и неизреченным благоуханием столь увеселяет человеческое сердце, что если бы человек всегда на него смотрел, то не захотел бы ни есть, ни пить, и не ощущал бы в себе никакой болезни; к тому же, цвет оный не увядает, но всегда цветет". — Посмотрим же на богатство мира сего, — имеет ли оно такую силу, как цвет оный райский: не увядает ли, и красоты своей не теряет ли? И поистине ли увеселяет человеческое сердце? Увеселяет, но на самое краткое время, а великих печалей надолго исполняет. Ибо кому вопиет Апостол: «Приидите ныне, богатый, плачьтеся и рыдайте о лютых скорбех ваших, грядущих на вы. Богатство ваше изгни, и ризы ваша молие поядоша» (Иак. 5; 1-2). Теперь всякий знай цену всех богатств мирских; они не стоят одного цвета райского! — Но попытаемся узнать цену души человеческой — христианской. Если один цвет райский так драгоценен, что богатства всего мира не могут сравниться с ним, то тем более душа человеческая, ради которой насажден от Бога рай и обогащен всякими от Бога добротами. Цена души человеческой то же, что и цена Крови Сына Божия; ибо святой Апостол говорит: «не нетленным серебром или златом вы искуплены, но честною Кровию Агнца непорочна и пречиста Христа» (1 Пет. 1; 18,19). Взвесь Кровь Сына Божия, взвесишь и цену души; оцени воплощение Сына Божия, оцени Его чудеса, страдания, крест и смерть, — тогда оценишь и душу. Пусть всякий рассудит в какую цену Сам Сын Божий поставил душу человеческую: выше небес, выше Ангелов, выше престола Своего Божественного и всего Небесного Царства; ибо ради нее, оставив все то, на землю снисшел, Себя ради ее не пощадил, душу Свою за нее на крест положил... Ищи же тут цену души человеческой! — Наконец, что полезнее — душа или мир сей? Полезнее то, что долговечнее, чем дольше можно пользоваться, чего на должайшее время станет. Но известно ли кому, как долго можно пользоваться миром, год ли, два ли, десять, или сто? Поистине, никто не знает, поживет ли в мирских благах и один день, от утра до вечера, или от вечера до воссияния другого дня; ибо всякому и всегда возглашает труба Евангельская: «безумие, в сию ночь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут?» (Лк. 12; 20). А душа надолго ли дана человеку? — Не только на временную сию жизнь, но и на веки вечные. Ибо хотя человек временно и умирает, однако

душа бессмертна и живет по смерти человеческой как написано: «праведных души в руке Божией, и не прикоснется их мука» (Прем. 3; 1). А в общем, несомненно чаемое, воскресение мертвых душа паки соединится с телом, «егда тленное сие облечется в нетление и мертвенное сие облечется в бессмертие» (1 Кор. 15; 54). О как долго, в безконечные веки, будет жить душа наша! Что же пред нею мир сей, днесь сущий, а утре погибающий. — Таким образом, взвесив душу и мир, с дерзновением говорю, что душа несравненно лучше и дороже мира, ее подобает любить, о ее спасении всячески пещися. Безумен же и пребезумен всяк, кто душу свою погубляет за суету мирскую! «Кая бо польза человеку, аще приобретет мир весь, и отщтит душу свою?» Аминь.

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

117. Суд Божий, карающий убийц

«Не убий Крови бо вашей... от руки человека брата изыщю» (Исх. 20; 13; Быт. 9; 5).

Человекоубийство есть одно из таких злодеяний, за которые суд Божий постигает злодея в сей жизни, часто вслед за совершением злодеяния, а еще чаще замечательными и поразительными путями. Это злодеяние человекоубийства так тяжко, что против человекоубийцы вопиют к Богу об очищении за кровь свою и «души избивенных» (Откр. 6; 10); против него вопиет и самая кровь, невинно пролитая им на земле (Быт. 4; 10); против него и самая правда Божия... Первый на земле человекоубийца, Каин, всю жизнь свою носил на челе своем печать отвержения Божия и знамение суда и кары небесной: «ирече Господь Каину: глас крове брата твоего вопиет ко Мне от земли: и ныне проклят ты на земли, ямсе разверзе уста своя, прияти кровь брата твоего от руки твоея. Егда делавши землю, и не преложит силы своея дати тебе, стена и трясыйся будеши на земли» (Быт. 4; 10-12). Оттого бремя жизни Каина было для злодея тяжелее и страшнее смерти, которой он желал себе (стих 14); но и смерть удалена была от него угрозой суда Божия, ибо сказано: «всяк убивый Каина седмижды отмстится» (стих 15). Человекоубийца, при всех усилиях скрыть свое злодеяние, раньше или позже, так или иначе, непременно открывается и уличается, или же сам собою, по обличению совести, сознается в преступлении. Как часто самые маловажные обстоятельства, самые случайные признаки дают основание и не всегда опытным судьям узнавать и уличать скрывшегося человекоубийцу... Но иногда Бог попускает человекоубийце скрыться на время от законного преследования; но и тогда, как поразительно, как поучительно праведный суд Божий изобличает убийцу! Чаще всего его обличают угрызения и мучения совести. Совесть — это голос нелицемерного и неподкупного суда Божия в душе человеческой. Примеры такого действия совести в обличении человекоубийства многочисленны и разнообразны. Один разбойник, по имени Давид, до того привык убивать людей, что проливал кровь

человеческую без всякого смущения совести, как кровь животных, и сделался предводителем шайки подобных себе злодеев. Раз, по устроению Божию, в минуты уединенного размышления, вдруг пробуждается в нем совесть и он оставляет все и предается самому строгому покаянию... Или вот другой подобный пример. Один разбойник, по имени Варвар, своими злодеяниями наводил ужас на все окрестные страны. Однажды после грабежа и пролития крови человеческой, обремененный сокровищами, он уединяется в пещеру, чтобы пересмотреть сокровища, добытые новым убийством. В уединении пещеры его ничто не развлекало; и тогда, смотря на сокровища, он спросил себя по совести: для чего все это?... В эти минуты совесть восстала страшным обличителем разбойника, и — тот, кого не могли уловить никакие преследования, является сам пред служителем Божиим и говорит: "Я разбойник! Злодеяния мои бесчисленны: я грабил, насиловал, убивал! Если знаешь, отец мой, что Бог примет мое покаяние, то, чем угодно, обяжи меня, я все готов исполнить. Если же нет, то вот меч, вели им убить меня!" — Иногда бывает так, что человекоубийца страшась законного преследования и суда, тотчас по совершении злодеяния старается только о том, чтобы подавить упреки и мучения совести, скрыть следы убийства и отклонить от себя подозрения; но при этом, в смущении совести, своими странными поступками более открывает, чем скрывает следы убийства и признаки подозрения. Бывает и так даже, что смущения совести производят в нем некоторое помешательство, так что невинно проливший кровь человеческую сам выдает себя убийцею и признает над собою непосредственный суд Божий. Вот один из таких примеров, записанных историею. Феодерик, царь варваров ост-готов, когда овладел Италиею, по клевете и неосновательному подозрению, вопреки убеждениям своей совести, папу Иоанна уморил в темнице, знаменитого сенатора Боэция замучил в страшных пытках, тестю его Симмаху отсек голову. Хотя он и давно привык к убийству и крови, но все же не мог не чувствовать угрызений совести в пролитии крови неповинной; он хотел однако же заглушить суд совести и не хотел признаться и покаяться в злодеянии. Между тем суд Божий судом совести сделал свое: Феодерик от душевного смущения и душевной борьбы впал в мрачное и томительное расположение духа, а потом и совсем помешался в уме. За обедом слуги подали Феодерику на стол голову большой рыбы. Ему показалось, что это голова недавно убитого Симмаха, и что она, прикусив зубами нижнюю губу и смотря на него глазами, выражающими дикость и бешенство, страшно грозит ему... Испуганный необыкновенным явлением и дрожа как бы в лихорадке, он бегом бросился к постели. Он оплакивал свой грех против Симмаха и Боэция, изъявляя свое сожаление об этом несчастии и тут же скончался. Бывают и такие люди, которые, по совершении человекоубийства, успевши укрыться от законного преследования, потом продолжают жить спокойно. В таких случаях суд Божий особенными обстоятельствами жизни обличает убийцу и отмщает за неповинную кровь человеческую. Чаще всего такой суд Божий выражается тем, что скрывшийся

человекоубийца, после, по необъяснимому стечению обстоятельств, попадает в число людей, подозреваемых в совершении другого убийства; обстоятельства дела так запутываются, что виновник прежнего убийства никак не может доказать своей невинности в совершении убийства настоящего. Тогда он или признает в своей судьбе видимый суд Божий и открывает правду, или же, в случае скрытности, получает за скрытое злодеяние наказание по суду за такое убийство, в котором на деле он не виноват. Несколько примеров такого суда Божия над разными злодеями приводит преподобный Ефрем Сирийский. — Суд Божий действует иногда в обличении человекоубийцы посредством бессловесных животных и даже вещей неодушевленных. В царстве Греческом, при императоре Константине Погонате, случилось вот что. Пустынной дорогой шел путник, сопровождаемый домашнею собакою. На путника напал разбойник, убил его и скрылся. Животное — свидетель человекоубийства, оставалось при труп убитого хозяина неотлучно. Другой прохожий предал труп мертвеца земле; животное последовало за благодетелем своего хозяина и осталось при нем. Новый хозяин собаки был содержатель гостиницы. Прошло много времени, и вот в гостиницу входит тот скрывшийся убийца; собака, ласкавшаяся по обычаю ко всем постояльцам, вдруг, к изумлению всех, с лаем бросается на пришельца и с озлоблением кидается ему в лицо; ей запрещают; она не повинуется и повторяет свое нападение несколько раз. Видевшие это заподозрили незнакомца во враждебных отношениях к прежнему хозяину животного и объявили об этом суду. На суде скрывавшийся злодей признался в человекоубийстве. Или, вот еще замечательный случай. Шли вместе два товарища, один решился лишить жизни другого, чтобы завладеть его сокровищем. Беззащитный страдалец в руках злодея умолял его взять сокровище, только бы не убивал его и клятвенно обещался сохранить в тайне злодейское покушение его; но злодей не внимал мольбам страдальца. И вот, когда он заносил последний смертельный удар своей жертве, до них долетел звук церковного колокола; умирающий призывал во имя всевидящего Бога этот священный звук во свидетели убийства и обличителя убийцы. С злою насмешкою над бессилием умирающего и над несбыточностью надежд его злодей довершил дело. И что же? Человекоубийца с того времени не мог спокойно слышать звука церковного колокола: всякий раз, когда только слышал его, злодей приходил в смущение и трепет. Мучимый сознанием суда Божия над собою, преступник убедился в необходимости признаться в человекоубийстве, и признался. Цари Римские и гонители христиан в первые века затруднялись в изобретении средств для умножения мучений и пролития крови христианской. И за то все они или испытывали казнь небесную в ужасных муках неслыханных и отвратительных болезней, или собственною жизнью и кровию, пролитою от рук убийц, принесли возмездие за мучения и насильственную смерть христиан. "О слезы, слезы! О кровь христианская! Как жестоко вы мстите за себя!" — взывал не один гонитель христиан, сознавая над собою карающую руку Божию.

(Из "Воскресного Чтения", 1857)

118. Мужья и жены

Удивительное дело, — говорит святитель Тихон, — удивительное и вместе достойное сожаления! Где бы, кажется, и быть самой искренней любви, как не между мужем и женою? По самой природе человек любит отца и мать; но святое Писание говорит: «оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей; и будета два в плоть едину» (Быт. 2; 24). Стало быть, муж и жена — едина плоть, по слову Писания. А кто же враждует на свою плоть? «Никтоже бо когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю» (Еф. 5; 29). Но сколько иногда бывает вражды и между сими лицами, столь тесно связанными! Так-то действует хитрость диавольская: где она примечает больше любви, там она прилагает больше старания разорвать союз любви, и положить свою вражду. А сколько бывает оттого вреда — и сказать нельзя"!.. Но как же избежать этого зла? Послушаем мудрых наставлений того же святителя. "Муж, — говорит он, — должен любить свою жену: «Мужие, любите своя жены», поучает Апостол, и в пример представляет Самого Христа Сына Божия, Который любит Свою Церковь (Еф. 5; 25). Жена должна не только любить своего мужа, но и повиноваться ему: «жены, повинуйтесь своим мужем, якоже подобает о Господе» (Кол. 3; 18). Оба они должны хранить верность друг другу, соблюдать супружеское ложе непорочно, ибо сказано: «честна женитва во всех, и ложе нескверно: блудником же и прелюбодеем судит Бог» (Евр. 13; 4). Ни муж жены, ни жена мужа не должны оставлять до смерти; как обещались пред Богом друг другу, так и оставаться должны неразлучными до кончины". Вот главные обязанности мужа и жены, по указанию святителя Тихона: муж — люби свою жену, жена — повинуйся мужу, и оба будьте верны друг другу. Заметьте: мужу сказано только люби, но не сказано: повинуйся, «ибо муж глава есть жены, яко же и Христос Глава Церкви» (Еф. 5; 23). А жене сказано: люби и повинуйся, ибо и святой Апостол заповедал: «жене, учити не повелеваю, ни владети (управлять) мужем» (1 Тим. 2; 12). "Да не стыдится и ныне, — говорит святитель Тихон, — жена называть мужа своего господином, если хочет быть дочерью святой Сарры!"

Вот Самим Богом установленный порядок отношений между мужем и женою! И нет семьи счастливее той, в которой строго соблюдается этот порядок, — где муж любит жену, жена любит мужа и повинуется ему, где оба они живут душа в душу, так что нет у них ни одного домашнего дела, которое не решалось бы общим советом, — и горе и радость, несчастье и счастье — все делится пополам! Кто не знает, что и горе, которое выскажешь близкому другу, — только наполовину горе; и радость, которою поделишься с родным человеком, — уже двойная радость? А какой же друг у мужа ближе жены, и кто для жены ближе и роднее мужа? О, счастлив муж, которому Бог послал жену добродетельную; по слову Премудрого — она дороже всяких

жемчугов! (Прит. 31; 10). Счастлива семья, в которой муж и жена живут взаимною любовью, — благословенна та семья от Господа! — Но как только в семье нарушается этот Самим Богом установленный порядок отношений между мужем и женою, — не жди добра, не видать счастья семье! А нарушается он, этот порядок, тогда, когда — или жена берет верх над мужем, или муж тиранит жену, или же, наконец, при всем благоразумии мужа, жена не хочет знать своих обязанностей и идет во всем наперекор мужу.

И в самом деле: вот дом, где жена, как говорится, командует над мужем. Муж безрассудно готов исполнять все ее прихоти. Как жалко смотреть на такого человека! Он любит ее без ума, и угождает во всем без ума, но этой безумной любовью только вредит и себе и ей... Она делается своенравна и капризна; он становится просто прислужником своей жены; она — его идол, он не смеет без ее позволения ни шагу сделать, ни слова сказать; жена мешается во все его дела, не только по хозяйству, но и по его службе общественной, — хотя она ничего не понимает в этих делах; но муж не смеет ей противоречить: он боится ее немилостивого взгляда, трепещет ее неласкового слова. Дети все это видят и перестают уважать отца, — мать всегда стоит за них горой, покрывает все их шалости и глупости... И горе такому мягкосердечному мужу, горе всей такой семье! — Хотите ли знать, до чего может довести такое превращение Самим Богом установленного порядка? Вспомните Соломона, этого премудрого из премудрых царей: по прихоти своих жен он настроил в своей столице капищ идольских и сам приносил жертвы идолам. Вспомните Ирода, который не посмел отказать своей жене (ведь он хорошо знал, что дочь просит по научению своей матери) в чем? — страшно сказать! — в голове величайшего из Пророков! Вспомните, наконец, тысячи примеров, когда дети, избалованные матерью, гнали из дому родного отца, да уж кстати не спускали и матери!...

Но бывает и наоборот. Бывает, что муж почти и за человека не считает своей жены. Рассвирепел он пьяный, и вот на ком показать власть? На жене... Не удалось что-нибудь в работе — опять жена виновата. И в деле и не в деле, и в сердцах и в шутку на бедную жену сыплются побои и ругательства... "Моя жена, что хочу, то и творю над нею!" — рассуждает безумный муж. И сколько горя несет такая страдалица, сколько приходится вытерпеть ей, безответной — один Бог ведает!.. А когда подумаешь, что это творится в семье христианской, между людьми православными, то как-то стыдно становится пред какими-нибудь евреями, которые лучше таких православных обходятся со своими женами!.. "Други мои! — поучает один добрый пастырь: — жена вовсе не раба мужу, а подруга, помощница ему, по назначению Господню. Следовательно, не так ли, как с равной подругой, и надо с ней обходиться мужу? Жена создана Богом нарочито из ребра мужнина: значит, не жену, а себя мы порочим, унижая женщину, и на себя самих, на свою плоть и кровь восстаем в подобных случаях. Далее: жена твоя — мать родным твоим детям; побоями ты унижаешь ее в их глазах. Она дана тебе Самим Богом, и ты пред лицом всей Церкви обещался любить ее по

гроб; она участница такая же, как и ты, в дарах Святого Духа; она, как и ты, член святой Церкви и сонаследница тебе в Небесном Царствии. А ты ее, сонаследницу Христову, бьешь и тиранишь? — "Но она того стоит?" — скажешь ты. А ты не стоишь, чтобы Господь карал тебя ежечасно за твои беззакония? Ты забыл, сколько раз окрадывал свою семью, пропивая семейное достояние? Ты забыл про грехи неверности своей жене? — "Но она сварлива?" — А ты ласков был с нею всегда и старался лаской исправить ее? — "Она глупа"? — А ты умен, что думаешь побоями вложить ей ума?.. Святой Апостол Павел увещевает: «любите своих жен, а не будьте к ним суровы» (Кол. 3; 19). «Обращайтесь благоразумно с женами, - поучает святой Апостол Петр, как с немогущим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни» (1 Пет. 3; 7). Помните: «пред Богом нет мужского пола, ни женского» (Гал. 3; 28), — все равны, а выше тот, кто более благоугождает Ему!

Бывает, наконец, и то, что как благоразумно ни поступал муж, он никак не может завести порядка в доме; жена во все мешается, хотя и ничего не умеет сделать, во всем идет наперекор мужу, или же вовсе ничего не хочет делать, бросает детей и хозяйство на одного мужа, занимается только собой да нарядами. Говорить ли о женах-пьяницах? Что может быть противнее пьяной женщины?.. Понятно, что уж тут не может быть и речи о доброй советнице; «поистине лучше жити с львом и змием, неже жити с такою женою!» (Сир. 25; 18)... Терпит-терпит иной несчастный муж такой жены, да и бросит все, и сам пойдет — куда? — Заливать свое горе горькое...

Но нет, несчастный брат мой о Христе! Не ходи туда, не губи души своей! Этот крест послал тебе Господь, а ведь Он и Сам понес за нас с тобой крест — да еще какой тяжелый!.. Он хочет, чтобы мы были причастниками страданий Его: вот и посылает тому, кого любит, тяжелые кресты... Понеси же в терпении свой крест до конца; не бойся его тяжести: Кто возложил его на тебя, Тот и поможет, ведь Он Господь милосердый... А кто знает, может быть за твое терпение Он и жену твою обратит на путь спасения? О, какая это будет радость для тебя, да не для тебя только, но и для всех Ангелов Небесных!.. Аминь.

119. В скорби – к Богу поскорее!

«Многими скорбьми подобает нам внити во Царствие Божие» (Деян. 14; 22).

Многими скорбьми... а ужели вовсе без скорбей нельзя достигнуть Царствия Божия? — Нельзя, никак нельзя; ибо только при скорбях душа наша очищается от скверн греховных, с которыми невозможно войти в Царствие Божие. И потому-то нет теперь на небе ни одного святого, который бы на земле прожил век свой без скорбей; всякий из них непременно терпел скорби в жизни, или умирал скорбною смертью. Так, к Царствию Божию для всех один путь — путь скорбный. Не имей нам скорбей в этой жизни теперь

уже невозможно; ибо мы и родимся во грехах, и живем грешниками. Вот если бы на нас не было никаких грехов, тогда конечно, мы были бы совершенно свободны от скорбей: потому что тогда не от чего и не за что было бы скорбеть нам; ведь мы оттого и скорбим, что в нас живет грех, еще действуют страсти. Итак, отчего бы и от кого бы скорбь твоя ни приходила, от себя ли, от других ли, от высших ли, от низших ли, от болезни ли, от потери ли, от бедности ли, от трудов ли, от видимых ли, от невидимых ли врагов, словом — всякую скорбь к своим грехам прилагай, за все себя обвиняй. "Видно я великий грешник, когда всем и всеми оскорбляюсь; видно, сильны еще во мне страсти, когда от всякого неприятного случая так скорблю". Впрочем, обвиняя себя во всем, не забывай милосердия Божия; бия себя руками в грешную грудь, обращай свои очи к всеблагому Богу. Иначе скорбь твоя сокрушит тебя вконец, и обличение себя во грехах повергнет тебя в бездну отчаяния. А чтобы не случилось этого с тобою, не скорби слишком, не доходи в скорби до уныния. Тяжело тебе? К Богу поскорее, — Богу, Отцу твоему, скажи: "Тяжело мне, Господи!" — и знай, брат мой, что никогда так скоро не доходит до Бога наша молитва, как в то время, когда она исходит из стесненного скорбью сердца. Прибегай к Богу, ищи Его особенно там, где Он являет особенно Свое благодатное присутствие, ищи Его во святом храме, ищи Его в святых Таинах, ищи Его в святом слове; ищи — и ты все найдешь в Нем. Когда ты таким образом будешь переносить свою скорбь, то немедленно к тебе придет утешение. Тяжка и мучительна скорбь, пока не решаешься еще переносить ее терпеливо; а как скоро примешь решительное намерение, как скоро скажешь: "Буди воля Твоя, Господи! Ведь это мне за мои грехи и для очищения моих грехов: стану же терпеть, стану терпеливо ждать, пока скорбь пройдет", — тогда, будь уверен, она пройдет, и на душе сделается так легко, и сердцу будет так отрадно, и из очей польются слезы, самые сладкие слезы!... О, для таких утешений можно целые годы терпеть самые тяжкие скорби!

Бог для того и попускает нам скорби, чтобы при них мы скорее к Нему обращались, чтобы скорее о Нем вспоминали. Звонком колокола Церковь созывает христиан на молитву, а скорбью нашею сердечною Бог заставляет нас к Нему обратиться: "Мне слишком тяжело, горькая моя жизнь, — говоришь ты, — я не могу и к Богу обратиться, перекреститься не могу, сказать Богу, что мне тяжело, не могу, — не хочется"... Но ты хоть это скажи Богу: "Мне слишком тяжело, Господи, я не могу и к Тебе обратиться, перекреститься не могу; сказать Тебе, что мне тяжело, не могу, — не хочется". Скажи так, и именно этими словами, или подобными какими-нибудь, выражающими скорбь души твоей, только непременно скажи: и увидишь, как это хорошо, спасительно для тебя; не успеешь договорить слов своих, как тебе легче будет. Скорбными словами нашими, особенно когда мы к Богу их обращаем, скорбь наша всегда облегчается. Что Богу выскажешь от души, то не будет больше тяготить душу. Бог всегда благодатью Своею отзывается в сердце нашем на сердечные наши к Нему слова. — "Но, ах,

зачем же мне все скорбеть и скорбеть, так часто и так много скорбеть? Успокоюсь я теперь, как к Богу обращусь; но после ведь и опять будет то же и опять буду скорбеть так же". Что делать! Прогоняй от себя теперешнюю твою скорбь, а о будущей не беспокойся: будущей скорбью займешься, когда придет она, если только придет. Да, теперь, когда тяжело тебе, обратись к Богу, и если успокоишься, будь этим доволен. А после, когда опять скорбеть будешь, ты опять за то же, опять к Богу. Весело тебе, легко на душе? — Будь весел и благодари Бога. Тяжело стало, скорбит душа твоя? — К Богу поскорее. "И так мне надобно всю жизнь?" — Да, и так всю жизнь. И так живя, ты наконец приучишься к Богу всегда обращаться, в Боге всегда находить успокоение, и таким образом многими скорбями внидешь в царствие Божие, где уже не будешь больше скорбеть, а все будешь радоваться о Боге, вечно, непрерывно радоваться. Да, вот зачем тебе надобно по временам скорбеть, чтобы потом внити в царствие Божие, где живут и радуются только те, которые в этой жизни многими скорбями приучаются в Боге находить радость и успокоение себе.

"Ах, скорби мои не о грехах, а от грехов, грешные скорби мои; скорблю о неудачах, о нуждах, о потерях земных; скорблю о суетном мирском, житейском; скорблю даже иногда от неудовлетворения пустых, низких желаний". И это ничего. От чего бы скорбь твоя ни происходила, все хорошо, спасительно для тебя, если только ты при скорби своей к Богу обращаешься, печаль свою греховную Спасителю открываешь, чтобы Он Своєю благодатью истребил ее в тебе. Ведь не скорбь собственно спасает человека, а она на путь спасения его наводит. Гораздо было бы хуже для тебя, если бы ты никаких скорбей не испытывал в жизни: тогда ты легко мог бы забыть Бога, и таким образом, сойти с пути, ведущего в Царствие Божие. Оттого-то и трудно богатым войти в Царствие Небесное: печалей у них больших не бывает, в довольстве всегда они живут: к Богу прибегнуть нет им случая, так все у них идет хорошо. Нет, не сетовать безутешно, а Бога благодарить ты должен, что Он хоть какие-нибудь попускает испытывать скорби, при которых ты о Нем вспоминаешь, это значит, что Он тебя не забыл, не оставил Своєю благодатью, и ведет тебя в Царствие Свое Небесное. Рассказывал некто из отцов другому, что, бывши в Александрии, он пришел однажды в церковь помолиться, и увидел там женщину богобоязненную. Она была в черном, печальном одеянии, и, молясь пред иконою Спасителя, все плакала и со слезами повторяла: "Оставил Ты меня, Господи; помилуй Ты меня, Милостивый!" — Что это так плачет? — подумал я. — Видно вдова она, и от кого-нибудь обиду терпит. Поговорю с нею, и успокою ее. — Дождавшись конца ее молитвы, я позвал к себе слугу ее, которой был при ней, и сказал ему: — "Скажи госпоже своей, что мне нужно с нею поговорить". Когда она подошла, я, оставшись с нею наедине, сказал ей: — "Видно, обижает тебя кто-нибудь, что ты так плачешь?" — "Ах, нет, — отвечала она, и опять заплакала, — нет, отче, не знаешь ты моего горя... Среди людей я живу, и ни от кого не терплю оскорбления никакого. И вот о том-то я и плачу, что

поелику я забываю о Боге, то и Бог забыл посещать меня, и три уже года, как я не знаю никакой скорби. И ни я сама не была больна, ни сын мой, и ни курицы у меня из дома не пропадало. Думаю поэтому, что Бог за грехи мои оставил меня, не посылает мне никаких скорбей, и вот плачу перед Ним, чтобы Он помиловал меня по милости Своей". Выслушав от нее это, я удивился богобоязненной и крепкой ее душе, и молясь за нее Богу, доселе дивлюсь ее крепости". Вот как люди богобоязненные рассуждают, когда долго не бывает у них скорбей: им тогда думается, что Бог забыл их; скорби они считают за особенное к себе внимание от Бога, за особенную Его к себе милость.

Итак, не скорби слишком, не доходи в скорби до уныния, а благодушествуй и радуйся, что у тебя есть о чем скорбеть: Бог, значит, не оставил тебя, любит тебя особенно, если часто приходится тебе скорбеть, — любит, и многими скорбями ведет тебя в Царствие Небесное. А когда тебе сделается слишком тяжело, от чего бы то ни было, — то ты к Богу поскорее, — Богу, Отцу твоему, скажи: "Мне слишком тяжело, Господи!" Аминь.

(Из "Поучений" протоиерея Р. Путятин)

120. Дни поминовения усопших

Нет дня во всем году, когда святая Церковь не молилась бы за усопших. Мы грешные еще спим и почиваем на ложах своих, а она, как заботливая мать, с самой полуночи встает на молитву, и в этой молитве не забывает не только нас, но и всех от века усопших отец и братьи наших. «Помяни, Господи, яко благ рабы Твоя, - молится она во время полунощницы — и елика в житии согрешиша прости, никтоже бо безгрешен, токмо Ты, могий и преставленным дати покой. Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих... всели я в места светла, в места прохладна, в места покойна... отнюдуже отбеже всякая болезнь, печаль и воздыхание...» Потом святая Церковь молится о усопших в конце утрени и вечерни на ектений: помилуй нас Боже, а также в конце повечерия на последней ектений. Но особенно важно поминовение усопших, совершаемое на Божественной литургии, при совершении святейшего Таинства Тела и Крови Христовой. Тут святая Церковь поминает как живых, так и усопших, уже по именам, и притом неоднократно. Во-первых, во время совершения проскомидии священнослужитель вынимает частицы из одной просфоры за живых, а из другой — за усопших, и полагает эти частицы на св. дискосе, близ святого хлеба или Агнца. При этом он произносит имена тех, за кого молится. Такие же частицы вынимает он и из тех просфор, которые подаются православными на проскомидии, причем также поминает принесших, и того, за кого принесены просфоры. Все эти частицы по окончании литургии опускаются во св. чашу, в самую Кровь Христову, причем священнослужитель молится: "Отмый, Господи, грехи zde поминавшихся Кровью Твоею честною!" Еще святая Церковь поминает на литургии

усопших на особой ектений, после Евангелия, и кроме того, иерей поминает живых и усопших после освящения Святых Даров, когда поют: «Достойно есть яко воистину...» Вот молитвы, приносимые Церковью за усопших ежедневно; но святая Церковь установила еще особые дни для моления о них, и это конечно потому, что усопшие более живых имеют нужду в молитве Церкви, ибо сами себе они уже не могут ничем помочь: ведь покаяние по смерти не бывает, и если они пред смертью покаялись во грехах пред священником, но не успели засвидетельствовать сие покаяние делами добродетелей христианских, то вся надежда спасения их возлагается на молитву Церкви и дела милосердия, творимые ближними в память их. Святая Церковь наипаче заповедует помянуть усопшего в следующие дни: 1) В третий день по кончине его, когда душа проходит страшный путь мытарств воздушных, причем ее истязуют злые духи во всех делах, словах и помышлениях греховных. Труден и прискорбен сей путь и для праведника, по сказанному: «и праведник едва спасается» на сих страшных истязаниях князя тьмы; каково же бывает тогда душе грешной, от страстей не очистившейся?.. «Молитесь о мне сродницы и знаемии», - вопиет тогда душа почившего устами Церкви, «да не возведена буду по грехом моим на место мучения...» 2) В девятый день по кончине, когда душа предстает на поклонение Богу. В сие время Церковь молится о почившем, да будет причислен к девяти ликам Ангельским. 3) В сороковой день по кончине, когда душа опять поклоняется Богу, и когда изрекается о ней определение Божие. Велик сей день для почившего, и справедливо заповедует Церковь прилежную молитву о нем в сей день: он решает участь усопшего до Страшного Суда Божия!.. 4) Чрез год по кончине. Мы празднуем день своего рождения; прилично вспомнить молитвою и день кончины ближних наших, ибо сей день для них есть как бы день второго рождения их для новой, уже не земной, жизни.

Затем следуют дни общего поминовения православных христиан: 5) Суббота мясопустная, или суббота пред Сырною неделей. Сей день назначен для поминовения всех от века усопших в вере и надежде воскресения от Адама и поныне, потому что в утрие, т.е. в воскресенье, предвоспоминается Второе и страшное пришествие Христово и кончина мира. Напоминая своим чадам о грядущем Судии живых и мертвых, чадолубивая мать наша, Православная Церковь, побуждает нас позаботиться не только о себе, но и о всех усопших, наипаче же о скончавшихся внезапною смертью. "Грядый Судья приидет и не укусит, — как бы так говорит она нам: — потщитесь, чада, уготовать себя, не забудьте и братии своих, которые уже не могут сами помочь себе!"... 6) Суббота накануне Троицына дня. В день Пятидесятницы Церковь испрашивает у Господа благодати всесвятого и всеосвящающего Духа Утешителя; желая, чтобы и усопшие в вере и надежде воскресения были причастниками сей благодати, она накануне праздника молится о них, и в самый день праздника приносит за них свои молитвы. Святой Василий Великий, составивший умиленные молитвы пятидесятницы, говорит в

них, что Господь наипаче в сей день благоволит принимать молитвы даже и о "иже во аде держимых". 7, 8 и 9) Три субботы Святого и Великого Поста: вторая, третья и четвертая. Подвиг поста и покаяния не разлучен с подвигом любви и милосердия, а любовь христианская не знает земных пределов: для нее перешедшие в другой мир братья еще дороже, чем пребывающие на земле, ибо они более живых нуждаются в помощи молитвы ближних. Между тем пять дней каждой великопостной седмицы не бывает совершенной литургии, а следовательно, не бывает и литургийного поминовения усопших. Итак, учреждение поминовения усопших в сии субботы весьма благопотребно, как для усопших, так и для самих живых: ибо дает сим последним случай засвидетельствовать чистоту подвигов покаяния делами милосердия и любви к усопшим братьям. (Прочие субботы Великого Поста посвящены особым воспоминаниям и потому не имеют зауспокойной службы). 10) Понедельник или вторник Фоминой недели. — В Страстную седмицу сердца верующих были переполнены скорбными чувствами воспоминания Страстей Господних; не было молитвы об усопших, потому что все церковные песнопения, все богослужение этой седмицы посвящено страданиям Господа и великому подвигу искуплений, совершенному Богочеловеком; в Светлую же седмицу торжество радости воскресения Христова и победы над смертью как бы отнимало преграду, отделяющую живых от умерших: Церковь земная, воинствующая, сливалась воедино с небесною, торжествующею, — и потому не благовременно было молиться об умерших, когда самая смерть поправа, ад побежден, когда, по слову Златословесного проповедника, никтоже да рыдает убожества, никтоже да плачет прегрешений, ибо и сущим во гробех Христос живот даровал... И вот, по прошествии седмицы сего доброго и светлого торжества, чада православной Церкви спешат приветствовать радостным: "Христос воскрес!" своих усопших братии; и сколь умирительно сие свидание живых с умершими, сколь сладостно душам усопших слышать сей всеоживляющий привет воскресения! В патерике Киево-Печерском есть такой рассказ: однажды, в день Пасхи, богоугодный старец вошел с диаконом покадить св. мощи в пещерной трапезе и в восторге душевном возгласил: "Святые отцы и братья! Сегодня — Христос воскрес!" — и вдруг от всех гробов угодников Божиих будто гром небесный последовал ему ответ: "Воистину воскрес!" Веруем и уповаем, что и наши усопшие о Христе братья отвечают нам тем же на наш радостный привет воскресения.

Для поминовения воинов, на брани убиенных, назначены еще особо два дня в году: 11) 29 августа, день усекновения Главы Святого Предтечи Иоанна; Предтеча Господень пострадал за истину, как добрый воин Царя Небесного; его предстательству поручает святая Церковь и своих чад — воинов, положивших свои души за веру, царя и отечество. 12) Суббота пред 16 числом октября или Димитриевская, установленная по совету и благословию Преподобного Сергия Радонежского Великим Князем

Димитрием Иоанновичем Донским в вечное поминовение павших героев Куликовской битвы (1380 г., 8 сентября).

121. Много может молитва Матери Божией

«И прогневався Господь его, предаде его мучителем, дондеже воздаст весь долг свой» (Мф.18; 34). Так повелел господин поступить с тем немилосердным рабом, который не хотел простить своему должнику-товарищу ста динариев, — каких-нибудь двадцать рублей на наши деньги, тогда как ему самому был прощен долг в десять тысяч талантов, или в несколько миллионов рублей. — Страшное дело гнев Божий, возжигаемый нашими грехами! Согрешил некогда светоносный ангел, — «и прогневался Господь на него», и свергнул его с неба и заключил в бездны адские на веки вечные. Согрешил Адам, — «и прогневался Господь на него», и изгнал его из рая, и осудил его в поте лица возделывать землю, приносящую ему терния и волчцы. Согрешили современники Ноя, — «и прогневался Господь на них», и навел на них потоп водный и погубил их с лица земли. Согрешили содомляне, «и прогневался Господь на них», и послал огонь небесный и истребил их. Не раз согрешали евреи, — «и гневался Господь на них», и предавал их в руки врагов их — халдеев, вавилонян и ассириян. Согрешил сам любимец Божий — Давид, но «Господь прогневался и на него»; и наказал его сначала смертью детей, а потом мором, от которого вымерло несколько тысяч его подданных. Согрешаем и мы, и разве не видим мы, как наказует нас Господь — то болезнями, то смертью, то разными и многообразными бедами и несчастиями? Воистину страшен во гневе Своем Господь, и сей гнев Его столь велик, что праведный Иов боится его больше, чем самой муки адской: «о, если бы Ты в преисподней сокрыл меня, и укрывал меня, пока пройдет гнев» Твой (Иов. 14; 13), — взывал он к Богу в скорби души своей. И вот, когда Господь только разгневан, то есть ли кто-нибудь, кто мог бы походатайствовать за грешника, умиловать Бога молитвою, обратить Его на милосердие и благодать? — Когда евреи в пустыне слили себе золотого тельца и поклонились ему как Богу, отступив от Бога истинного, — то прогневанный Господь совсем хотел истребить их с лица земли. «Оставь Меня, - говорил Он Моисею, - да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их» (Исх. 32; 10). Но кто же удержал тогда гнев Божий? Кто не допустил Его погубить неблагодарных? — Это дивное дело совершила молитва Моисея: «отврати пламенный гнев Твой, — взывал он к Богу, — отмени погубление народа Твоего, вспомни Авраама, Исаака и Иакова» (Исх. 32; 12). И престал Господь от гнева Своего, и смиловался над народом Своим, и простил евреям оное страшное беззаконие.

Но кто такое был Моисей в очах Божиих? — Раб — не больше того. — И кто были Авраам, Исаак и Иаков, которых он вспоминал в молитве своей? — Такие же рабы. Теперь спрошу я: кто такая Пресвятая Дева Мария? — Это Матерь Божия, Матерь возлюбленная, от всех созданий Божиих

преизбранная. Итак, если ходатайство раба Божия Моисея могло удержать праведный гнев Божий, — то чего не может сделать ходатайство Самой Матери Божией, когда Она станет умолять своего Сына и Бога за грешных людей? И если Господь внимает молитве святых, то ужели Он не послушает молитвы Пресвятой Девы, Своей Матери? — Когда Вирсавия, мать царя Соломона, вошла в царскую палату, то Соломон встал со своего престола, встретил ее, поклонился ей и приказал поставить для нее особый престол по правую сторону подле себя. И когда она сказала ему, что хочет просить его об одном деле, он с сыновним почтением отвечал ей: «проси, мать моя, я не откажу тебе» (3 Цар. 2; 20). Премудрый Соломон хорошо понимал, что хотя он и царь, но должен почитать свою мать, как царицу, хотя он и царь, но не должен отвергать ее просьбы: «проси, мать моя: я не откажу тебе». — Подобно сему, когда Пресвятая Дева Мария преставилась от земли на небо, когда Она вошла в чертог славы Божественной, то с какою славой встретил Ее там Единородный Ее Сын и Бог? Нам никогда, конечно, не постигнуть своим умом этой небесной славы Богоматери; мы знаем лишь то, что изрек о Ней Дух Святой устами Ее праотца Давида: «пред ста Царица одесную Тебе» (Пс. 44; 10). А это значит, что Господь почтил Ее превыше всех святых Своих, превыше всех чинов Ангельских и Архангельских, выше Херувимов и Серафимов. Ужели же Он, как любящий Сын, не сказал Ей того же, что сказал Соломон своей матери: «проси, Маши Моя: Я не откажу Тебе!» Ты — Мать Моя, от всех родов избранная, во всех женах благословенная! Как на земли Ты была преисполнена благодати, так и ныне на небе Ты преисполнена славы. Царствуй на небе и на земле, и пусть поклоняются Тебе Ангелы и человеки как Царице — Божией Матери! Я — Твой Бог и Твой Сын: как Бог Я дарую Тебе славу Мою, как Сын Я отдаю Тебе сердце Мое... «Проси, Мати Моя: Я не откажу Тебе!» Проси чего хочешь: Я во всем исполню волю Твою! Проси здравия сему болящему, на одре смертном лежащему; проси свободы тому невольнику, давно в цепях закованному; проси помощи этому несчастному, в такую беду впадшему; проси спасения оному мореплавателю, в волнах от бури утопающему... Пусть только призовет каждый из них имя Твое, — и он будет услышан: «Проси, Мати Моя!» Просит ли у Тебя бездетная женщина даровать ей в утешение детище, просит ли девица сохранить ее девство, просит ли воин победы, земледелец — плодородия земли, купец — успеха в торговле? Пусть будет по их прошению! «Проси за них, Мати Моя!» Желает ли Ты сохранить какой-либо град или страну от голода или мора, от врагов видимых или невидимых, за то, что этот град или страна благоговейно чтит имя Твое? Да будет так! Хочешь ли, наконец, чтоб этот отчаянный грешник, который прогневал Меня; чтобы этот грешник, достойный смерти и муки вечной, просвещен был благодатью Моею, обратился к покаянию и был спасен? «Проси, Мати Моя: Я не откажу Тебе!» Я — Бог, Я — Сын Твой: Я все исполнить могу. Пусть прославляется Мать Моя, пусть Моя слава будет в прославление Моей Матери!"...

Так-то, братие, всегда готов послушать Своей Матери Господь наш Иисус Христос. Где же ты, несчастный грешник, своими грехами превзошедший всех мытарей и блудниц и разбойников? Иди сюда, к Матери Божией! — Господь ли на Тебя прогневался? Или долги грехов твоих уж так велики, что ты боишься и на прощение не надеешься? Бедная душа! Есть у тебя верный ходатай! Чего бы ни попросила для тебя Пресвятая Дева Матерь Божия, — ради Ее молитвы все будет тебе: «Много бо, — о, как много может моление Матернее ко благосердию Владыки!» Одна слеза Богоблагодатной Матери может множество бед отворотить. Ее ходатайство сильно гнев Божий на милость преложить. Прибегни же под Ее защиту, проси у Ней помощи, и верь, что ты не погибнешь! Как не погибло ни одно животное из находившихся в ковчеге Ноевом, так не погибнет ни один христианин, под защиту Пресвятой Девы прибегающий! «Никто же, притекали к Тебе, посрамлен от Тебе исходит. Чистая, Пресвятая Богородице!»

О Марие! Сладость самих Ангелов, печальных радость! О Марие! Мати Божия и Мати наша христианская! Я — раб непотребный; на меня прогневался Сын Твой; что мне делать? К кому прибегнуть?.. Каюсь я во грехах моих; прибегаю к моему Спасителю, но Тебя даю за себя порукою, Тебя умоляю, на Тебя надеюсь! Ведь Ты — ненадежных надежда, Ты — грешников прибежище, Ты — христианам Мать!.. Мати моя! Прими раба Твоего, смилуйся над грешным чадом Твоим! Походатайствуй, помолись за меня Сыну Твоему, — и я буду спасен! О Марие! Кто на Тебя надеется, тот никогда не будет постыжден!...

(Из "Поучительных Слов" святителя Илии Минятия)

122. Тайный благодетель

«Да не у весть шуйца твоя, что творит десница твоя» (Мф. 6; 3).

Не напрасно святые подвижники называют заповеди Христовы "животворящими": начни только делать все по этим заповедям, и ты сам опытом убедишься, сердцем почувствуешь, как близка к тебе благодать Божия, и никогда не расстанешься с этим деланием, ничего не пожалеешь для того, чтобы исполнить святые заповеди Божии. Только делать их надобно так, как заповедано, а не так, как бы тебе захотелось; это неперемное условие для того, чтобы труды твои не пропали даром, — для того, чтобы ты опытом изведal на самом себе воистину животворящую силу заповедей Христовых. Для примера возьмем заповедь Спасителя о милостыне: «Внемлите, — говорит Он, милостыни ваша не творити пред человека, да видимы будете ими; аще ли оке ни, мзды не имате от Отца вашего, Иже есть на небесех. Егда убо твориши милостыню, не воструби пред собою... да будет милостыня твоя в тайне» (Мф. 6; 1,2,4). Вот заповедь: не делай добра напоказ: делай его так, чтобы знали о нем только Бог, да совесть твоя; делай, если можно, даже так, чтобы и тот, кому ты делаешь добро, не ведал, откуда идет оно. Да «неувесть шуйца твоя, что творит

десница твоя!» Само собою разумеется, что если уж нельзя тебе укрыться со своею добродетелью, — твори ее и явно, открыто; Бог смотрит на сердце, на доброе намерение, и если твое намерение чисто, если ты делаешь добро ближнему явно, открыто только потому, что нельзя тебе иначе сделать его, нельзя тебе укрыться с ним, — то Бог, конечно, примет и это добро, наравне с тайным доброделанием; святой Иоанн Златоуст говорит: "Если ты творишь милостыню не напоказ людям, то хотя бы и вся вселенная видела, — все равно, что никто не видал". Но все же лучше, во сто раз лучше и безопаснее, если только есть возможность — всегда делать то же самое тайно: «Отец твой видяй в тайне, воздаст тебе яви!» — О чем не знает вор, того и не похитит. О какой твоей добродетели не знают люди, — та и есть воистину некрадимое сокровище твое: ее не похитит враг спасения суетным превозношением, она соблюдается чистою от скверны тщеславия; она будет блистать яркою звездою, дорогим камнем самоцветным в сокровищнице души твоей, когда предстанешь ты пред светлое лицо Божие. Вот почему все святые Божии, делая добро ближнему, заботились больше всего о том, чтобы никто из людей не знал об их доброделании. Из многих примеров тайного благотворения приведу один.

Во времена великого угодника Божия Николая Чудотворца жил в городе Патаре один бедняк, у которого было три дочери — невесты. Нелегко было отцу смотреть на этих несчастных девиц; долго он думал, как бы устроить судьбу их, но ничего не придумал: бедность одолела, и в доме не было ни гроша, ни корки хлеба. А был и он когда-то богат; и его уважали люди, и ему кланялись; теперь же, когда он обеднел, все отвернулись от него, все его позабыли. Выходить с рукой на улицу — просить милостыни, прежнему богачу было стыдно, а между тем дело дошло до того, что хоть с голоду умирай. Думал-думал несчастный отец, как бы горю помочь, да и решился на страшное дело: ему пришло на мысль продать честь дочерей своих... Видно, забыл он на этот раз, что Бог и птенцам врановым пищу посылает, — забыл поведать Господу свое горе лютое, и едва не погубил себя и дочерей своих... Но Господь милосердый видит наши горести лучше нас самих, и только ждет от нас одного вздоха сердечного, чтобы явиться к нам со Своею помощью: «призови Мя, — говорит Он, — в день скорби твоя, и изму тя». — Мы не знаем, но очень может быть, что и этот несчастный отец в последнюю минуту вздохнул ко Господу из глубины своей огорченной души, и Господь услышал его. Как бы то ни было, только бедняк однажды лег в постель свою с горькой думою о куске хлеба на завтрашний день, а когда наутро проснулся, то увидел на полу своей убогой хижины целый узел золота... Старик не верил своим глазам: ему думалось, что все это он видит во сне; трепещущими руками перебирал он червонцы, ощупывая каждую монету... Но это не был сон: настоящее золото звенело в его руках, сомневаться было невозможно, — оставалось убедиться, что это Сам Бог смиловался над ним, и рукою неведомого благодетеля, пока он спал, бросил в его окно этот драгоценный узелок. О, сколько слез благодарности, сколько теплых

сердечных молитв пролил он пред Господом за безвестного благодетеля! Как он благодарил милосердие Божие, которое не попустило ему погубить и себя и дочерей своих! Теперь он мог устроить без нужды хоть одну из дочерей своих; он так и сделал: старшая дочь была выдана замуж.

Между тем неведомый благодетель только того и ждал: он хотел видеть, как распорядится бедняк с его милостынею; и вот, как только увидел, что милостыня его пошла на доброе дело, поспешил повторить свое тайное благодеяние. В темноте ночной он тихо подходит к знакомому дому, тихо раскрывает окно, бросает туда другой узелок золота и поспешно уходит, никем не замеченный. Проснулся наутро старик, увидел узелок, пал на землю пред иконою Спасителя и залился слезами горячей сердечной молитвы... "Боже Милосердый! — взывал он ко Господу: — Ты некогда искупил меня грешного Твоею Кровью честною, а теперь вот выкупаешь меня и дочерей моих золотом от верной гибели!.. Боже! Покажи мне этого земного Ангела хранителя моего, Твоего великого угодника, кто он — избавитель мой?.. По Твоей, Господи, милости, теперь я могу пристроить и другую дочь, — а то ведь было время, когда я близок был к гибели!" — И вторая дочь выдана в замужество.

Теперь старик был уже уверен, что тайный благодетель не забудет и третьей его дочери, и решился ждать его... Проходит несколько бессонных ночей, зорко сторожит он у окна своей хижины, и вот наконец, в одну глухую полночь, раскрылось окно, и по полу зазвенело золото... Тут счастливец забыл и золото: он выбегает на улицу, гонится за уходившим поспешно благодетелем, останавливает его и бросается ему в ноги... Говорить ли, братие, кто был этот благодетель? Кто же не знает, что это был великий милостивец и Чудотворец угодник Божий Николай? — "Благодетель мой! Чем я заслужил такую любовь твою? Ты — наш воистину Ангел хранитель, без тебя мы погибли бы как содомляне, — скажи: чем мне отплатить тебе? Как благодарить тебя?" Так говорил, обливаясь сладкими слезами благодарности, теперь вполне счастливый старик. — "Мне ничего от тебя не нужно, брат мой, — отвечал святой Николай: — ничего — кроме молчания. Молчи, отнюдь никому не говори, пока я жив, — заклинаю тебя именем Божиим, — смотри же, помни, о чем прошу, в чем заклинаю тебя!" И добрый пастырь, сделав отеческое увещание старику, как употребить его подарок, удалился. — Нет надобности досказывать, что наставление это было исполнено в точности, и счастье третьей дочери устроено.

Вот как, братие, надобно делать добро! Ведь мы делаем добро для Бога, а Бог и тайное все видит; для чего же заботиться о том, чтобы наше добро и люди еще видели? К тому же истинная нищета стыдится просить подаяния: бедняку больно сознавать, что ему приходится жить на чужой счет, кормиться чужими кусками: зачем же стеснять несчастного, зачем давать ему чувствовать эту боль? Нет, лучше подай ему свою милостыню так, чтобы и ему было не стыдно принять от тебя, и тебе нечем было потщеславиться. Зато какое же сладостное чувство испытает душа твоя, когда ты сделаешь

добро тайное! Твое сердце скажет тебе тогда, что на него низошло благословение Божие как роса небесная, что это благословение низведено свыше молитвою того бедняка, которого ты осчастливил своим благодеянием. Ей —так! И воистину сие доброе дело, сокрытое от людей, будет для души твоей манною небесною, для сердца твоего елеем радования, и ты познаешь тогда, сколько счастья и блаженства может доставить человеку одно дело любви христианской. «Да не увести же шуйца твоя, что творит десница твоя!» Аминь.

(Поучение на день святого Николая Чудотворца)

123. У дуба Мамврийского

В расстоянии получаса пути от Хеврона, в прекрасной и плодоносной долине Мамврийской красуется знаменитый дуб Мамврийский. Этот великан виден издалека; величина его изумительна: ветви раскинулись в виде обширного навеса на сто двадцать шагов в окружности; окружность ствола у корня около восьми сажен. Вид этой священной древности внушает к ней чувство благоговения, а воспоминания, соединенные с этою святыней, переносят мысль благочестивого поклонника святых мест во времена давно минувшие, когда люди были проще и к Богу были ближе, когда Бог явился Своим избранникам в образе человека и беседовал с ними лицом к лицу, как Отец с любимыми детьми. Представляя читателям нашим изображение этого священного дерева (Православным сынам России особенно приятно при этом вспомнить, что местность священного дуба Мамврийского ныне принадлежит Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и что близ сего дерева есть приюты для русских богомольцев), раскроем неподражаемо-трогательные по простоте своей страницы книги Бытия, и прочитаем рассказ о событии здесь совершившемся.

И явился Аврааму Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер свой, во время зноя дневного. Он возвел очи свои и взглянул, и видит: три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу, им, и поклонился до земли, и сказал: "Владыка! Если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего. И принесут немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом. А я принесу хлеба, чтобы подкрепиться вам на дорогу". Они сказали: "Сделай так, как говоришь". И поспешил Авраам в шатер к Сарре, и сказал ей: "замеси поскорей лучшей муки, и сделай пресные хлебы". А сам побежал к стаду, и взял теленка нежного и хорошего, и велел отроку приготовить его. И взял творогу и молока, и теленка приготовленного, и поставил все это пред гостями, а сам стоял подле них под деревом; и они ели" (Быт. 18; 1-8). — Так Господь благоволил утешить Своего раба верного, Своего любимца, которого слово Божие называет великим именем друга Божия. И было за что утешить отца верующих! Ради Бога он покинул родину, ради Бога пошел в чужую, далекую сторону, и сам не ведая, куда его Бог поведет. Ради Бога всю жизнь

он жил странником, переходя с места на место, послушный велениям одного Господа. Ему было уже около ста лет, а его жене около девяноста; ему давно обещано Господом потомство, многочисленное как звезды небесные, как прибрежный песок; ему было сказано, что это потомство произойдет именно от жены его Сарры, а у Сарры еще не было детища! Какая сила веры в этом дивном муже, сколько детской преданности ко Господу в его простом и добром сердце! За то вот и пришел посетить его Сам Господь в виде странника, за то и говорит ему теперь, под тенью этого священного дуба: "Я опять буду у тебя в это же время в будущем году, и будет тогда у Сарры — жены твоей —сын". —Сарра слышала это сквозь двери шатра и рассмеялась, подумав про себя: "Где уж мне в старости иметь это утешение? Да и господин мой стар". — Но Господь говорит Аврааму: "Для чего это рассмеялась Сарра, зачем она думает: неужели я подлинно рожу в старости сына? — Разве есть что трудное для Господа?" — Напрасно Сарра стала в смущении и страхе запираться, будто она не смеялась. Сердцеведец сказал ей: "Нет, ты рассмеялась".

Наконец, небесные гости встали и пошли по пути к Содому; Авраам с благоговением провожал Господа и Ангелов Его. Боголюбивая душа патриарха желала сколько можно долее наслаждаться лицезрением своего Господа, ему не хотелось расставаться с дорогими гостями. Два Ангела пошли в Содом, а Господь все еще беседовал со Своим избранником. "Скрою ли Я от Авраама, раба Моего, что хочу сделать? — говорил милосердный Владыка неба и земли: — от Авраама произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли. Для того Я и избрал его, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя ходить путем Господним, творя правду и суд; и исполнит Господь над Авраамом все, что сказал о нем. — Но вопль Содомский и Гоморрский, — продолжал Господь, — велик этот вопль, и грех их — тяжел он весьма!" При этих словах Господа дрогнуло любящее сердце Авраама: ведь в этих преступных городах жил его любимый племянник, Лот, со своею семьей... Что если грозный суд Божий, карая нечестивых жителей Содома и Гоморры, коснется и этой дорогой для него семьи?.. И вот Авраам приближается ко Господу и начинает говорить: "А праведного неужели Ты погубишь с нечестивыми?.. Может быть, найдется в этом городе до пятидесяти праведников; неужели не пощадишь этого места ради пятидесяти праведников? Нет, не может быть, чтобы Ты погубил праведного с нечестивыми — не может быть этого от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?" — Какое святое дерзновение веры, какая сила любви к ближнему! Как неотступно вопрошает Авраам Господа, смертный человек — своего Творца и Владыку! — И какое милостивое снисхождение со стороны Господа к Своему бrenному созданию! И сказал Господь: "Если Я найду в Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие". Авраам снова говорит: "Осмелюсь я, прах и пепел, сказать теперь Господу: может быть до пятидесяти праведников не достанет пяти: неужели за то, что не достанет пяти, Ты истребишь весь город?" — Господь сказал: —

"Не истреблю, если найду там сорок пять", — Авраам продолжал: "Может быть, найдется там сорок". Он сказал: — "Не погублю для сорока". — Опять Авраам сказал: "Не прогневайся, Господи, если я еще спрошу: может быть, найдется там тридцать". — Господь сказал: "Не погублю, если найдется там тридцать". Авраам сказал: "Осмелюсь я еще сказать Господу: может быть, найдется там двадцать"? Господь сказал: "Не истреблю для двадцати". Авраам опять сказал: "Не прогневайся, Господи, если я спрошу еще однажды: может быть, найдется там десять праведников?" Он сказал: "Не истреблю и для десяти". Этим окончилась необыкновенная беседа: Господь отошел, а Авраам возвратился в свое место.

Воистину велико неизреченное милосердие Господа: ради десяти праведников Он готов пощадить несколько преступных городов; найдутся ли, возлюбленные, среди нас грешных эти десять праведников, ради коих Господь пощадил бы нас в день праведного гнева Своего?..

124. Жизнь святого Апостола Павла, им самим рассказанная

Святой Апостол Павел сам о себе повествует так: "Жизнь мою от юности моей, которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все иудеи: они издавна знают обо мне, если захотят свидетельствовать, что я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению (Деян. 26; 4, 5). Я иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель о Боге (Деян. 22; 3). Если кто другой думает надеяться на плоть (на происхождение от Авраама), то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, еврей от евреев, по учению — фарисей, по ревности — гонитель Церкви Божией, по правде законной — непорочный (Флп. 3; 4-6). Правда, и я думал, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея. Это я и делал в Иерусалиме: получив власть от первосвященников, я многих святых заключал в темницы, и, когда убивали их, я подавал на то голос. И по всем синагогам я многократно мучил их, и принуждал хулить Иисуса и, в чрезмерной против них ярости, преследовал даже и в чужих городах (Деян. 26; 9-11). Я жестоко гнал Церковь Божию и опустошал ее, и преуспевал в иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий (Гал. 1; 13,14). Но, благодарю Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован, потому, что так поступал по неведению, в неверии. Для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной (1 Тим. 1; 12,13,16). Идя в Дамаск со властью и поручением от первосвященников, среди дня, на дороге, я видел с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною. Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском языке: "Савл! Савл!

Что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна". Я сказал: — "Кто Ты, Господи!" — Он сказал: "Я — Иисус, Которого ты гонишь. Но встань на ноги твои; ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел, и что Я открою тебе, избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя, открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету, и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными". Поэтому я не воспротивился небесному видению. Но сперва жителям Дамаска и Иерусалима, потом всей земли Иудейской и язычникам проповедовал, чтобы они покались, и обратились к Богу, делая дела, достойные покаяния (Деян. 26; 12-20). — Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром, и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из Апостолов я не видел никого, кроме Иакова, брата Господня. После сего отошел я в страны Сирии и Киликии. Потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита. Ходил же по откровению, и предложил там, и особо знаменитейшим (из Апостолов), благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвизаюсь, или подвизался. И знаменитые не возложили на меня ничего более. Напротив того, увидев, что мне вверено благовествование для необрезанных, как Петру для обрезанных (ибо содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников); и узнав о благодати, данной мне, Иаков, и Кифа (Петр), и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным, только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности (Гал. 1; 18,19,21 и гл. 2; 1,2, 6, 7, 8, 9, 10). Я — наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал Церковь Божию. Но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я впрочем, а благодать Божия, которая со мною (1 Кор. 15; 9-10). Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах, и многократно при смерти. От иудеев пять раз дано мне было по сороку ударов без одного. Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской (2 Кор. 11; 22-25). В Азии мы (с Тимофеем) отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых, но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь близкой смерти и избавляет (2 Кор. 1; 8-10). Я боролся со зверями во Ефесе (1 Кор. 15; 32); много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготы. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневное стечение людей, забота о всех церквах (2 Кор. 11; 26-28). Мы

никого не обидели, никому не повредили, ни от кого не искали корысти (2 Кор. 7; 2). Мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы, но были тихи, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими (1 Фес. 2; 7). Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею. Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу. В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня: и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук. Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли, не знаю, вне ли тела, не знаю, Бог знает), восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке, (только не знаю, в теле, или вне тела, Бог знает), что он был восхищен в рай, и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похваюсь, разве только немощами моими. Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит, или слышит от меня. И чтоб я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, — удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: "Довольно для тебя благодати Моей; ибо сила Моя совершается в немощи¹". И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа: ибо, когда я немощен, тогда силен (2 Кор. 11; 29-32, и 12; 2-10). Все, что для меня было преимуществом, то ради Христа почел я тщетою: да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего. Для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа, и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая чрез веру во Христа, с праведностью от Бога по вере (Флп. 3; 7-9). Я, Павел, сделался узником Иисуса Христа (Еф. 3; 1); узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим; и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божие (Флп. 1; 13, 14). Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение (Флп. 1; 21). Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его (2 Тим. 4; 7-8). Будьте подражателями мне, как я Христу (1 Кор. 11; 1). Прошу вас, братие, будьте, как я; потому что и я, как вы" (Гал. 4; 12).

(Выписки из Священного Писания)

125. Что такое царская коронация?

Царское Венчание и Миропомозание было установлено Самим Богом еще в Ветхозаветной Церкви. Царь Давид по повелению Божию был помазан на царство сначала в Вифлееме, а потом во второй раз — в Хевроне, куда для утверждения царства собраны были все старейшины народа Израильского. Подобным образом и у нас, в первопрестольной столице России — в Москве, собираются избранные от всех сословий Государства Русского, собираются знатнейшие святители наши, и здесь, в сердце России, в соборном храме Успения Пресвятой Богородицы, среди заветных святых русской земли, совершается священное коронование Богоизбранного защитника Церкви и отца Отечества. Вот как совершается это великое священнодействие.

При вступлении их величеств в Успенский Собор, певчие поют умилительный псалом: «Милость и суд воспою Тебе, Господи...» Между тем государь император и государыня императрица прикладываются к местным иконам, и потом, взойдя на трон, садятся. Тогда первоприсутствующий митрополит, по древнему обычаю, приглашает его величество в присутствии всех подданных исповедать православно-кафолическую веру: "Како веруеши?" Государь встает и громко произносит Символ веры. — "Благодать Пресвятаго Духа да будет с тобою", — говорит ему митрополит. Вслед за тем протодиакон возглашает обычное начало: «Благослови, Владыко!» Митрополит: «Благословено Царство...» и поется: «Царю Небесный...» Следует Великая ектения, в которой святая Церковь от лица всех верноподданных спрашивает у Царя царствующих и Господа господствующих благословения небесного на главу царя земного, и всех даров Духа Божия, благопотребных для него в предстоящем великом служении царском; она просит ему премудрости и силы, благопоспешения во всем и долгоденствия, чтобы услышал его Господь в день печали, и защитил его, чтоб ниспослал ему помощь Свою, и заступил его, чтобы неподкупны были суды его, чтобы грозно было оружие его врагам отечества и пали под ноги его все враги и супостаты... После ектений поется тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя...» и читается паремия из книги Пророка Исаии, в которой изображается дивное попечение Божие о народе Израильском; особенно умилительны слова Господа: «еда забудет мати отроча свое, яко не помиловати исчадия чрева своего? аще оке и забудет то жена, но Аз не забуду тебе!.. Се в руку Моею вписал грады твоя, и предо Мною еси присно...» Клятвенно уверяет Господь, что избранный народ будет красоваться своими чадами как невеста, и все враги его будут уничтожены. — После сей паремии возглашается прокимень: «Господи, силою Твоею возвеселится царь...» и читается Апостол, в котором святой Павел учит о повиновении властям предержащим, о том, что власть происходит от Бога, и потому всякий противящийся власти противляется повелению Самого Бога. За Апостолом следует чтение Евангелия, в котором из уст Самого Господа Иисуса слышится заповедь: «воздадите Кесарева Кесареви...» После Евангелия митрополиты подносят государю императору царскую порфиру, и государь возлагает на себя оную при их содействии, причем первенствующий

митрополит произносит: «во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь». Протодиакон возглашает: «Господу помолимся!» — Хор от лица всей церкви поет: «Господи, помилуй!» Тот «да». его величество преклоняет голову, а первенствующий митрополит, осенив ее крестным знаменем, возлагает на нее крестообразно руки и читает молитву, в которой просит Господа, чтобы удостоил Своего верного раба, государя нашего, священного миропомазания подобно Давиду, который приял помазание от Самуила Пророка, чтобы облек его Своею силою Божественною для великого подвига царствования, чтобы явился он твердым хранителем догматов веры православной и, совершив свое царское служение на земле, удостоился быть наследником небесного царства. После сей молитвы все верноподданные преклоняют главу и устами первосвященника молятся за своего возлюбленного государя. Вслед за тем митрополит подает государю императорскую корону и он возлагает ее на свою главу, а митрополит произносит: «во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь». Потом первосвященник говорит его величеству: "Благочестивейший, самодержавнейший, великий государь император Всероссийский, видимое сие и вещественное главы твоя украшение явный образ есть, яко тебе, главу всероссийского народа, венчает невидимо Царь славы Христос благословением Своим благостынным, утверждая тебе владычественную и верховную власть над людьми Своими". Подобным же образом митрополит подает его величеству: в десницу — скипетр, а в шуйцу — державу, говоря, что они служат видимым знаком данной ему от Бога власти самодержавной. Облеченный во все знаки царского достоинства государь садится на своем царском престоле. Вскоре потом он приглашает к себе свою августейшую супругу; она подходит и становится пред ним на колена; государь снимает с себя корону, касается ею главы государыни и снова возлагает ее на свою главу. — В это время подносят меньшую корону, которую Государь и возлагает на главу императрицы; подают ему порфиру и бриллиантовую цепь, он ту и другую возлагает на свою августейшую супругу, после чего она встает и отходит на свой престол. Следует провозглашение многолетия, причем бывает во всей столице звон и раздаются сто один пушечный выстрел. Митрополиты поздравляют их величества троекратным поклоном, не сходя со своих мест. — Наконец звон умолкает, стихает пальба. Самодержец Всероссийский, Богом венчанный государь наш отдает скипетр и державу ближайшим сановникам и один за всех преклоняет колени пред Господом и вслух читает умиленную молитву... Как трогательна эта молитва царская, в которой он смиренно благодарит Господа за Его неизреченные к нему милости и, подобно древнему Соломону, взывает: "Да будет со мною приседящая престолу Твоему премудрость. Поели ю с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очима Твоима, и что есть право в заповедях Твоих!.. Буди сердце мое в руку Твоею, еже вся устроить к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да и в день суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово"... По окончании молитвы государь встает, а вся церковь, все верные его подданные в свою очередь

повергаются на колена пред Господом и Первосвяtitель от лица всех произносит молитву — ту самую, которая ежегодно потом повторяется на молебном пении в день восшествия на престол и в день воспоминания коронации государя. Так утверждается союз возлюбленного царя с его верными подданными, утверждается молитвою царя за подданных и подданных за царя. Так еще более скрепляются узы любви пред лицом Божиим обетом взаимной любви, обетом царского служения благу народа и послушания подданных своему Богом данному государю... Остается Богом избранному самодержцу облечься силою Духа Божия в священном Миропомазании, и соединиться с Самим Господом в таинстве Святого причащения, и сие совершается на Божественной Литургии. Во время причастного стиха два архиепископа идут к трону государя и приглашают его приблизиться к царским вратам; государь идет в порфире; тогда первенствующий митрополит берет сосуд, омокает сучец во святое миро и помазует его величество на челе, очах, ноздрях, устах, ушах, персях, и руках, произнося: печать дара Духа Святаго; а второй митрополит оттирает места помазания хлопчатую бумагою. В это время происходит звон и сто один выстрел. Государь отходит к иконе Спасителя. Приближается государыня и митрополит помазует ее только на челе. Она отходит к иконе Богоматери. Тогда первосвяtitель вводит помазанника Божия чрез Царские врата во святой алтарь: здесь государь делает поклонение святому престолу и приемлет от руки митрополита Святое Причащение особо: Тело, и особо Кровь Христову, как священнослужителя. Государыня императрица причащается в Царских вратах, по обычаю. — Миропомазание государей наших не есть восьмое, или какое-либо новое Таинство, но только высшая степень Таинства миропомазания, подобно тому, как архиерейство есть только высшая степень Таинства священства. В сем Таинстве Христолюбивые цари наши восприимлют ту полноту даров Божиих, которая необходима для высочайшего служения царского; и мы, верные их подданные, твердо веруем, что Дух Господень осеняет Боговенчанную главу помазанника Божия, государя нашего, подобно тому, как носился Он над главою царя Давида «от дне того», со дня помазания его на царство, «и потом» (1 Цар. 16; 13).

126. Учение Слова Божия о царской власти

Царь царствующих и Господь господствующих с высочайшего Престола Своего указывает на всех помазанных от Него властителей и заповедует всем подвластным: «не прикасайтесь помазанным Моим!» (Пс. 104; 15). Не прикасайтесь властям предержавшим, глаголет Вседержитель, ибо они суть «Мои», не прикасайтесь, ибо они суть «помазанные» от Меня. «Касающийся» их «касается зеницы ока» Господня (Зах. 2; 8). Итак, царская власть есть неприкосновенная святыня; она имеет Божественное происхождение. «Нет власти не от Бога, - учит слово Божие, - существующие

же власти от Бога установлены» (Рим. 13; 1). «Всевышний владычествует над царством человеческим, и дает его кому хочет» (Дан. 4; 22), «у Него могущество и премудрость, Он» — и только Он один «лишает перевязей царей, и поясом обвязывает чресла их» (Иов. 12; 16,18), то есть, «низлагает царей и поставляет царей» (Дан. 2; 31). «Мною, - вещает Он, - цари царствуют, и повелители узаконяют правду. Мною начальствуют начальники и вельможи, и все судьи земли» (Притч. 8; 15,16). «И так слушайте, цари, и разумеите! От Господа дана вам держава и сила от Вышняго» (Прем. 6; 13).

Священное Писание трогательными чертами изображает особенное попечение Божие о царях благочестивых. Силою Господа веселится благочестивый царь, ибо Господь «возлагает на главу его венец из чистого золота» (Пс. 20; 24). Господь «возносит избранного из народа, святым елеем Своим помазует его, Своею мышцею укрепляет его, сокрушает врагов его, поражает ненавидящих его» (Пс. 88; 20-22, 24). Сердце царя в руке Господа: куда захочет, Он направляет его (Притч. 21; 1). Господь дает царю, чего желает сердце его, не отвергает прошения уст его; Он возлагает на него честь и величие, полагает на него благословения навеки, веселит его радостью лица Своего. И царь уповает на Господа (Пс. 20; 3, 6-8), ибо знает, что Господь услышит его в день печали и защитит его, пошлет ему помощь из святилища и с Сиона подкрепит его; даст ему по сердцу его, и все намерения его исполнит. Царь знает, что Господь спасет помазанника Своего; отвечает ему с святых небес Своих могуществом спасающей десницы Своей (Пс. 19; 2, 3, 5, 7), что рука Божия найдет всех врагов его, десница Господня найдет всех ненавидящих его; во гневе Своем Господь погубит их, и пожрет их огонь. Господь истребит плод их с земли и семя их из среды сынов человеческих (Пс. 20; 9-11). Так Господь печется о Своих помазанниках — царях; а вот как изображает слово Божие попечение самих царей благочестивых о народах, вверенных им от Господа. Благочестивый царь — кормилец своего народа (Ис. 49; 23); в светлом взоре такого царя — жизнь, и благословение его — как облако с поздним дождем (Притч. 16; 15). Как солнце разгоняет тучи, так и добрый царь, сидящий на престоле суда, разгоняет очами своими — одним взглядом своим — все злое (Притч. 20; 8). Мудрый царь выведет нечестивых (там же, 26), как плевелы; милость и истина охраняют царя, и милостью он поддерживает престол свой (там же, 28), правосудием утверждает землю свою (там же, 29; 4). Кто любит чистоту сердца, тому царь друг (там же, 29; 11), — словом сказать: такой царь — счастье своего народа (Прем. 6; 26), и сыны отечества радуются всегда о таком царе своем (Пс. 149, 2).

Не правда ли, как отрадно читать сии изречения Духа Божия, когда узнаешь в них дорогой русскому православному сердцу образ воистину благочестивейших и христоролюбивейших царей наших! Не напрасно же русский народ зовет своего царя-батюшку кормильцем своим: так зовет царя благочестивого и слово Божие! Недаром еще со времени князя Владимира, первого благочестивого государя русского, мы привыкли звать царя красным

солнышком, очи царские — очами светлыми; вот и в слове Божиим есть такие же уподобления.

Но вот что особенно достойно примечания: слово Божие именуется помазанниками Божиими даже и таких царей, которые никогда не были освящены видимым миропомазанием; так, Пророк Исаия о царе персидском говорил: «так говорит Господь помазаннику Своему Киру» (Ис. 45; 1). Кир был царь языческий, Кир не знал истинного Бога; однако же Кир был помазанник Божий, — так именуется его Сам Бог! Вот как священо звание царя, по учению слова Божия! Вот как возвышает он царя даже такого, который не знает Бога, над прочими людьми! Как же не благоговеть нам пред своим царем, который есть воистину помазанник Божий, освященный от Бога даже видимым образом в Таинстве священного миропомазания?..

Послушаем теперь, как учит слово Божие почитать Царя.

«Отдавайте Кесарево Кесарю, и Божие Богу» (Мф. 22; 21). Это святейшая заповедь Самого Господа нашего Иисуса Христа. Не сказал Господь: «давайте», — рассуждает святой Иоанн Златоуст, — а сказал: «отдавайте», ибо платить подать не значит просто давать, но отдавать должное, платить долг. Так и Апостол Христов поучает: «отдавайте всякому должное: кому подать — подать, кому оброк — оброк» (Рим. 13; 7). «Всякая душа да будет покорна высшим властям: противляющийся власти противится Божию установлению». Всякий начальник, а тем паче царь есть Божий слуга, тебе же на добро. Он ограждает тебя от зла, он дает тебе простор делать всякое добро. «Он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим. 13; 1, 2, 4, 5). «Будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа», — поучает святой Апостол Петр: — всякому начальству, а царю наипаче: «царю как верховной власти, а правителям, как от него посылаемым, ибо такова есть воля Божия. Бога бойтесь, царя чтите» (1 Петр. 2; 13-15, 17). Кто был царь, который прежде других встретился с проповедью Апостола Петра? — Ирод. Какие же услуги оказал Ирод христианству? Не он ли поднял руки на церковь Божию? Не он ли убил Апостола Иакова мечом? Не он ли и самого Петра заключил в темницу? И после всего этого Петр проповедует: «царя чтите». Почему? Потому, конечно, что «такова есть воля Божия», так Бог хочет. Эту заповедь читаем и в Ветхом Завете: Бойся, сын мой, Господа и царя; с мятежниками не сообщайся (Притч. 24; 21). Кто раздражает царя, тот грешит против самого себя (там же, 20; 2). Слово царское храни (Еккл. 8; 2). Тайны царевой не нарушай (Тов. 12; 7). Не оправдывай себя пред Господом и не мудрствуй пред царем (Сир. 7; 5). Даже и в мыслях твоих не злословь царя: потому что птица небесная может перенести слово твое, и крылатая — пересказать речь твою (Еккл. 10; 20). Тебе ли судить судью твоего? Кто посмеет сказать царю: что ты делаешь? (Еккл. 8; 4). Тебе ли познать тайны сердца царева, которое в руках Божиих? Как небо в высоте и земля в глубине, так сердце царей — неисследимо (Притч. 25; 3). Наконец, самая важная обязанность

верноподданного — молиться за царя. Святой Апостол Павел пишет своему ученику Тимофею: прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей, и за всех правительствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу (1 Тим. 2; 1-3). Слово Божие дает нам и образцы такой молитвы за царя: Господи! спаси царя и услыши ны (Пс. 19; 10)! Защитниче наш, виждь Боже, и призри на лице помазанника Твоего (Пс. 83; 10). Более, суд Твой царице даждь, и правду Твою сыну царице (Пс. 71; 1). Дни на дни царицы приложити: лета его до дне рода ирода (Пс. 60; 7). — Да живет царь! (1 Цар. 10; 24).

127. Мученик за Царя

«Болши сея любви никтоже иматъ, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15; 13), — говорит Господь наш Иисус Христос. — «За други», стало быть за таких простых смертных, как и все мы; а что сказать о том счастливце, которому Бог приведет положить душу свою не за простого человека, а за избранника и помазанника Божия, за возлюбленного своего царя-батюшку, жизнь которого составляет счастье многих миллионов его подданных?.. О, блажен и преблажен такой человек! Имя его написано у Господа в книге жизни, и память его благословляется народом из рода в род.

В истории русского народа особенно достопамятно одно такое благословенное имя: — это имя костромского крестьянина Ивана Сусанина.

Трудно и представить себе то бедственное положение, какое судил Бог испытать нашей матушке-России в тяжкую годину междуцарствия. Сердце обливается кровью, когда читаешь страшную "Летопись о мятежах": уж пусть бы Русская земля терпела от своих исконных врагов, пусть бы разоряли ее одни поляки да литовцы, — нет: появилось много множество своих "воров", как звали тогда лихих людей; русские изменники водили отряды польские, бились с ними против своих же русских; бояре спорили да ссорились между собою и переходили от одного вора-самозванца к другому; везде бродили шайки разбойничьи, не было от них нигде ни проходу, ни проезду; не надежно было убежище не только в селах, но и за городскими стенами. И горе было тем, кто попадал в руки злодеев! В глазах родителей они, для своей потехи, жгли детей, носили головы их на саблях и копьях, грудных младенцев вырывали из рук матерей и разбивали о камни... Ночи освещались заревом пожаров; храмы Божии разорялись и осквернялись; скот и псы жили в алтарях, злодеи пили из святых сосудов, играли в кости на святых иконах, священников и монахов палили огнем, допытываясь сокровищ, а схимников заставляли петь срамные песни и бесчеловечно убивали... Люди бежали из своих жилищ, укрываясь в лесах, но и в лесах не было спасения: злодеи с собаками охотились на людей, так что матери, укрываясь в чаще лесной, зажимали рот младенцам, чтобы они своим плачем

не открыли их убежище, и, случилось, таким образом душили малюток до смерти... К довершению бед, Москва-матушка с ее Кремлем златоглавым, с ее заветными святынями находилась в руках поляков и эти нежеланные гости хозяйничали там как хотели... Ужасное то было время; царя не было на Русской земле; сиротела она бедная, некому было защищать ее, очистить от лихих людей, да порядок завести, — царя не было, а без царя может ли жить русская земля? царь — это отец ее, ее Ангел хранитель; царь — это душа, это сердце русского народа! Недаром ведь мудрость народная говорит: без царя земля вдова, без него — народ сирота; одно солнце на небе — один царь белый на Руси святой!

Наконец смиловался Господь над русской землей: Он воздвиг Кузьму Минина, благословил оружие князя Димитрия Пожарского; собралось вокруг них ополчение народное, и поляки были изгнаны из Москвы; собрался в Москве земский собор и общий голос народный, как голос Божий, избрал на царство пятнадцатилетнего боярина Михаила Феодоровича Романова. Это было в конце февраля 1613 года: быстро пронеслась радостная весть об избрании царя по русской земле; наконец-то свободно вздохнули русские люди, столь измученные невзгодами смутного времени. Только врагам России было не по сердцу это избрание: они хорошо понимали, что как только любимец народа Михаил Феодорович вступит на царский престол, так плохо придется и полякам, и своим вора́м — разбойникам; и вот, еще послы соборные не прибыли в Костромские пределы, где тогда находился Михаил Феодорович, как злодейская шайка уже пробралась к самой вотчине Романовых, уже недалеко была от села Домнина, где они надеялись застать Михаила Феодоровича. Но Бог оградил Своего избранника любовью народною; и вот тогда-то кровь Сусанина спасла жизнь царя Михаила Феодоровича на радость и счастье родной земли.

Приведем прежде всего драгоценное свидетельство о святом подвиге этого достойного сына русской земли — свидетельство самого спасенного им государя царя Михаила Феодоровича. В своей жалованной грамоте, данной зятю Сусанина, крестьянину Богдану Сабину, он говорит: "Как Мы, Великий Государь, были на Костроме (то есть в Костромских пределах), и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, и тестя его, Богданова, Ивана Сусанина, литовские люди изымали и его пытали великими немерными муками, а пытали у него, где в те поры Мы, Великий Государь, были, и он, Иван, ведая про нас, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, Великого Государя, тем польским и литовским людям не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти". Так рассказывает подвиг Сусанина сам спасенный им государь. Короток этот рассказ; но народное предание сохранило о подвиге Сусанина и такие подробности, которые представляют нам живую картину страданий этого мученика за царя. Предание говорит, что схваченный поляками Сусанин спокойно объявил им, что он хорошо знает, где находится Михаил Феодорович, и взялся проводить их в село

Домнино. Дело было в начале марта; весеннее солнце сделало свое дело, лесные болота стали непроходимы. Поляки были рады такому предложению и старик Сусанин пошел впереди воровской шайки. Он повел их лесною тропинкою, говоря, что тут будет ближе, и завел их в такое болото, из которого можно было выбраться только местному жителю, которому были знакомы каждый кустик, каждая кочечка. Долго водил он их там; стало уже темнеть, когда измученные злодеи вышли из терпения и окружили его толпою. "Ты обманул нас, старик!" — закричали они наконец. — "Вы сами себя обманули, — отвечал спокойно почтенный старец: — ужели же вы думали, что я выдам вам моего государя — батюшку Михаила Феодоровича? — Нет! В веки не бывать тому! Он спасен, а вы погибайте тут вот — в окнах болотных!"

Нужно ли говорить, какая отчаянная злоба закипела в злодейских сердцах? Самым бесчеловечным образом принялись они пытаться старика, понуждая его вывести их из болота, но Сусанин молчал, и тогда изверги изрубили его в куски...

На другой день соседние крестьяне нашли трупы погибших поляков в топи болотной и между ними тело старца — мученика Ивана Сусанина. Его с честью похоронили под Домнинскою церковью и предание говорит, что сам молодой царь Михаил Феодорович складывал в гроб части изрубленного тела своего спасителя. Не забыл он и семьи Сусанина: из вышеупомянутой грамоты видно, что он освободил зятя его, Богдана Сабинина, от разных податей и пожаловал ему половину деревни Деревнищ, а впоследствии обменял ее на пустошь Коробово. — Так доказал любовь свою к своему царю-батюшке костромской крестьянин Иван Сусанин, и страшно подумать, что было бы с русской землей, если бы удался замысел вражеский... Михаил Феодорович был последний в роде Романовых, его заменить было нечем; да и никого из бояр не любил так русский народ, как Романовых: ведь это родовое имя говорило их сердцу о доброй царице Анастасии Романовне, которой Михаил Феодорович приходился двоюродным внуком, а кто же из тогдашних русских людей не помнил о добродетельной Анастасии?.. И Сусанин своею грудью — один, без сподвижников, отстоял дорогую жизнь Михайлову, а с нею отстоял спасение всей Русской земли!

128. Русский Филарет Милостивый

Кто из любителей житий святых не знает умилительной истории праведного Филарета Милостивого? Бог восхотел показать на нем и показал, что Он и здесь, на земле, может возвеличить смиренную добродетель, и благословил Своего угодника таким счастьем, о каком праведному Филарету, конечно, и во сне не мечталось: много понес он скорбей и лишений ради своего нищелюбия, но зато нежданно-негаданно удостоился высокой чести быть дедом самого греческого императора, который женился на его внучке

родной, и стал тогда Филарет именитым боярином в славной столице греческой...

Русскому православному человеку особенно пришлось по сердцу это древнее повествование; его твердо знают и рассказывают друг другу даже безграмотные простецы деревенские; но многие ли знают, что и у нас на Руси был свой родной Филарет Милостивый, что и его Господь благословил точно таким же счастьем за его добродетели, и он, бедный дворянин и земледелец, дивным промышлением Божиим, удостоился быть тестем прародителя царей наших, великого государя царя Михаила Феодоровича Романова?

Этот смиренный избранник Божий был Лукьян Степанович Стрешнев.

Когда скончалась царица Мария Владимировна, первая супруга царя Михаила Феодоровича, государь, по обычаю того времени, пожелал избрать себе невесту из древних княжеских и боярских родов. И вот, в покоях матери царя, мудрой старицы Марфы Иоанновны, было собрано до шестидесяти знатных боярышень; при каждой из них была еще подруга-сверстница. Вышел государь со своею матерью в назначенный час; долго смотрел он на именитых девиц, но ни одна из них ему не понравилась. Наконец остановил он внимание на одной бедной девушке, которая прислуживала одной знатной боярышне, и приказал узнать: кто она такая? Ему доносят, что это Евдокия, дочь бедного дворянина Лукьяна Степановича Стрешнева; что она осиротела еще в пеленах, лишившись матери своей, что отец ее, отправляясь на службу ратную в смутные времена самозванщины, отдал ее на воспитание одной дальней своей родственнице, знатной боярыне, с дочерью которой она теперь и прибыла в Москву. Государю сказали еще, что Евдокия — скромная и добродетельная девица, что она много горя несет от своей гордой родственницы, и что редкий день не обливается слезами сиротскими... Тронулось сердце государя Михаила Феодоровича, и на другой же день Евдокия Лукьяновна всенародно была объявлена невестою царскою, а патриарх Филарет, родитель государя, благословил обручение своего сына с избранною невестою его.

Вскоре были отправлены послы к отцу невесты Лукьяну Степановичу Стрешневу в Можайский уезд; они везли ему богатые дары царские вместе с известительною грамотою, что по благости Божией царь-государь избрал себе в супруги его дочь, Евдокию Лукьяновну Стрешневу. Послы прибыли в то село, где жил Стрешнев; они спрашивают: где дом его? И им показывают бедную хижину, покрытую соломой. У ворот работник вязал борону. "Кого вам надобно?" — спросил он царских послов. — "Нам нужно Лукьяна Степановича Стрешнева", — отвечали они. — "Его нет дома, — ответил слуга: — он в поле на работе. Подождите немного; вот я довяжу борону и провожу вас к нему; а без бороны мне нельзя барину показаться". Скоро он окончил свое дело и поехал с бороною в поле к господину, а за ним пошли и царские послы. Они приходят к ниве, которую пахал" почтенный старец; он был одет в кафтан домашнего сурового холста; белые, как пух, волосы и седая окладистая борода внушали к нему невольное уважение. "Вот — мой

барин!" —сказал работник царским послам. Между тем Стрешнев, приближаясь к ним с сохой, отер пот с загоревшего лица, а поравнявшись, поклонился им и посмотрел на них не без удивления, не покидая работы своей. Послы подошли к нему с почтением и объявили, что его дочь наречена царскою невестою. Стрешнев не верит им и говорит: "Наверное, вы посланы к кому-нибудь другому, а не ко мне. Нет ли другого Стрешнева, а меня зовут Лукьяном Стрешневым". Послы представляют ему грамоту, на имя его писанную. Стрешнев говорит им: "Не смею прикоснуться, не будучи уверен в точной истине. Прошу пожаловать ко мне в дом и там меня подождать. Там мы разберем все дело, и вы изволите узнать, что я не тот, кого вам надобно. А теперь дозвоьте мне допахать мою ниву, пока погода хороша, да и солнце уже на закате". Но послы убедили его принять грамоту; он взял, прочитал, призадумался; приказал работнику допахать ниву и заборонить ее, а сам повел послов царских в свою хижину. Здесь он положил грамоту под образ, положил три земных поклона, и, став на коленях со слезами сказал: "Боже Всесильный! Ты от бедности возводишь меня к изобилию! Подкрепи же меня десницею Твоею, да не развращуся среди почестей и богатств, которые Ты, быть может, во искушение мне посылаешь!" — После того старец угостил послов царских чем Бог послал, и уложил их спать на свежую солому.

На другой день Стрешнев встал рано, пошел в церковь, отслужил молебен, принял благословение от своего отца духовного, простился с своими добрыми соседями как с родными, и отправился из своей бедной деревни, из убогой хижины, в престольный град, в царские палаты.

Нужно ли рассказывать, с какою почестью его встретили здесь? Сам царь, его будущий зять, вышел ему навстречу на красное крыльцо, не допустил его поклониться до земли и повел его прямо в светлые терема, где его ожидала дочь, вместе с матерью царя... Дочь поклонилась ему в ноги и поцеловала ему руку. Можно ли словами передать эту трогательную встречу старика-отца с любимую дочерью — невестою царскою! Через месяц совершенно было бракосочетание. Лукьяну Степановичу пожаловано боярство, поместье и дом в Москве. Он поднес молодой царице, своей дочери, в подарок ларец, в котором были положены: его суровый холстиный кафтан, в котором он пахал свою ниву, и полотенце, которым он утирался, когда работал в поте лица своего... "Не забывай, — говорил ей счастливый старец: — не забывай, чья ты дочь; чем чаще будешь ты видеть сии дары мои, тем скорее будешь матерью народа"... Из царских палат переселился он в пожалованный ему дом, и здесь убрал свою спальню по-своему: в головах своей постели поставил образа, в ногах повесил меч и копьё, которыми разил врагов на ратном поле, а по стене развесил: серп, косу, заступ и сошник... Он начинал и оканчивал каждый день молитвою, и в старом кожаном молитвеннике, где его рукою были написаны утренние и вечерние молитвы, и по коему он всегда молился, приписал он на конце: "Лукьян! Помни, что ты был!" Простодушный слуга его, деревенский его сотрудник, служил ему, и никто кроме него из других слуг не был к нему так близок.

Лукьян Степанович всегда был у царя защитником всех бедных и беспомощных, верным слугою царю и отечеству. Он был равно благороден и в суровой бедности, и в боярстве. А знаменитая дочь его своим благочестием, благоразумием, и милосердием украсила венец супруга своего, и сама воспитывала сына своего, тишайшего и премудрого царя Алексея Михайловича.

Не правда ли, что история этого благочестивого боярина напоминает историю праведного Филарета Милостивого? И тем более дорога русскому сердцу эта история, что она повествует об одном из предков благословенного, Богом избранного царствующего дома Романовых, а стало быть и нашего возлюбленного царя-батюшки, государя императора.

(Древнее историческое предание)

129. Всякая ли молитва доходит до Бога?

Вразумляемые Богом, святые Праотцы еще в глубокой древности познали, сколь необходима молитва для человека верующего в Бога, и как сами они поучались в молитве, так научали ей и детей своих, внуков и правнуков. Молитва столь необходима для человека, как и пища: хлеб укрепляет тело, а молитва душу. Молитва, по словам святого Иоанна Лествичника, пища души. Как тело изнемогает без пищи, так душа без молитвы. Душа не может получить от Бога никакой благодати для своего укрепления и оживотворения, если не будет просить ее в молитве. «Просите, - сказано, - и дастся вам: просяй приемлет» (Мф. 7; 7, 8). Молитва — это ключ к сокровищнице Божией, которым всякий желающий отверзает себе дверь милосердия Божия, и входит и исходит, и пажить обретает. Илия Пророк не молитвою ли отверз заключенное небо? «Помяси, и небо дождь даде, и земля прозябе плод свой» (Иак. 5; 18). Молитва для человека то же, что у воина оружие во время сражения: ведь жизнь наша — это война, мы воины, а наши враги, невидимо воюющие на нас — это демоны. Какой же воин выходит на брань без оружия! Кто может победить сатанинские полчища без молитвы? Как оружием побеждаются неприятели, так молитвою прогоняются бесы. Слышите, что говорит святой Иоанн Златоуст: "Лишь только демоны увидят нас, вооруженных молитвою, тотчас отбегают, как злодеи и разбойники, когда увидят над своею головою обнаженный меч". Но и видимых врагов молитва сильна победить. Не молитвою ли Моисея амаликитяне были побеждены в пустыне? Молитва для души — то же, что стены для города, осажденного неприятелем. Душа есть град Царя великого — Бога: добрые дела — вот ее граждане, благодатные дары Божии — вот царские сокровища. И в какой же осаде всегда находится этот душевный град от врагов невидимых, которые и день и ночь стараются всеми своими лукавыми кознями завоевать этот город, разорить, покорить своей темной адской власти! Что же препятствует их злему умыслу? Что гонит прочь их

темную силу? Конечно — молитва, эта крепкая стена, — молитва, имеющая дерзновение у Бога и от Него получающая помощь. Молитва так необходима для христианина, как необходим в дороге посох для претруженного старца, как необходима свеча для сидящего в тьме ночной, как необходима вода для человека, который валялся в грязи, как для дома нужно крепкое основание. Обремененные грехами, мы опираемся на молитву, как на крепкий посох; молитва разгоняет тьму и мрак души нашей, она омывает наши душевные скверны, на ней, как на прочном основании, назидаются добрые дела. Никакое доброе дело не может быть даже и начато без молитвы. Напрасно тот и трудится, кто начинает доброе дело без теплой сердечной молитвы. Вот почему святой Иоанн Лествичник называет молитву матерью, царицею, источником всех добродетелей, очищением грехов, преградою скорбей, победным торжеством, ходатаицею духовных дарований, просвещением ума, отсечением отчаяния, укреплением надежды, уничтожением печали и другими похвальными именами. Для нас необходимо знать лишь то, что молитва только тогда имеет все сии свойства, когда она бывает угодна Богу. Ибо нередко молитва бывает не только негодна Богу, но и богопротивна, — не только не приносит пользы во благое, но и вменяется в грех, как сказано: «молитва его да будет в грех» (Пс. 108; 7). Если хочешь, чтобы молитва твоя была угодна Богу, то научись прежде, как ее совершать. Премудрый говорит: «прежде даже не помолишься, уготови себе» (Сир. 18; 23). Это значит: сначала отложи всякое житейское попечение, отсеки все суетные помыслы, потом весь ум свой обрати к Богу, представь Ему со страхом, благоговейно, как предстоишь ты земному царю. Потом молись со вниманием, как учит Давид: «пойте Богу нашему ...пойте разумно» (Пс. 46; 7, 8), то есть внимайте и разумеайте, что читаете и поете в молитве. Что пользы в той молитве, которая творится без внимания и без смысла? На устах молитва, а на уме грешные помыслы; язык молится, а сердце оскорбляет Того, Кому молится, уста чтут Бога, а сердце далеко отстоит от Него. Может ли быть приятна Богу такая молитва? Услышит ли ее Господь? "Как ты хочешь, чтобы тебя слышал Господь, когда ты сам себя не слышишь? — говорит святой Киприан. — Ты желаешь, чтобы Бог вспомнил о тебе, когда ты молишься, а между тем сам не помнишь, что делаешь!" Молитва без внимания то же, что кадило без огня и фимиама, что лампада без масла, что тело без души; это — оскорбление, а не угождение Христу Богу нашему, ибо не слова, из уст исходящие, умоляют Его, а ум, устремленный к Нему. Не голос гортани нашей входит в уши Господа, но воздыхание сердца сокрушенного. Затем, если хочешь воссылать Богу угодную молитву, то воссылай ее с верою и надеждою несумненно, как учит святой Апостол Иаков: «да просит же верою, ничтоже сумняся; сумняся бо уподобися волнению морскому... да не мнит бо человек он, яко пришлет что от Бога» (Иак. 1; 6, 7). А святой Феофилакт говорит: "Если человек не верит, что получит просимое от Бога на пользу, то напрасно и молится". И святой Иоанн Лествичник говорит, что без веры молитва не может взлететь на небо. Незлобие и милость, прощение согрешившему

брату и подаяние просящему — вот два крыла молитвы. Если хочешь чего-либо просить у Бога, то прежде сам не откажи просящему у тебя. Если ищешь прощения у Христа, то прежде сам прости брату, опечалившему тебя. И Евангелие заповедует прежде примириться с братом, а потом уже приносить Богу дар с молитвою. При молитве нужен и пост, нужно терпение, труды, умерщвление греховных пожеланий. Но нужнее всего — чистая совесть. «Аще сердце наше, то есть совесть, не зазрит нам, — говорит возлюбленный ученик Христов, — дерзновение имамы к Богу, и Егоже аще просим, приемлем от Него, яко заповеди Его соблюдаем» (1 Ин. 3; 21,22). Чистое сердце, незазорная совесть — вот признак богоугодной молитвы. Соблюдение заповедей Божиих — вот непременно условие успеха молитвы; очистим совесть нашу истинным покаянием, будем исполнять заповеди Господни, и Господь услышит наши молитвы. Почему иногда не слушает Он молитвы грешных людей? Да потому, что эти люди сами не слушают Его повелений. Так и премудрый Соломон говорит: «уклоняли ухо свое не послушати закона Господня и сам молитву свою омерзил» (Притч. 28; 9). Как Богу слышать молитвы грешника, когда грешник и день и ночь тяжело Его оскорбляет? Послушайте, что говорит Бог устами Своих Пророков нераскаянным грешникам: «егда прострете руки ваша ко Мне, отвращу очи Мои от вас, и аще умножите моление, не услышу вас, руки бо ваша исполнены крове» (Ис. 1; 15). «Понеже наполниша землю беззакония, и обратишася разгневати Мя, и Аз сотворю им с яростию, не пощадит око Мое, и не помилую, и воззовут во уши Мои гласом великим, и не услышу их» (Иез. 8; 17-18). Итак, наша совесть грешная, наши грехи, с которыми не хотим мы расстаться, — вот что делает нашу молитву неудобною Богу. Как нельзя излечить рану, пока в ней находится железо, так нельзя умолить Бога о прощении грехов, пока мы не выбросим их из души, пока не возненавидим их от сердца. — Проси же себе каждый дара молитвы у Самого Бога, дающего молитву молящемуся: ибо мы даже и не знаем сами, как и о чем нам подобает молиться, если Сам Он не наставит нас Духом Своим Святым.

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

130. Гефсимания

«Веселися, Гефсимание, Богородичен святой долге!»

Из всех окрестных мест святого града Иерусалима самое любимое и наиболее посещаемое нашими богомольцами — это Гефсимания или подземный храм, в котором находится погребальная пещера Матери Божией, во успении Своем нас не оставляющей. Желая поклониться сему святому месту покоища Царицы Небесной, странник выходит из Иерусалима восточными воротами стен Иерусалимских, которые называются воротами Гефсиманскими, а обычнее — воротами святой Марии. Врата сии — как христианами, так и неверными — называются так потому, что все окружающее здесь особенно напоминает о Пресвятой Марии: вблизи их и

дом Ее святой матери, бывшая церковь св. Иоакима и Анны, и храм, в котором воспитывалась Воспитавшая Богочеловека, и мечеть Эль-Акса, в которой хранятся, по сказанию мусульман, следы пречистых стоп Девы Марии, и — за воротами — всеми благоговейно чтимый гроб Матери Жизнодавца. Прошедший чрез эти ворота путник останавливается на крутизне. В глуби долины, за потоком Кедронским видна ровная, небольшая площадь, окруженная невысокою и безыскусственною оградой; она не осежена деревьями, не обозначена другими какими-либо предметами, только едва приметно возвышается среди нее небольшая каменная постройка, — это окно подземной церкви Гефсиманской. Некогда существовала тут великолепная церковь и большой монастырь, но теперь нет никакого следа их. Спустясь к мостику потока Кедронского и за ним пройдя немного по прямому направлению, вы останавливаетесь у преддверия Гефсимании. Прекрасная каменная лестница, спускаясь налево (к северу), несколькими ступенями сводит вас на довольно просторную и вымощенную камнем площадку, отвесно обрезанные края которой защищены от напора земли каменными стенами. Здесь — вход в святилище, украшенный по сторонам искусною резьбою. Переступая с благоговением за порог святилища, вы видите пред собою глубокую пещеру, в которую ведет вас широкая мраморная лестница, ступеней до пятидесяти, пересекаемая, по местам, значительной широты площадками. Спустясь до половины лестницы, вы видите направо и налево большие углубления в стенах: это алтари над гробницами ближайших к Пресвятой Деве: направо — праведных Богоотец Иоакима и Анны, налево — святого Ее Обручника. Всякий, с благоговением идущий к гробу преблагословенной Девы, с радостным умилением припадает к гробницам и святых Ее родителей и Обручника, прося их ходатайства пред всеильною Ходатаицею на небеси. Чем далее спускаетесь по лестнице, тем больше сходите во мрак. Вот вы уже на помосте храма; несколько шагов вперед — и вправо открывается очень длинная, широкая полоса Гефсиманской подземной церкви, среди которой, осияваемая изнутри, стоит часовня гроба Богоматери. Часовня эта по наружному виду несравненно менее кувуклии гроба Господня. С западной только стороны пристроен к ней жертвенник армян, заслоняющий собою одну из стен святого вертепа. Глубина, безыскусственность, полумрак этого смертного ложа Пресвятой Девы чрезвычайно поражают душу и вполне поддерживают то благоговейное настроение ума и сердца, которое невольно является при посещении подобных святых мест. Вот пред вами и вход в часовню Богоматернего гроба, или лучше два входа: один с западной, другой с северной сторны; оттуда широкою струею льется на вас свет. Смертное ложе Богоматери иссечено в восточной стороне гробового вертепа. Внутри часовни этой более двадцати драгоценных лампад неугасимо горят над гробом Пресвятой Девы, и кроме их во время служения становятся другие лампы и подсвечники на самом гробе. Стены сей часовни покрыты шелковыми и парчовыми занавесами, но так, что желающий легко может видеть самый природный

утес, оставленный под ними без всяких украшений. Одно только смертное ложе Богоматери покрыто плитой белого мрамора, которая всегда окроплена росой слез и благовоний (На гробе Божией Матери, равно как и на гробе Спасителя, кропят паломников розовой водой). На этой плите и совершается литургия.

Гробовая часовня Гефсиманская так же тесна, как и гроб Спасителя; в ней свободно могут стоять и молиться не более трех человек. В высоту она ниже часовни гроба Господня и внутреннее убранство ее беднее. На гробовой плите Богоматери всегда стоят цветы; их красивые и разнообразные букеты с благоговением разбираются паломниками. За гробовой часовней Богоматери восточная полоса церкви еще далеко углубляется; там налево скромный жертвенник греков, на котором каждодневно совершается проскомидия. Вся церковь построена крестообразно, так, что лицевая, самая длинная сторона креста, обращена к востоку. В углублении восточной части — жертвенник греческой церкви и гробовая часовня Богоматери, в углублении южной полосы — гробы Ее родителей, Обручника и престол первомученика Стефана, от которого начинает подниматься лестница. В углублении северной полосы — престол коптов и все келлии греков. В углублении западной полосы — престол армян и кладезь, необходимая принадлежность Гефсиманского храма, по многолюдству его собраний и по жаркому климату страны. Стены церкви Гефсиманской высечены в природном утесе, но своды ее искусно сложены из больших камней; те и другие покрыты дорогими тканями. Во всю длину и широту церкви красиво снуются крепкие шелковые шнуры, на которых висят лампадки; не всегда теплятся они, но когда горят, пространный вертеп Гефсиманский подобен бывает небу, усеянному звездами.

С южной стороны гробовой пещеры отведено особое место для молитвы мусульман, которые чтут Пресвятую Деву как Матерь великого Пророка; мусульманки даже просят от гроба Богоматери освященной воды и елея, употребляя оные, как врачевство в болезнях детей своих. «Отныне ублажат Мя вси роди», — прорекла Препоблагословенная, и пресвятое имя Ее читается всеми: все прибегают к Ее небесному ходатайству и несомненно сподобляются его. Живущие в Иерусалиме христиане в день субботний считают обязанностью слушать литургию у гроба Богоматери. В день празднования Успения Владычицы мира (15 августа) бывает соборное торжественное богослужение; плащаница, с изображенным на ней ликом Приснодевы, торжественно переносится сюда из Гефсиманского подворья чрез Сион, следуя тем путем, коим несено было в Гефсиманию для погребения пречистое тело Богоматери; над плащаницею, в воспоминание приснопамятного Успения Владычицы мира, совершается пение 17-й кафисмы на греческом и арабском языках, с умильными похвальными тропарями во славу Богоматери по чину Богослужения, совершаемого на утрени в Великую Субботу. (Сии Похвалы или Священное последование на честное преставление Божией Матери совершаются по чину Иерусалимскому

и у нас в России, в Гефсиманском скиту, что при Св.- Троицкой Сергиевой Лавре, на 17-е число августа)

131. Усекновение главы Предтечи Христова Иоанна

Предтече Господа нашего Иисуса Христа, предварившему рождество Его, надлежало предварить и спасительную смерть Его своею смертью, дабы как на земле проповедал он пришествие Господа, возвещая: «грядет Крепкий мене вслед мене» (Мк. 1; 7), так и во аде содержимым там душам возвестить, что уже явился в мире ожидаемый Мессия. Вот как исполнилось это: Ирод, называемый Антипа, сын старшего Ирода, избившего детей Вифлеемских, был женат на дочери Ареты, царя аравийского, но прельстясь красотой Иродиады, жены Филиппа, брата своего, по согласию с нею, прогнал от себя первую, законную жену, и взял Иродиаду. Такого беззакония не мог сносить ревнитель закона Божия, обличитель грехов и проповедник покаяния, святой Креститель Иоанн: он стал обличать Ирода пред всеми, говоря: "Не должно тебе иметь жены брата твоего". Но Ирод, не терпя обличения, повелел ввергнуть Иоанна в оковах в темницу. Всего же более воспылала яростию против святого обличителя Иродиада. Она хотела тотчас убить его, но не могла, потому что Ирод, знавший Иоанна, как мужа праведного и святого, не хотел отдать его на убиение, боясь впрочем не столько Бога, сколько того, чтоб народ, почитавший Иоанна, как пророка, из-за его убиения не произвел возмущения. Вследствие этого святой Иоанн пребывал в темнице немалое время. Настал день рождения Иродова. В этот день Ирод угощал великим пиром князей своих, военачальников и старейшин всей Галилеи, а дочь Иродиады увеселяла их при том своею пляскою. Угодив тем Ироду и гостям его, плясунья, по наставлению злобной матери своей, потребовала в награду себе главы святого Иоанна Крестителя: и Ирод, поклявшийся пред тем дать ей все, что она ни попросит, даже до половины царства своего, забыл и святость Иоанна, и свое уважение к нему, — велел стражу отсечь главу святого Иоанна и принести на блюде. Повествуют, что когда принесена была глава, еще источающая кровь, то к ужасу всех присутствующих на пире, она произнесла прежние обличительные слова свои: "Не должно тебе иметь жену брата твоего!" Но плясунья небоязненно приняла святую главу и отнесла ее к матери своей, а Иродиада не устыдилась еще поругаться главе Предтечи: колола язык ее иглою, и боясь, чтоб обличитель ее не воскрес, когда бы приложили главу его к трупу, закопала ее во дворце, на некотором бесчестном месте. Обезглавленное тело в ту же ночь взято было учениками из темницы, и погребено в Севастии. За это незаконное убийство, к которому после приложил Ирод и поругание Самому Господу во время страданий Его, когда, «укопив Его с вой своими и поругався, оболк Его в ризу светлу, возврати к Пилату» (Лк. 23; 11), наказание Божие не умедлило постигнуть беззаконников. Царь аравийский Арета, мстя за безчестие, нанесенное его дочери, восстал войною на Ирода, победил его и поразил

войско его так, что сам Ирод едва спасся. Потом император римский лишил Ирода всей власти и всех богатств и вместе с прелюбодеицею и ее дочерью послал в заточение, сперва в Лион Галльский, потом в Илерду, город Испанский, где они бедственно кончили жизнь свою. Прежде всех погибла плясунья. При переходе ее во время зимнее по льду чрез реку Сикорис, проломился под нею лед и она погрузилась в воду по шею так, что лед стиснул ее и она повисла в воде, вися головою на льду. Тогда та, которая плясала некогда на земле, не досягая дна реки, должна была как бы плясать в воде. Наконец острым льдом совсем перерезало ей шею: обезглавленный труп занесен был водою, а к Ироду и Иродиаде принесена была одна голова погибшей. Об Ироде же и Иродиаде повествуют, что оба они пожертвы были землею живые. — Итак, святой Иоанн был Предтечею Христовым как в жизни своей, так и по смерти. После, когда разорен был ад в воскресение Христово, он вместе со всеми другими праведниками изведен был Христом оттуда и сподобился многих венцов на небе, как девственник, как пустынножитель, как учитель и проповедник покаяния, как Пророк, Предтеча, Креститель, и наконец, как мученик.

(Синаксарь на 29-е августа)

Проповедники правды

Вот, братие, участь провозвестников истины, проповедников правды и обличителей беззаконий человеческих! Не было и нет, и быть не может в рожденных и рождаемых женами, кто бы был больше Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, и вот в темнице кончает он жизнь свою, вот он обезглавлен и глава его честная, яко снедь некая, носится на пиру богомерзком! Сердце содрогается, когда представишь себе все это. И однако все это было. А главное не то же ли, хотя и не точь-в-точь, бывает и ныне? В любви ли и у нас те, кто говорит нам правду не обинуюсь? Напротив, не считаются ли подобные люди и у нас за людей беспокойных, которых во что бы то ни стало надо заставить молчать, хотя молчать для них и невозможно. "Правдою жить — людей отбить!" — не оправдывается ли это присловие и ныне? Да, трудно и ныне жить на свете человеку правдивому, а особенно тому, кто по самому роду службы своей обязан научить, обличить, умолить, запретить. Долг свой стал исполнять добросовестно: сейчас против тебя составится целая толпа недовольных. А долга своего не исполнил, как должно, — Господь вопиет вослед: «кроме их от руки твоя взыщу» (Иез. 3; 17). Отовсюду тесно!.. Как же быть и что делать нам, братие? К тем из вас обращаюсь, кто подобно нам призван в той или иной должности послужить обществу. Всем нам тако поставленным да послужит, други мои, святой Предтеча Господень примером: лучше головы лишиться, чем хоть раз в жизни покривить душою. Пусть нас клянут, пусть нас поносят, злословят: будем сносить все великодушно. Правда строгая, нелицемерная — венец всему. Ею и будем дорожить. Дорожите ей и вы, коим выслушивать правду

от других приходится. Пусть "правда глаза колет", но что же делать? Как иначе исправление-то наше пойдет, если мы будем гневаться на говорящих нам правду? Вы вникните: правда, высказываемая нам откровенно, особенно людьми, на то от Господа поставленными, для чего ими высказывается? Чтобы мы хотя бы несколько поисправились. Следовательно, не хотеть знать и слышать от других слова правды — значит не хотеть исправления, не хотеть, чтобы и другие желали нам добра. Притом если и замолкнет слово человеческое, то не замолкнет Божие. А Бог, знаете, как вещает слово Свое о людях? Имеете понятие о поваральных болезнях, неурожаях, пожарах и т.п.? Вот вам примеры глаголения Божия! И судите теперь: что же лучше? Выслушать ли человеческое обличение и исправиться, или ждать и желать непосредственного от Самого Господа вразумления? Аминь.

(Из поучений протоиерея А. Белоцветова)

132. Памяти Высокопреосвященнейшего Митрополита Макария

Давно ли Церковь Киевская лишилась своего любимого архипастыря? Давно ли вместе с матерью городов русских — древним Киевом и вся русская земля оплакивала кончину великого святителя и подвижника митрополита Филофея? И вот новая потеря, новая печаль: осиротела Церковь Московская, а с нею и вся Русь православная — мало сказать: Русь, — вся Церковь Православная лишилась великого учителя веры — митрополита Макария! Он тихо отошел к Богу почти в самую полночь с 9-го на 10-е июня 1882 года, на 66-м году своей труженической жизни.

Гаснут один за другим светильники в Церкви Божией — святители русской земли; видно мы, грешные, не стоим того, чтобы они светили нам, видно, прогневали мы Господа Бога, что не дает Он нам подольше порадоваться на них: и кто бы мог ожидать, чтобы такой живой и бодрый на вид святитель, каким был митрополит Макарий, столь рано покинул нас? Но буди во всем воля Божия!.. Предлагаем нашим читателям изображение почившего архипастыря, приведем здесь несколько сведений о его жизни и трудах.

Почивший митрополит был сын бедного сельского священника Курской епархии и с раннего детства испытал нужду и горе сиротской доли. В детстве лишился он отца и больной, с головою покрытой золотушными струпьями, был привезен в духовное училище. Понятно, что его мать, бедная вдова с большою семьей, получавшая всего 12 рублей в год пенсии, не в состоянии была сама содержать мальчика, и его приняли на казенный счет. Невесело встретила школа нового питомца: плохо давалась на первое время наука бедному Михаилу Булгакову (так звали в миру преосвященного Макария); учащиеся смотрели на него как на малоспособного мальчика, товарищи обижали, и кто бы мог подумать тогда, что из этого больного, всеми брошенного малютки выйдет потом знаменитый святитель Церкви Московской, преемник Филарета и Иннокентия? — Но Бог делает Свое не

по-нашему, и в Его руках иногда самый неважный случай может переменить на всю жизнь судьбу человека. Раз Михаил Булгаков, укрываясь от шалунов-товарищей, забился за дрова на училищном дворе и там заучивал непонятный для него урок. Вдруг откуда-то упал прямо ему на голову небольшой камень и рассек кожу, не повредив черепа. Потекла кровь, но тем все и кончилось: раночка зажила, а с нею и голова очистилась от струпьев, и здоровье его стало поправляться, и в ученье дело пошло так успешно, что скоро он опередил всех своих товарищей. Поступив потом в семинарию, а оттуда в Киевскую духовную академию, юноша Булгаков весь отдался духовной науке и на 25 году своей жизни был пострижен в монашество с именем Макария. Скоро его ученые труды стали появляться в печати; долго было бы перечислять их; назовем только те из них, которые сделали его имя известным не только в православной России, но и в чужих краях. Таковы были его "Введение в Православное Догматическое Богословие" и самое "Богословие", в котором почивший архипастырь со всею ясностью, полнотою и точностью изложил православное учение веры на основании слова Божия и писаний свитых Отцов. Другой его огромный труд — это двенадцать книг "Истории Русской Церкви", в которой он изобразил судьбу Церкви Божией в русской земле от ее основания до времен патриарха Никона. И сколько же нужно было ему прочитать разных сочинений для этого великого труда, сколько пришлось пересмотреть старинных книг и рукописей, перерыть архивных дел, переписать своею рукою древних грамот и разных бумаг! Этому делу он посвящал каждый свободный час, каждую минуту; его мысль с любовью уносилась в века давно минувшие и там его душа отдыхала, поучаясь в созерцании святой жизни и подвигов древних святых мужей. Поистине — святой труд, при размышлении о коем приходят на мысль слова Царя-Пророка, слова, которые так часто любил повторять другой наш историк — святитель, ныне уже Богом прославленный Димитрий, митрополит Ростовский: «помыслих дни первые, лета вечная и поучахся!» — Достоинно еще замечания и то, что почивший Архипастырь еще с молодости решился: что Бог пошлет ему за труды, что выручится от продажи его сочинений, отдавать на вспомоществование ученым труженикам, и много тысяч рублей пожертвовано им на это благое дело.

Мы не говорим о многосложных трудах почившего святителя в деле служения Церкви Божией и земному отечеству — православной России в разных званиях, от ректора Академии до сана Московского митрополита. Скажем только, что везде, и в Тамбове и в Харькове, и в Вильне и в первопрестольной Москве — везде оставил он по себе добрую память не только как мудрый начальник, но и как любвеобильный отец, коего приветливое обхождение и милостивое внимание ко всякому, хотя бы и самому малому труду на пользу общую, навсегда будут памятны всем, кому привел Бог иметь до него какое-нибудь дело. А кто не любовался его благоговейным служением? Кто не удивлялся его строгому образу жизни, в которой ни одной минуты не пропадало без пользы для себя и для ближних?

— Да, почивший архипастырь был великий труженик, и да почиет он от трудов своих в обителях Отца Небесного, да помолится там и за нас, грешных, ленивых в делании своем!..

133. Жатва

Все зависит, братие мое, от благословения Божия; и где чего не благословит Господь, там никогда ничего и не будет; сколько ты ни трудись, сколько ни работай, живи хоть целый год в поле, копай землю хоть день и ночь; но если ты трудишься без молитвы, если не призываешь Господа Бога на помощь: то что твой труд и работа? Только себя ты изнуришь, а хлеба не наживешь. Между нами есть люди, о которых мы говорим, что работа у них из рук валится. От чего это? Оттого, что они худо молятся Богу, не призывают Его на помощь, когда начинают дело, не благодарят, когда оканчивают. Вы знаете сих людей; ибо чаще видите их в корчемнице, нежели в храме Божиим; они лучше любят спать, нежели поспешать на службу Господню. Оттого-то они и бедны, — так бедны, что Боже упаси... Но Бог с ними; мы не осуждать их должны, а сетовать и молиться, чтобы Господь милосердый спас их души. Вот вы теперь радуетесь о хорошем урожае; весело острите серпы свои, благодарите Господа за Его милость; вы хотите начинать жатву и мне приходит на память одно место из св. Писания, которое очень поучительно теперь привести и вам на память. Вот как читается сие место в святом Евангелии Господнем: «А село есть мир: доброе же семя, сии суть сынове Царствия, а плевелы суть сынове неприязненнии... а жатва кончина века есть, а жатели Ангели суть. Якоже убо собирают плевелы и огнем сожигают, тако будет в скончание века сего. Послет Сын Человеческий Ангелы Своя, и соберут от Царствия Его вся соблазны и творящих беззаконие. И ввергнут их в пещь огненную: ту будет плачь и скрежет зубом» (Мф. 13; 38-42). Понимаете ли, возлюбленные, что означает сия речь Господня! Я думаю, что не все понимаете. Итак, я изъясню вам, а вы послушайте меня: селом называется поле; 2кончиною и скончанием века» — представление света; «плевелами» — худая, бесплодная трава; «Сыном человеческим» — Господь и Бог наш Иисус Христос; «пещию огненною» — ад, место вечного мучения; ввергнут — значит бросят или кинут. Чему же научает нас Господь в речах Своих, когда говорит: «а село есть мир» и прочее? Весьма важному и вместе ужасному. Внимайте мне, братие мои, и приложите мои слова к сердцу вашему. Поле, куда вы собираетесь на жатву, есть образ целого мира, целого света, всех людей, сколько бы ни было их на земле. Время жатвы есть изображение того времени, в которое наступит конец света. Способ, каким вы производите жатву, есть подобие того дела, которое Господь сделает с людьми, когда приидет кончина мира. Каким образом поле похоже на мир? Вот каким: в поле сеются и растут семена; в мире родятся, возрастают и живут люди. В поле есть земля плодоносная, покрытая золотящимися колосьями, и есть земля, заросшая диким

кустарником, полынью и бурьяном: и в мире есть царства православные, богобоязненные и благочестивые, и есть народы и страны неверные, не ведущие истинного Бога и не почитающие Его. В поле есть жито и пшеница, но есть между пшеницею трава негодная, заглушающая доброе семя; и в мире есть люди добрые, Христиане благодетельные и честные, приятные и благотворные — как пшеница; но есть между Христианами и люди злые, развращенные, вредные другим — как куколь, неприятные — как полынь, бесполезные — как бурьян. В поле между пшеничными колосьями есть колосья, полные семян; зрелые, от плода клонящиеся к земле, — это люди умные и смиренномудрые; но есть колосья, высоко поднявшие головы вверх и стоящие прямо, — это в мире люди пустоголовые, гордые, ничего доброго не имеющие. Короче сказать: что в поле видите худого и доброго, то же самое найдете вы и в мире между людьми. Посему право слово Господне, что «поле есть мир», т.е. очень похоже на мир только с тою разницею, что в мире живут и растут добрые и худые люди, а в поле добрые и худые травы. — Как время жатвы похоже на время преставления света? А вот как: когда в поле хлеб созрел и пришла пора жать, вы говорите: "Скоро пройдет лето, наступит осень и окончится год". Как в поле, так и в целом мире есть свой год, — год великий, безмерный, заключающий в себе не сто лет, не тысячу, не пять тысяч, а много столетий и тысячелетий — столько, сколько угодно будет Господу, — и этот год когда-нибудь кончится. В поле все у нас цветет, красуется, спеет до жатвы: в мире живут люди, стоят деревни, цветут города, красуются царства и народы, до той страшной години, когда волею Господнею положится всему предел или межа. В поле, видя между пшеницею негодную траву, вы говорите: "Не тронь ее, не топчи пшеницы, пускай растет, пока поспеет пшеница". В мире, видя между людьми добрыми людей злых, Господь говорит: "Пускай они живут до поры, до времени; не стану их наказывать, дабы вместе с ними не наказать людей добрых. «Оставьте обоя расти купно до жатвы». Наконец в поле, когда хлеб поспел, пшеница зажелтелась, а вместе с нею выросла и трава, вы говорите: "Все созрело, пора за серпы, пора на жнитво". Так и в мире: когда добрые поспеют в добре, праведные и святые, как пшеница, вызреют в правде и святости, а злые во зле, порочные и грешные почернеют, как куколь, во грехах и пороках, тогда Господь скажет: "Пора Мне взять меч правосудия Моего и пожать нечестивых от земли, а праведных собрать, как пшеницу, в житницу Мою", т.е. в Царство Небесное. Вот каким образом кончина мира похожа на жатву! Изъясню вам теперь последнюю мысль, т.е. что способ, коим вы производите жатву, похож на то дело, какое сделает Господь при кончине мира. Послушайте. Вы, почтенные старички и начальники семейств, посылаете в поле жнецов; Господь пошлет в мир Ангелов Своих. Вы в поле пшеницу и вместе негодную траву собираете; Ангелы Господни соберут к Богу всех добрых и святых людей, а вместе с ними приведут пред лицо Божие и всех беззаконников. Сжавши пшеницу, вы очищаете ее, выбираете траву и кладете и то и другое особо; Ангелы Господни, собравши весь мир к

Богу, отберут праведников от грешников. Отобранную траву, как негодную, вы бросаете в печь, пшеницу, — смолотивши и очистивши, храните в житнице; грешников, отделенных от праведников, Ангелы ввергнут в ад, где будет плач и скрежет зубов, а праведников возьмет с Собою Господь в Царство Небесное, где они воссияют как солнце.

Страшное будет то время, братия мои, такое страшное, что как вспомнишь о нем, так сердце замирает! Но желаете ли вы не бояться последней лютой години? С слезным молением вопрошаю вас: желаете ли? Если желаете, то чаще помышляйте об одной. Когда вы видите, что пришло время жатвы, то помышляйте, что, рано или поздно, придет кончина света. Когда вы жнете хлеб, подумайте, что некогда пожнут и вас Ангелы Господни. Когда примечаете в поле дурную траву между пшеницею, то припоминайте, что и между вами есть дурные люди, и что, может быть, вы сами тоже пред Господом, что худая трава. Когда намереваетесь выполоть дурную траву, то представляйте, что из сердца своего должно исторгать и искоренять худые привычки, грехи и пороки. Когда связавши плевелы в снопы, бросаете их в огонь, то подумайте, что и вас так же бросят некогда в огонь вечный, если вы не захотите сделаться людьми праведными. Когда смотрите на золотящиеся и полные колосья пшеницы, и радуетесь урожаю, то помышляйте, что и вы так же полны должны быть добродетели и честности, как колосья полны зерен. Пшеница бывает молода, зелена, потом начинает цвести, потом наливается, и наконец желтеет и поспевает. Точно так же и нам, други мои, должно возрастать в добре, цвести праведностью и созреть в святости. Одним словом: выходя в поле, прочитывайте про себя: «а поле есть мир». Видя там добрые и худые растения, читайте: «а доброе семя суть сыны Царствия, а плевелы суть сыны лукаваго». Смотри на жатву, читайте: «а жатва есть кончина века». Взирая на жнецов, или будучи сами жнецами, читайте: «как собираются плевелы и огнем сожигаются: так будет при кончине века сего». Благодарите Отца Небесного, что Он в нынешнем году уродил вам хлеб; но знайте, что чем более и лучше у вас урожай, тем вы должны быть добродетельнее, честнее, благочестивее, богобоязненнее, дружелюбнее и святее. Тогда вы не будете страшиться последней — лютой години. Аминь.

(Из "Воскресного Чтения", 1842)

134. Смиранный чудотворец

Когда преподобный Сергей избирал себе место для пустынного безмолвия, он вовсе не заботился о том, чтобы иметь воду поблизости; трудолюбивому подвижнику даже было приятно носить ее издалека, дабы тем еще более утруждать свою плоть. Но с умножением братии недостаток воды становился все ощутительнее. Не раз братия жаловались ему, что приходится далеко ходить за водою, и некоторые, менее терпеливые, даже говорили ему с упреком: "Для чего на таком месте построил ты обитель?" На

сие преподобный отвечал: "Я хотел здесь безмолвствовать один; Богу угодно было воздвигнуть здесь обитель во славу Его Пресвятого Имени; дерзайте в молитве и не унывайте; если Он в безводной пустыне дал воду из камня непокорному народу еврейскому, то неужели Он оставит вас, работающих Ему на сем месте день и ночь?" Раз, после такого наставления братии, он взял с собою одного инока и пошел с ним в лесной овраг под монастырем; тут он нашел немного дождевой воды, преклонил над нею колена и помолился так: "Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, сотворивший небо и землю и все видимое и невидимое, создавший человека и не желающий смерти грешника! Молим Тебя мы, грешные и недостойные рабы Твои: услыши нас в час сей и яви славу Твою! Как в пустыне чудодействовала крепкая десница Твоя, от камня воду источив, так и здесь яви силу Твою — даруй нам воду на месте сем и да уразумеют все, что Ты слушаешь боящихся Тебя и имени Твоему славу воссылающих — Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и всегда, и во веки веков, аминь!"

Так молился угодник Божий, и едва произнес Он молитву сию, и осенил крестным знаменем место, где стояла дождевая вода, как вдруг из под земли пробился обильный источник холодной ключевой воды и она потекла быстрым ручьем по долине. С той поры многолюдная обитель Сергиева не имела недостатка в воде; преподобный Епифаний, ученик Сергиев, свидетельствует, что бывали исцеления от воды сей и даже издалека присылали за нею для болящих, так что ручей тот получил прозвание Сергиевой реки; но смиренный чудотворец, узнав о том, строго запретил братии называть так изведенный молитвою его источник: "Не я, — говорил он, — а Господь дал воду сию нам, недостойным". И братия, из послушания к заповеди своего святого старца, мало-помалу отвыкли от сего наименования.

Золото и мишура. Поучение на день памяти преподобного Сергия

Когда читаешь жития святых угодников Божиих, когда начнешь при этом сравнивать свою грешную жизнь с их святою жизнью, то невольно воздохнешь из глубины души, поневоле скажешь: "Господи! Да как же мы далеко отстали от них, — как мы грязны, нечисты в сравнении с этими светлыми земными Ангелами!" Но, братие мои, хотя и называем мы угодников Божиих Ангелами во плоти, все же ведь они были такие же люди, как и мы, были тою же плотию облечены, те же немощи имели, те же скорби несли... Стало быть, и нам можно бы такими же быть, какими они были, а между тем — на кого мы похожи стали со своими грехами?..

Возьмем на сей раз в назидание себе не важный, по видимому, случай из жизни преподобного Сергия. Когда он, снисходя нуждам братии, испросил у Господа Бога обильный источник воды, то братия, по чувству благодарности к угоднику Божию, стала называть этот источник Сергеевым. Кажется, что бы в том худого, по нашему разумению? Да у нас теперь самое обычное дело

называть, например, школы или богадельни именами тех благотворителей, которые пожертвовали свои средства на их устройство, и такое наименование только свидетельствует о нашей благодарности к благотворителям; и не только тут нет греха, а еще есть и добрая частичка: вспомним благотворителя и за него же Богу помолимся... Так, может быть, рассуждали и ученики Преподобного Сергия. Но не так рассуждал он сам. Узнав о таком наименовании источника, богомудрый старец призвал к себе старейших из братии и сказал им: "Братие мои, ведь не я вам воду дал, — это Господь милосердый утешил нас, недостойных, Своею милостью. Зачем же вы зовете ручей моим именем? При чем тут я, грешный?" — и он строго запретил им называть так источник...

О, достолюбезное, святое смирение! Ты не видишь даже и того, что чудеса творишь; ты везде и во всем видишь только одну благодать Божию да свое недостойство!.. Ты боишься, угодниче Божий, как бы не почли тебя за святого человека, ты готов был убежать, укрыться в глушь лесную, в чащу непроходимую, в темные пещеры и мрачные дебри пустынные, чтобы не славили люди имя твое, не указывали на тебя как на Божия избранника! Тяжела тебе, невыносима слава людская, и если б не воля твоего святого друга и собеседника святителя Алексия, если б не святое послушание воле Божией и отеческая любовь к собранной тобою братии, то и ушел бы ты в пустыни непроходимые, и укрылся бы от очей людских!..

А мы, грешные... сделаем что-нибудь доброе (да и то иногда с грехом пополам!), да сами же и начинаем трубить о том!.. Если же иной раз, из приличия, чтобы не назвали нас самохвалами, и молчим о себе, зато уж как бываем довольны, как утешаемся, когда люди скажут о нас словечко доброе! Точно малые дети игрушкой — так и мы забавляемся похвалою людской! Да и что греха таить? Многие из нас, пожалуй, и вовсе не стали бы ничего доброго делать, если бы не манили их этой игрушкой — славой человеческой! И как же не сказать после этого, что как небо от земли, так и наша жизнь далека от святой жизни угодников Божиих! И вся беда наша в том, братие, что смирения у нас нет, — нет ни единой крупицы этого некрадомого сокровища небесного, этого злата мытарева, которым так богаты были святые угодники Божии, а без этого золота нельзя купить и Царства Небесного, — без смирения все наше добро — мишура одна, а не золото! Будем же чаще, возлюбленные мои, вспоминать жизнь святых Божиих, будем поучаться у них прежде всего и паче всего — святому смирению! Аминь.

135. Лучше здесь накажи, Господи!

Здесь, Спаситель мой, накажи меня, как чадолюбивый и сердобольный Отец, а там прости, как единый безгрешный и многомилостивый Бог. Ибо если здесь не вразумишь несчастного, и не дашь ему сердечного озарения, чтобы ежедневно без стыда приносил он покаяние во грехах своих; что там

делать ему, не имеющему оправдания? Итак, здесь, Спаситель мой, здесь, где наслаждался я прелестию греха, вразуми меня, как благосердый и чадолюбивый Отец, а там прости мне, как милостивый Бог, единый безгрешный!... (Преподобный Ефрем Сирий)

Страшны муки вечные, — без конца они. Нет! Уж лучше здесь накажи, Господи! Ведь как бы ни было тяжело здесь наказание, оно все же — милость Божия в сравнении с мукою вечною! Здесь наказует нас Господь как Отец милосердый, а там осудит как Бог правосудный. Здесь в самом наказании мы видим милующую нас десницу Божию, а там будем пить вечно только одну горькую чашу гнева Божия. Здесь, как бы ни был тяжел крест скорби, от Бога возлагаемый, — мы все же можем иметь отраду и утешение, можем иметь надежду, что накажет Господь, да и смилуется, что не до конца Он, милосердый Отец наш, прогневаётся, что не вечно Он негодует на грешников. Но там — нет надежды, нет отрады, нет утешения! «И дым мучения их будет восходить во веки веков!» (Откр. 14; 11). «И будут мучиться в озере огненном во веки веков!» (там же, 21; 10). Так говорит непреложное слово Божие.

Трудно для нас, грешных, произнести это слово: "лучше здесь накажи"; нелегко это для нашего самолюбия; как только об этом подумаешь, так сейчас же в грешном сердце и является грешный помысл: "А ну как Господь для моего спасения пошлет мне скорби лютые? Разве это легко будет перенести?.." Конечно, нелегко; но, брат мой возлюбленный! Ведь мы с тобою веруем в Господа Бога всеведущего — стало быть, знает Он и наши немощи лучше нас самих; — веруем в Бога милосердного, а если Он милосерд, то стало быть, не попустит нам искушения выше меры нашей, — веруем в Бога всемогущего, — стало быть, может Он же и помочь нам в перенесении креста скорбей. А без креста, без скорбей — никому нет пути в рай пресветлый. Такой уж закон положен от Господа Бога: узки врата и тесен путь, вводящий в жизнь вечную!.. И так лучше отдадимся в волю Божию и скажем Господу: "Мы — Твои: делай с нами что хочешь, только помилуй, — накажи нас, как Тебе угодно, только спаси!.." Хорошо понимал эту истину тот Афонский старец, который долго молился Богу, чтоб Он наказал его здесь за грехи и помиловал бы там за гробом. Непрестанный молитвенный вопль старца наконец проник в небеса и дошел до Господа Бога. Однажды, по обычной молитве, старец прилег отдохнуть и погрузился в тихий сон. В первые мгновения сна он был поражен ослепительным сиянием, разлившимся по келье. Старец боязненно осмотрелся и его взоры остановились на кресте, к которому пригвожден был Божественный Страдалец, Господь наш Иисус Христос; терновый венец лежал на израненной главе Его; из рук, из ног и из ребра Его кровь струилась потоком; от лица Искупителева, от Его кротких взоров исходило удивительное сияние. Старец затрепетал от радости, пал пред Господом на колени и залился слезами... — "Что ты так горько и беспрестанно плачешь? Чего ты хочешь от Меня?" — спросил кротко с креста Спаситель плачущего старца. "Господи!

— воскликнул старец, умиленно окрестив на груди руки: — Ты знаешь, как я огорчил Тебя; Ты видишь, как много у меня грехов: покарай меня за них в настоящей жизни, как Тебе угодно, и помилуй меня по смерти. Более ничего я не хочу, более ничего я не прошу от Тебя". — "Хорошо, — отвечал Господь: — будет по твоему желанию". — Видение кончилось. Старец, сильно потрясенный чувствами неизъяснимой радости от лицезрения и сладкой беседы Господа, не пробуждаясь еще, ощутил, что его внутренность вся как - будто подорвалась; он пробудился и действительно увидел, что у него появилась огромная грыжа; она и осталась таковою навсегда. — Если б знали мы, если б дано было видеть нам преждевременно, что нас ждет за гробом и в последние минуты жизни, конечно, как говаривал один св. отец, мы целый век согласились бы с удовольствием просидеть в келье, переполненной язвительными червями, чем пробыть несколько времени в аду. Я думаю, слышали вы, продолжает благочестивый повествователь, как один расслабленный, изнемогая в духе терпения, с воплем просил Господа прекратить его страдальческую жизнь. — "Хорошо — сказал явившийся однажды больному Ангел: — Господь, как неизреченно благий, соизволяет на твою молитву; Он прекращает твою временную жизнь, только с условием: вместо одного года страданий на земле, которыми всякий человек, как золото на огне искушается, согласен ли ты пробыть три часа в аду? Твои грехи требуют очищения в страданиях собственной твоей плоти; ты должен бы еще быть в расслаблении год. Этот путь тебе уже наскучил на земле; испытай, что значит ад, куда идут все грешники; впрочем, испытай только в течение трех часов, а там молитвами святой Церкви ты будешь спасен". Страдалец задумался: "Год страданий на земле — это ужасное продолжение времени! Лучше уж я вытерплю три часа, — сказал он сам себе, — чем год. — Согласен в ад", — сказал он наконец Ангелу. Ангел тихо принял на свои руки его страдальческую душу и, заключив ее в преисподних ада, удалился от страдальца, со словами: "Через три часа явлюсь я за тобой". Господствующий повсюду мрак, теснота, долетающие звуки неизъяснимых грешнических воплей, видение духов злобы, в их адском безобразии — все это слилось для несчастного страдальца в невыносимый страх и томление. Он всюду видел и слышал страдание и ни ползвуча радости в необъятной бездне ада; одни лишь огненные глаза демонов сверкали в преисподней тьме и носились пред им их исполинские тени, готовые сдвинуть его, сожрать и сжечь своим геенским дыханием. Бедный страдалец затрепетал и закричал; но на его крик и вопли отвечала только адская бездна своим замирающим вдали откликом и клокотаньем геенского пламени, которое клубилось в виду трепетавшего заключенника. Ему казалось, что целые веки страданий протекли уже; с минуту ждал он к себе светоносного Ангела; но Ангела не было. Наконец страдалец отчаялся в его райском появлении и, скрежеща зубами, застонал, заревел, что было силы; но никто не внимал его воплям. Все грешники, томившиеся в преисподней тьме, были заняты собою, своим собственным только мучением, и ужасные демоны, в адской радости и с

хохотом вскрикивали: "Вот славно! Пару и жару для жданных гостей!" Наконец тихий свет ангельской славы разлился над бездною. С райскою улыбкою подступил Ангел к нашему страдальцу и спросил: "Что, каково тебе, брат?" — "Не думал я, чтоб в устах ангельских могла быть ложь", — прошептал едва слышным, прерывающимся от страданий голосом заключенник. — "Что такое?" — возразил Ангел. — "Как, что такое? — произнес страдалец: — ты обещался взять меня отсюда чрез три часа, а между тем целые годы, целые, кажется, веки протекли в моих невыразимых страданиях!.." — "Помилуй, что за годы, что за веки, — кротко и с улыбкою отвечал Ангел, — час еще только прошел со времени моего отсутствия отсюда, и два часа еще сидеть тебе здесь". — "Как, два часа? — в испуге спросил страдалец, — еще два часа? А это — час только протек? Ох! Не могу терпеть: нет силы! Если только можно, если только есть воля Господня, умоляю тебя: возьми меня отсюда! Лучше на земле я буду страдать годы и веки, даже до последнего дня, до самого пришествия Христова на суд, только выведи меня отсюда. Невыносимо! Пожалей меня!" — со стоном воскликнул страдалец, простирая руки к светлому Ангелу. — "Пожалуй, — отвечал Ангел: — Бог, как Отец щедрот и утехи, удивляет на тебе благодать Свою". При этих словах страдалец открывает глаза и видит, что он по-прежнему на своем болезненном ложе. Все чувства его были в крайнем изнеможении: страдания духа отозвались и в самом теле; но он с той поры уж в сладость терпел и переносил свои страдания, приводя себе на память ужасы адских мучений и благодаря о всем милующего Господа.

136. Бог не попускает искушений выше сил наших

«Верен Бог, Иже не оставит вас искушиться паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести» (1 Кор. 10; 13).

«Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех» (Пс. 140; 4).

Слабы мы, немощны, совсем одолел нас грех; точно отраву вошел он в плоть и кровь нашу, проник во все суставы, овладел сердцем, и мы служим ему душою и телом, как рабы подневольные... Но ему мало этого, ему хотелось бы убить в душе нашей своего соперника, своего судию неподкупного — то есть совесть нашу; а если уж нельзя этого сделать, то по крайней мере хоть заглушить голос совести, заставить ее молчать, чтобы быть полным хозяином в грешной душе. И вот горе наше лютое: мы сами ему усердно в том помогаем! Совесть, например, говорит нам: "Борись с нечистым греховным пожеланием, гони его прочь, — это враг твой: ведь он погубит тебя!" — А мы отвечаем на это своей совести: "Что же мне делать? Уж я боролся немало, у меня больше сил не достает бороться, не могу устоять против требований природы, я не в силах сдерживать их"... Ясно, на

чьей стороне мы стоим и кого защищаем: самые немощи свои, самые привычки греховные нам хотелось бы поставить себе в оправдание. Так вот до чего доводит нас грех: мы думаем грехом же и оправдаться пред Господом Богом. Бедные мы грешники! Уж лучше б было, если бы мы вовсе не думали себя оправдывать!..

Что все мы грешники — то правда; что грех овладел нашим сердцем и царствует там, — и это неоспоримая истина; но думать, будто поэтому самому у нас уж вовсе нет средств бороться с грехом, — это ложь; полагать, что наша слабость, наша греховность может служить нам к извинению, — это значит обманывать самих себя; говорить, будто для грешного человека нет никакой возможности устоять против греховных влечений плоти, против соблазнов мира, против искушений бесовских, — говорить так значит клеветать на Господа Бога: ведь Он никогда и никому не попускает искушений выше сил человеческих; значит, Он не попустит и тебе искустися паче, нежели сколько можешь ты понести; а главное — Он всегда готов помочь тебе Своею всеильною благодатью: «призови Мя в день скорби твоя, - говорит Господь человеку устами Пророка, и изму тя, и прославиши Мя» (Ис. 49; 15). Как бы ни было тяжело искушение, как бы ни была тяжела борьба со грехом, — паче всего не забывай, что ты — не один; с тобою Господь; вот если бы тебе пришлось бороться с грехом одному, с одними своими слабыми силами, — тогда конечно, где же бы тебе устоять? А с Господом Богом, с Его помощью — чего нельзя сделать? Ты-то немощен, это правда; зато Он силен, и сила Его в немощи совершается. «Вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе!» (Флп. 4; 13) — взывал святой Апостол Павел.

Ты говоришь: — "Не могу, нет сил бороться с грешным помыслом". Но так ли, друг мой? Ведь твоя совесть говорит совсем не то: она не стала бы требовать от тебя невозможного для тебя; ведь не требует же она от тебя, например, сорокадневного подвига поста, или чего-либо подобного; она говорит тебе только: "Гони прочь от себя греховное пожелание", а ведь это можно; только ты так уж сдружился с грехом, что тебе жаль расстаться с ним, — вот ты и говоришь: "Не могу", и сам себя обманываешь... Ведь другие боролись же, отчего же ты не можешь? Другим помогал же Господь: почему же ты думаешь, что тебе не поможет? И как же ты решаешься думать, будто ты лучше Самого Господа Бога знаешь свои силы? Един Он, Создатель наш, знает наши силы и способности и соразмеряет с ними искушения, на нас попускаемые; а наше дело — бороться с грехом, пока в нас есть дыхание жизни, бороться безотдышно до самого конца.

Вот послушайте, что рассказывает о себе один такой борец, преподобный отец наш Иоанн Многострадальный, утешая брата, боримого страстью плотскою:

"Много пострадал я, томимый нечистым желанием. Не знаю, чего не делал я для своего спасения: по два, по три дня оставался без пищи, и так три года провел... Несколько раз и по целой неделе ничего не ел, без сна

проводил все ночи, жаждою многою морил себя и тяжкие железа на себе носил. В таком злострадании провел я года три, но и тут не нашел покоя. И пошел я в пещеру, где лежит святой отец наш Антоний, стал на молитву и молился день и ночь у гроба его. И услышал я голос его ко мне: "Иоанн, Иоанн! Нужно тебе затвориться здесь: невидением и молчанием борьба прекратится, и Господь поможет тебе молитвами преподобных Своих". С того часа, брат мой, поселился я в этом скорбном и тесном месте, и вот уже тридцатый год, как я живу здесь и только немного лет назад нашел успокоение. Всю жизнь свою мучительно боролся я с помыслами плотскими, и жестока была моя жизнь. Не зная, что делать, не могши терпеть борьбы с плотью, задумал я жить нагой и надел на себя вериги тяжкие, которые с тех пор остаются на теле моем, и доньше истончают меня стужа и железа. Наконец, я прибег к тому, в чем и нашел пользу. Вырыл я яму, глубиною до плеч, и, когда пришли дни святого поста, я вошел в нее и своими руками засыпал себя землей, так что только руки и голова были свободны. И так, под этим тяжким гнетом, пробыл я весь пост, не могши двинуться ни одним суставом. Но и тут не прекратилось разжжение и стремление плоти. К тому же враг диавол, чтобы выгнать меня из пещеры, страхи разные наводил на меня. Ноги мои, засыпанные землей, горели, как в огне, так что жилы корчились и кости трещали: уже пламень досягал до утробы, и члены мои сгорали. Я же забыл лютую ту боль и порадовался душою, что чисты соблюдены они от такой скверны, и желал лучше весь сгореть в огне том, Господа ради, нежели выйти из ямы. И вот увидал я змея, страшного и лютого, который хотел пожрать меня, дыша пламенем, осыпая меня искрами. И так много дней делал он со мной, чтобы прогнать меня. Когда же приблизилась ночь светлого Воскресения Христова, вдруг напал на меня лютый тот змей, так что голова и руки мои были уже в его пасти, волоса на голове и бороде опалились, как ты теперь и видишь. Я же из гортани змея того возопил от глубины сердца: Господи Боже, Спаситель мой! Зачем ты меня оставил! Сжался надо мной, Владыко! Ты единый Человеколюбец, спаси меня, грешного! Единый безгрешный, избавь меня от скверного беззакония моего, да не увязну во вражеской сети во веки веков! Избавь меня от челюстей врага сего! Вот он, — он ходит, рыкая, как лев, хотящий поглотить меня. Воздвигни силу Свою и приди спасти меня; блесни молнией Своей и прогони его: пусть исчезнет он от лица Твоего!" И вдруг блеснула молния, и лютый тот змей исчез от меня, и после того и доньше я не видал его. Тогда свет божественный, как солнце, осиял меня, и я услышал голос, говоривший мне: "Иоанн, Иоанн! Вот тебе помощь. Прочее же от тебя зависит: наблюдай за собой, чтобы не было с тобой чего-нибудь горше, и не пострадать бы тебе в будущем веке". Я же поклонился и сказал: "Господи! зачем же оставил Ты меня в такой злой муке?" И был мне ответ: "По мере силы терпения твоего Я навел на тебя искушение, чтобы ты очистился чрез него, как золото в огне. Господь не попускает выше силы напасти человеку,

чтобы он не изнемог; но, как господин, рабам крепким и могучим тяжкие и великие дела вручает, немощным же и слабым замышляет малые и легкие"...

Вот какие искушения попускает Господь сильным борцам Своим; таковы ли наши искушения? Придет грешный помысл, потянет на грех, а мы и пошли за ним, как рабы на уде, как животное на привязи... Да еще оправдываемся: не могу, нет сил бороться со грехом! А сами очень довольны, что представился случай согрешить... О, Господи, Господи! Когда же наконец отверзнутся мои очи сердечные, когда я увижу все мое лицемерие, когда я познаю и сознаюсь, что ведь сам же себя постоянно обманываю!.. Приди на помощь расслабленной душе моей, Спасителю мой! «не уклони сердце мое в словеси лукавствия» — не попускай моему сердцу отыскивать извинения во грехах моих!..

137. «Не укради» Восьмая заповедь Божия

Если бы царь дал своему подданному какой-нибудь подарок в руки его, а какой-либо негодяй тотчас из рук его, пред глазами царскими, похитил тот подарок: что бы тогда от царя последовало похитившему? Несомненно возгорелся бы сильный гнев на хищника. И праведно: ибо и царю было бы великое оскорбление, и рабу его обида великая. Человече! Бог, Царь Небесный, ближнему твоему дает добро свое во владение его, а ты добро то из рук его похищаешь; и Бог видит твоё незаконное дело, видит и в книге Своей записывает. Рассуди же, человече, какое оскорбление ты делаешь Богу, и какую обиду людям, а потому — сколь сильный гнев Божий возгорится на тебя — и сказать невозможно! Тех, которые братии своей — нищим и убогим людям — не помогали, Бог отсылает в огонь вечный; что же будет тем, которые не только не помогают, но и их добро похищают и отнимают? Рассуждай сие, лакомый похититель и чужим добром насыщающийся! (Том IV, 69). Когда ты каким-либо образом похищаешь у ближнего твоего добро: помысли, кого ты обижаешь тогда? Обижаешь ты того, которого Бог повелел тебе любить как самого себя; обижаешь ты того, который создан по образу и по подобию Божию, обижаешь ты того, которого Сам Бог возлюбил, омыл, очистил, освятил, искупил честною и дражайшею Кровью «яко Агнца непорочна и пречиста Христа». И сие дело, чтоб обижать брата своего, за которого Сын Божий Кровь Свою пролил, за малый грех считаешь! Судите сами: не вступится ли царь, когда кто любезного слугу его обижает? Не будет ли мстить сердобольный отец, когда кто сына его обижает и грабит? Но всякий ближний твой, о христианин! имеет образ в душе своего Бога невидимого, он есть слуга и раб Царя превечного, он любезный сын Отца Небесного: так избежишь ли ты гнева Божия, когда образ Его, слугу и раба Его, и Его сына обижать будешь? (Том 1,80). Похититель царского подарка более обижает себя, нежели того человека, у которого похищает подарок тот: так и всякий хищник, вор и тать более вредит себе, нежели тому, у кого похищает; он лишается милости Божией и

подпадает наказанию временному и вечному. Мы видим, что имение, собранное неправдою, рассыпается и погибает, и сам хищник терпит бесчестие и мучение совести и всякое зло; и часто бывает, что таковые на несколько времени обогащаются и, как цвет на поле, несколько блистают, но вдруг, как цвет, увядают и ниспадают и делаются, как один от нищих и убогих. Похищенное чужое добро, как огонь, в дом вшедшее, все прочее их имение поядает. Ибо где неправда, там клятва Божия, где клятва Божия, там никакого добра не будет, но всякое злополучие последует. Хищники и грабители подобны человеку, черпающему решетом воду: так и из их рук вытекает все, что ни похищают и собирают, как решетом черпаемая вода. Похищай и хватай, человек, как хочешь и что хочешь: однако все из рук твоих вытечет, и твое собственное все неправда, как огонь, потребит! А что вечному наказанию подпадаешь, то Апостол написал: «ни лихоимцы, ни хищницы, ни татие Царствия Божия не наследят» (1 Кор. 6; 10). (Т. IV, 70). Страждет неутешно Евангельский богач в пламени геенском, и вечно страдать будет за то, что нищего Лазаря, который лежал у ворот его голодный, и желал насытиться от крупниц, падающих от трапезы его, он не кормил, не помилосердовал, не сжалился над ним. Каков же плач и вопль в будущем веке ожидает тех, которые сами граблением, хищениями, ябедами, обманом, коварствами и неправдами своими ближних своих доводят до такого жалостного состояния, в каком представляет нам Евангелие святое Лазаря нищего!.. (Т. 1,81). О человек! Временно пользуешься ты чужим, но вечным страданием за то платить будешь... Страшно и слышать о вечном страдании, а не токмо страдать, но не избежишь того, воистину не избежишь, если не покаешься и не примиришься с братом твоим. Буди убо, глаголет тебе Господь, увещаваясь с соперником твоим скоро, «дондеже еси на пути с ним, да не предаст тебе соперник судии, и судия тя предаст слуге, и в темницу ввержен будешь. Аминь глаголю тебе: не изыдеши оттуду, дондеже воздаси последний кодрант» (Мф. 5; 25, 26). Примирайся, человек, примирайся скоро со всеми, кого ты ни обидел: примирайся, пока находишься на пути жития твоего, пока праведный Судия не зовет тебя к Себе на суд. Зовет же всякого чрез смерть. А каков позван будешь, таков и суду Его предстанешь: тогда увидишь, как ты худо делал! Но покайся и возврати похищенное, и рассыпи добре собранное зло, да не явится с тобою на суде оном, и скажется о тебе: се человек, и дела его! (Т. IV, 70). А в пример возьми Закхея, мытаря Евангельского: он зло собранное добре расточил, четверцею, кого ним обидел, возвратил; потому и услышал от Христа: днесь спасение дому сему бысть (Лк. 19; 9). Вот тебе средство и способ, хищниче, которым можешь быть избавлен от грозящего вечного несчастья! Лучше убогу и нищему в Царствие Небесное внити, нежели богату страдати в пламени геенском; да и богатым никто от мира сего не исходит, но все равно, как наги входим в мир сей, так наги и отходим; тогда надобно будет и нехотя попроситься всякому с имением, которое каким-нибудь несправедным способом себе присвоил; надобно оставить те

отягощенные сундуки, которые от слез братии своей наполнил; надобно вынесены быть из тех чертогов, которые от крови убогих соорудил; надобно совлещись тех роскошных одежд, которые из неправды сшил; надобно лишиться тех вин, которых со слезами вопиющих на небо наслаждался; одна только срачица, ради прикрытия наготы, один гроб, и только три аршина земли нужны будут! О сем всегда помышляй, думай, пекись и старайся; а когда теперь о том не попечешься и не ускоришь, то будет время, когда и пожелаешь, и сокрушишься, и восплачешь, да без пользы, то есть, когда время покаянию пройдет. А при том за твердое и никогда ненарушимое правило сие имей: чтоб чужой вещи несправедно ни явным, ни тайным, ни лестным и никаким образом не присвоить: чего не хочешь себе, того и ближнему не твори, и чего хочешь себе, то и ближнему твори! (Т. I, 81).
Аминь.

(Из творений святителя Тихона Задонского)

Грехи против восьмой заповеди

1. Грабительство, или отнятие чужой вещи насилем.
2. Воровство, или похищение чужой вещи тайно.
3. Обман, или присвоение чего-нибудь чужого хитростью, когда, например, отдают ложную монету вместо истинной, худой товар вместо хорошего, посредством ложного веса, или меры, не добавляют проданного; скрывают свое имение, чтобы не платить долгов, не исполняют обязательств по условиям, или по завещаниям; когда скрывают виновного в краже, и чрез то лишают удовлетворения обиженного.
4. Святотатство, или присвоение того, что посвящено Богу, и что принадлежит Церкви.
5. Духовное святотатство, когда одни предают, а другие восхищают священные должности не по достоинству, но по видам корыстным.
6. Мздоимство, когда берут мзду с подчиненных, или подсудимых, и по видам корысти возвышают недостойных, оправдывают виновных, притесняют невинных.
7. Тунеядство, когда получают жалованье за должность или плату за дело, но должности и дела не исполняют, также когда имеющие силу приобретать пропитание трудом, вместо того живут милостынею.
8. Лихоимство, когда под видом некоторого права, но на самом деле с нарушением справедливости и человеколюбия, обращают в свою пользу чужую собственность, или чужой труд, или даже самые бедствия ближних; например, когда заимодавцы обременяют должников ростом, когда во время голода продают хлеб слишком высокою ценою.

138. Отеческий завет Православному русскому воину

Если тебе, сын мой, Бог приведет быть в солдатах, то и там живи по - Божии: храни себя так, чтоб и в малом чем Бога не прогневать. Прежде всего великому государю служи верой и правдой, в бою будь тверд, бесстрашен, стой мужественно противу врагов, сам отнюдь в руки не давайся: бейся храбро, пока на ногах стоишь. Паче всего бойся измены, чтоб не быть тебе под проклятием и не погибнуть навеки: лучше умереть, чем изменить. А если тебя сонного или раненого захватят в плен, то отнюдь не сказывай неприятелю, что наши терпят недостаток в продовольствии или припасах военных; говори: "Мы все довольны, нет у нас ни в чем скудости". И если бы тебя мучить стали, ни слова не говори о недостатках своего войска, лучше смерть прими, а недостаток не объявляй врагу: тогда ты ко святым мученикам будешь причтен. Если станут спрашивать: сколько у вас людей в строю, скажи: "Я знаю только, сколько нас у каши, а сколько всех нас в армии, того знать мне непочему, потому что я простой солдат". Про своих товарищей сказывай: "В бою они все храбрецы, все старые солдаты, опытные, а нашей братии — новичков — немного наберется". И если уйдешь от них в свои полки, то все, что видел у них исправного, объяви тайно своему начальнику, а своим товарищам не говори, что враги сильны и всем изобильны. Будь ты, сын мой, Богу и великому государю верный слуга, будь доволен своим жалованьем. А если определенного жалованья не достает тебе, то займись каким-нибудь рукоделием, чтобы добыть себе что-нибудь честным трудом, а в неправое дело ни в какое не мешайся, никого ни в чем не обижай, ни у кого ничего не отнимай, и неправильного приобретения бойся паче огня, дабы тебе Бога не прогневать и за неправду души своей не погубить. Если будешь у кого на квартире стоять, то не моги ты хозяина дома в чем притеснять: будь ему слуга, а не господин; хотя ты чином и службою царю и велик перед ним, однако же будь во всем кроток и послушен ему, ни в чем досады не причиняй, говори с ним всегда любовно и ласково: ведь он иной раз последнюю свою копейку на тебя издержит, а ты придешь, да начнешь его теснить, да из избы выживать, а он от горести сердца своего возопиет к Богу, и Бог, видя скорбь его, за это тебе пошлет еще большую скорбь. Господа ради будь кроток: ты не уронишь своей чести тем, что будешь обходиться мирно и любовно с хозяином твоей квартиры. Знай, сын мой: где любовь, тут и Бог пребывает, а где вражда и досада, там диавол бывает. Рассуди же сам: с Богом или с диаволом лучше жить? А если хочешь с Богом быть, будь кроток как овца. И если будешь постояльцем смиренным и любовным, да если при этом и услугу хотя малую будешь оказывать, то всякому человеку будешь мил: и за такое твое доброе обхождение всякий будет тебе рад, как своему родному, и будет тебя покоить как своего кровного. Ничем солдаты так не досаждают народу, как обидами и наглостию и дерзкими поступками. И ты, сын мой, Господа ради не будь дерзок, но будь со всяким человеком обходителен. От того ты и на войне храбр не будешь, если своих же, христиан православных будешь обижать. Дома многие держат себя храбро, а на войне за других прячутся. Кто же у

себя дома смирен, тот в бою бывает храбрец. Я хорошо знал одного солдата: он был такой смиренный, что его все звали курицей, нельзя было и солдатом назвать; а под Чигирином он десятка два или три турок изрубил собственноручно. И если бы посмотреть на него, то никто не поверил бы: росту небольшого, лицом сухощавый, к тому же еще и сутуловатый, и летами уж немолод был; а по смирению и обходительности не скоро другого такого и подобрать можно. За эту-то вот кротость Бог ему и помощь Свою посылал, так что товарищи не могли надивиться его храбрости. Так и ты, сын мой, не смотри на злых озорников: между своими будь ласков и добр, а в бою против врага будь сердит и безстрашен; дома будь кроткою овечкой, а на поле бранном — львом, страшным для врага. Но и на войне с товарищами будь обходителен, и со всеми, как военными, так и с мастеровыми, и с торговыми людьми, будь любезен. Больше всего бойся, чтоб не обидеть кого, не солгать на кого. Святое Евангелие дает такие заповеди воинам: «ни когоже обидите, ни оклеветайте, и доволни будите оброки вашими» (Лк. 3; 14), т.е. определенным вам жалованьем. И только за сии три добродетели или заповеди воинам обещано спасение, кольми паче, если приложить к ним пост и молитву, и от блуда воздержание, потому что в бою чистота паче щита медного, да и в гражданском быту чистота великое добро. Израильтяне были в бою народ непобедимый, поэтому враги их нарочно подсылали к ним жен своих и девиц, дабы те с ними грешили, чтобы за блуд Бог попускал им одолеть израильтян. Видишь, сын мой, исстари даже неверные знали, что чистота в бою дороже щита, а блуд — гибель. Об одном греческом воине повествуют, что когда он шел войною против болгар, то по пути случилось ему ночевать у одного человека; — ночью пришла к нему девица и стала на грех побуждать. А он удержался, и три раза прогонял ее от себя. Потом он заснул и видится ему поле: и на том поле видит он греков побитых; все поле покрыто было трупами, и между ними он увидел порожнее место, так, как можно лечь одному человеку; и было ему сказано: "Лежать бы тебе на этом месте; но за то, что три раза боролся со змием, ты не будешь убит". Вот как, сын мой, чистота телесная хранит человека в бою; а если будет воля Божия, и чистого человека убьют, то он к святым мученикам будет сопричтен. А кто живет блудно, и во всяких неправдах пребывает, тот хотя бы и за веру пострадал, однако же один Бог ведает, получит ли он награду за то. Бойся же, сын мой, блудного греха. И хотя бы не было войны, ты два раза в году исповедывайся и Святых Таин причащайся. А в военное время во все четыре поста говей и причащайся, и будь на всякий день готов умереть. Воину надо во сто раз больше, чем монаху, хранить себя от всякого греха, как бы кого не обидеть и жить в чистоте, потому что ему надобно всегда быть готовым к смерти. Если увидишь, что неприятель гонится за твоим офицером, или товарищем, или за другим кем, то хотя бы этот человек и зло тебе какое учинил, ты всячески постарайся избавить его от беды. И если тебе удастся спасти его, не моги ты хвалиться тем, что себя не пожалел и врага своего от смерти избавил: пусть знает это только Бог да совесть твоя, потому что дело

великое — зла не помнить; Господь заповедует: «любите враги ваша... добро творите ненавидящим вас» (Мф. 5; 44). И кто так поступит, тот сыном Божиим наречется. — А если ты, сын мой, выручая недруга своего, будешь сам убит, то я и сказать не могу того, как Бог за сие возвеличит тебя во Царствии Своем и вечною славою прославит. Господь сказал: «болши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15; 13), а кольми паче если положишь душу свою за врага!

В военном деле командирам своим, как старшим, так и младшим, будь во всем послушен; ружье имей в исправности, порох держи в сухом месте; зарядов попусту не расходуй, чтобы казна государева напрасно не пропадала, и учись стрелять в цель: ни одной недели не пропускай, чтобы хотя раз в цель не выстрелить. Тогда ты и один послужишь за десятерых. Да смотри, сын мой, не носи при себе никаких заговоров. Если будешь иметь их при себе, то Бога оскорбишь тем: ведь они вместо Бога будут у тебя, и если с ними убьют тебя, то и кровь твоя, и душа ни за что погибнут. А если скудость будешь терпеть, не моги ты ничего у других отнимать насильно: лучше Христовым именем питайся или у своей братии нанимайся, а силою ни у кого ничего не отнимай: избави тебя Бог от этого! Помни: солдатством души своей не погубишь, а злыми делами погубишь. Если и в духовном чину будешь, да со злыми делами не расстанешься, то погибнешь; и в солдатах будучи, если будешь жить по-Божии, спасешься, и жизнь вечную наследуешь.

(Из "Завещания " крестьянина Ивана Посошкова)

139. Что такое Церковь Христова?

Верую, что есть только одна Святая Соборная и Апостольская Церковь, которая утверждена Кровью и учением Господа Иисуса Христа, Его Апостолов, святых Отцов, и святых мучеников, которой никогда не одолеют врата ада, которой крепко держится восточное православное исповедание (Часть I, стр. 41). Эта Церковь есть одна, потому что есть только один Бог, одна вера, одно крещение, одни Таинства и заповеди и одно учение Христа и Его Апостолов. Эта Церковь есть Святая, потому что верует во Святого Святых, имеет святейшие Таинства, переданные от Христа Бога, и нигде нельзя найти благодатного освящения, кроме Святой Церкви Православной. Она есть Соборная, ибо собрана от народов всей вселенной, а не состоит из одного какого-нибудь, как прежде состояла из еврейского. Она есть Церковь Апостольская, потому что ведет начало свое и получила власть священства от самих Апостолов (Ч. I, 57). Основание и глава сей Церкви — Сам Христос, ее стены — Закон Божий, ее столпы — Апостолы, Евангелисты и учителя, ее покров — Сам Дух Божий (Ч. II, 116). Она есть град великий Царя Небесного, куда укрываются все, наветуемые от проклятого дьявола. Господь утвердил Церковь Свою так, что врата ада, то есть вся сила

демонская, все еретики и неверы, никогда не возмогут одолеть ее, потому что премудрейший Архитектор кругов небесных основал ее не на слабом песке, но на твердом камени, на истинном оном исповедании Апостола Петра: «Ты еси Христос, Сын Бога живаго» (Мф. 16; 16), — на исповедании, которое Сам Христос Господь называл камнем: «на сем камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей» (там же, 18). Эта истина тверда и непреложна, потому что она есть слово Самого Христа, Который также именуется у Апостола «камнем: камень же бе Христос» (1 Кор. 10; 4). Так непоколебимо основание Церкви! (Ч. III, 194). Она стоит как высокая скала, в которую и день и ночь со всех сторон бьют волны морские, — стоит невредимо, а ее хулители как волны о камень разбиваются и исчезают; она прославляется, а те постыжаются; она воцарится со Христом, а те низвержены будут в бездну огненную со своим началовождем диаволом; она будет вечно торжествовать на небе, а те вечно будут плакать и рыдать в подземных адских темницах... (Розыск. 531 стр.). Тот, Кто создал Адаму помощницу из ребра его, Он же, Жених Небесный, создал Себе, от Своего же прободенного ребра возлюбленную невесту, а нам любезную Матерь — Церковь Свою Святую, дабы она возродила множество чад водою и духом (Ч. I, 180). Церковь есть наша истинная Матерь, ее голос есть голос горлицы, нежно пекущейся о детях, ее уста источают миро Апостольских учений, от ее рук — каплет смирна благодеяний, совершаемых любовью и милосердием, ее два сосца — это два завета: Ветхий, Пророками возвещенный, и Новый, Апостолами проповеданный; св. крещением она рождает чад своих в жизнь бессмертную. Иди же к ней, о сын мой, питайся от сосцов этой истинной Матери! (Четий Минеи, Июль). Она со своими пастырями и учителями не укрывается, не под спудом светит, но открыто сияет для всей вселенной, как свеча на свещнике (Розыск. 125).

Господь со делал Свою Церковь непогрешимою, она есть «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3; 15). Она пребудет на земле до последнего дня судного, и «врата адова», по слову Господа, никогда «не одолеют ее». Непреложны слова Господа нашего, пречистыми устами Его изреченные: «Аз есмь с вами во вся дни до скончания века» (Мф. 28; 20). «Верен Господь во всех словесех Своих» (Пс. 54; 13). «Небо и земля прейдут, а словеса Его не мимо идут» (Мф. 26; 35). Значит, никогда не отнимет Господь благодати Своей у Церкви, потому что где Христос, там и благодать Его (Розыск. 530-1). «Господь в Церкви Святей Своей» (Пс. 10; 10), в Церкви Святей Православной, Апостольской; хотя бы враги и озобляли ее, притесняли и терзали, однако же она непреодолима: с нею Господь, и кто удаляется от нее, тот удаляется от Господа и от своего спасения (Ч. II, 117). Сию Церковь хранит Дух Божий, по слову Псалмопевца: «не воздремлет, ниже уснет храняй Израиля» (Пс. 120; 4) (стр. 172). Он сего Духа все дарования, в Церкви сияющие. Со времени сошествия Святого Духа на Апостолов Святая Церковь процвела, как маслина плодовая, различными ветвями — ликами праведников (стр. 173). Пострадавший за нас на кресте Господь Иисус

соделался Главою Церкви и Ее Начальником. После Него вождями Церкви были Апостолы, за ними учителя, святители, священники, и таким образом дошел до нас сей жребий святительского и священнического служения, и после нас пребудет до скончания века (Роз. 120).

Как между пшеницею, пока она не сжата, нельзя не быть плевелам, так и во Святой Церкви, пока она пребывает, как пшеница на ниве, в сей юдоли плачевной, нельзя не найтись между добрыми — и грешным. Однако же ради грешных Господь не оставляет Церкви Своей, и не оставит до конца веков, как Сам обещал сие (Мф. 28; 20). (Роз. 528). В Христовой Церкви есть и добрые и злые, и праведные и грешные, есть овцы и козлища, но Церковь как нежная мать всех детей своих питает и согревает, добрых любя, а недобрых терпя и жалея (Ч. II, 117).

Кроме Церкви нельзя найти нигде благодатного освящения. (Ч. I, 57). Те добрые дела, которые делаются помимо Православной Церкви, хотя бы были и очень добрыми, однако же не могут заслужить человеку спасения, ибо Глава Церкви — Христос говорит: «иже несть со Мною, на Мя есть: и иже не собирает со Мною, расточает» (Лк. 11; 23). «Якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе, тако и вы, аще во Мне не пребудете. Аз есмь лоза, выже родите... Без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю и во огонь влагают, и сгарает» (Ин. 15; 4-6). Кто присоединится к Церкви Христовой, тот присоединился Христу, Который неразлучен со Своею Церковью, как глава с телом. А кто чуждается Христовой Церкви, тот чуждается Самого Христа — Главы церковной; без Христа же все его добрые дела, которые он думает собирать во спасение, — он не собирает, а расточает, и спасения себе ими не заслужит. Член, отсеченный от тела, главою оживляемого и управляемого, может ли быть живым членом и действовать? Ветка, отрезанная от лозы виноградной или отломленная от яблони, может ли плоды приносить? Никогда. Вот так же и человек — христианин, хотя бы он и проходил жизнь добродетельную, как скоро отлучится от единения с Церковью Православною, — не может получить спасения. Послушайте, что говорит святейший Афанасий, патриарх Александрийский, в своем Символе: "Кто хочет спастись, тому надобно содержать веру Православную; и кто не сохранит ее в целости и чистоте, тот, без всякого сомнения, погибнет навеки". Из сих слов святителя очевидно, что никто не может спастись помимо Православной Церкви Кафолической, как во дни Ноя никто не спасся от потопа кроме тех, кои находились в ковчеге. Святой Киприан говорит: "Кому Церковь не мать, тому Бог не отец". И Сам Господь сказал: если кто не слушает «Церкви, буди тебе якоже язычник и мытарь» (Мф. 18; 17). Не смотри на его добрые дела, если он не слушает Церкви. Много и среди неверующих во Христа людей добродетельных, которые и правду любят, и милосердие показывают, и никого не обижают, и благодеяния делают не только своим, но и нам, Христианам: однако же эти добрые дела их не заслужат им спасение, потому что они чужды Христа и

Его Церкви. Вот так же и те, которые носят имя Христиан, но Церкви Христовой чуждаются, погибнут и с добрыми своими делами, хотя бы и имели их. Пусть у них будут и посты, и чистота нравов, даже девство, пусть будет ревностная проповедь, — но если они отделили себя от Церкви, если еретичествуют, то никакие подвиги и труды не спасут их, а еще и муку их увеличат (Роз. 557).

(Выписки из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

140. Дом добродетелей

Страх Божий пробуждает душу к хранению заповедей и посредством заповедей создается дом душевный. Кто хочет построить дом, тот должен отовсюду укрепить его и с четырех сторон возводить стену, а не об одной только стороне заботиться, другие же оставить в небрежении; потому что иначе он не получит никакой пользы, но понапрасну утратит все: намерение и издержки и труд. Так бывает и относительно души: ибо человек, желающий создать душевный дом, не должен не радеть ни об одной стороне своего здания, но ровно и согласно возводить оное. Сие-то значит сказанное Аввою Иоанном: "Я хочу, чтобы человек каждый день приобретал понемногу от всякой добродетели", а не так, как делают некоторые, кои, держась одной добродетели и пребывая в ней, только ее одну и исполняют, а о прочих не заботятся. Таковые подобны человеку, который строит одну только стену, и возводит ее сколь возможно выше и, взирая лишь на высоту этой стены, думает, что он совершил нечто великое, а не знает того, что если хотя однажды подует ветер, то он повалит ее, ибо она стоит одна и не имеет связи с другими стенами. Притом же никто не может себе устроить защиты из одной стены, потому что со всех других сторон она открыта. Сперва должно быть положено основание, то есть вера: «ибо без веры, - как говорит Апостол, - не возможно угодити Богу» (Евр. 11; 6), и потом на сем основании человек должен строить здание равномерно: случилось ли послушание, он должен положить один камень послушания; встретилось ли огорчение от брата, должен положить один камень долготерпения; представился ли случай к воздержанию, должен положить один камень воздержания. Так от всякой добродетели, для которой представляется случай, должно полагать в здание по одному камню, и таким образом возводить оные со всех сторон, полагая то камень сострадания, то камень отсечения своей воли, то камень кротости и так далее. И при всем том должно позаботиться о терпении и мужестве: ибо они суть краеугольные камни, ими связывается здание, и соединяется стена со стеною, почему они и не наклоняются, и не отделяются одна от другой. Без терпения и мужества никто не может совершить ни одной добродетели. Поэтому и сказано: «в терпении вашем стяжите души ваша» (Лк. 21; 19).

Строящий должен также на каждый камень класть известь, ибо если он положит камень на камень без извести, то камни выпадут и дом обрушится. Известь есть смирение, потому что она берется из земли и находится у всех

под ногами. А всякая добродетель, совершаемая без смирения, не есть добродетель. О сем сказано и в Отечнике: "Как корабль нельзя построить без гвоздей, так и спастись нельзя без смиренномудрия". И так каждый должен все, что он ни делает доброго, делать со смирением, чтобы смирением сохранить сделанное. Дом должен иметь и так называемые связи, кои суть рассуждение: оно утверждает строение, соединяет камень с камнем и связывает стены, а вместе с тем придает дому и большую красоту. Кровля же есть любовь, которая составляет совершенство добродетелей, также как и кровля — верх дома. Потом, после кровли перила кругом ее. Что же значат перила кругом кровли? В Законе написано о сем: если построите дом и сделаете на нем кровлю, то сделайте около кровли перила, чтобы дети ваши не падали с кровли (Втор. 22; 8). Перила суть смирение, потому что оно ограждает и охраняет все добродетели; и как каждая добродетель должна быть соединена со смирением, подобно тому, как мы сказали, что над каждым камнем полагается известь, так и для совершенства добродетели нужно смирение; ибо и святые, преуспевая, естественно приходят в смирение, как я всегда говорю вам, что чем более кто приближается к Богу, тем более видит себя грешным. Что же суть дети, о которых сказал Закон, чтобы они не падали с кровли? Дети суть помышления, бывающие в душе, которые должно сохранить смирением же, чтобы они не упали с кровли здания.

Вот дом окончен, имеет связи, имеет кровлю, о которой мы сказали, что она есть любовь, — совершенство добродетелей, вот и окружающие ее перила, и одним словом: дом готов. Но не нужно ли ему еще что-нибудь? Да, мы не упомянули еще об одном. Что же это такое? Чтобы зодчий был искусен; ибо если он не искусен, то он покривит немного стену, и дом когда-нибудь обрушится. Искусен тот, кто разумно совершает добродетели; ибо случается, что иной строит и разрушает, и кладет один камень, и снимает его, иногда же полагает один и снимает два. Например, вот пришел один брат и сказал тебе слово, оскорбляющее или огорчающее тебя; если ты смолчишь и поклонись ему, то ты положил один камень. Потом ты идешь и говоришь другому брату: "Такой-то мне досадил и сказал мне то-то и то-то, а я не только смолчал, но и поклонился ему". Вот ты один камень положил, и два камня снял. А кто разумно делает поклон, тот твердо уверен, что он согрешил, и вполне убежден, что он сам виноват: вот что значит разумно сделать поклон. Опять иной служит больному, но служит для того, чтобы иметь награду; это также неразумно. И потому, если с ним случится что-либо скорбное, то это легко удаляет его от сего доброго дела, и он не достигает конца его, потому что делает оное неразумно. А разумно служащий служит для того, чтобы приобрести милостивое сердце, чтобы приобрести чувство сострадания: ибо кто имеет такую цель, тот, что бы ни случилось с ним, скорбь ли извне, или сам больной помалодушествует против него, он без смущения переносит все это, взирая на свою цель и зная, что более больной благодворит ему, нежели он больному. Поверьте, что кто разумно служит

больным, тот освобождается и от страстей и от браней. Я знаю брата,, который терпел брань от нечистых помыслов, и освободился от нее тем, что разумно служил больному, страдавшему водяною болезнью. Также, если кто постится или по тщеславию, или думая в себе, что он совершает добродетель, таковой постится неразумно, и потому начинает после укорять брата своего, почитая себя чем-то великим; и оказывается, что он не только положил один камень и снял два, но и находится в опасности разрушить всю стену чрез осуждение ближнего. А кто разумно постится, тот не думает, что он совершает добродетель, и не хочет, чтобы его хвалили, как постника, но думает, что чрез воздержание приобретает целомудрие, а посредством сего придет в смирение, как говорят Отцы: "Путь к смирению суть труды телесные, совершаемые разумно..." и проч. И, одним словом, каждую добродетель человек должен совершать так разумно, чтобы усвоить ее себе и обратить в навык, и таковой оказывается, как мы сказали, искусным художником, зодчим, могущим прочно строить свой дом. О сем и Евангелие говорит (Мф. 7; 24), что мудрый созидает храмину свою на камне, и никакое противодействие не может поколебать ее. Кто говорит, что добродетели велики, и он не может достигнуть их, точно или не уповаet на Бога, или ленится делать добро. Назовите какую хотите добродетель: от нас зависит исполнить ее, если хотим. Так Писание говорит: «возлюбиши искренняго твоего яко сам себе» (Мф. 5; 43). Не говори: как я могу возлюбить ближнего как самого себя? — Положи только начало с верою в Бога, покажи Ему твое произволение и старание, и увидишь помощь Божию. Представь себе две лестницы: одна возводит на небо, другая низводит во ад, а ты стоишь на земле посреди обеих лестниц. Не думай же и не говори: как могу я возлечь от земли и очутиться вдруг на высоте неба, то есть на верху лестницы? Это невозможно, да и Бог не требует сего от тебя; но берегись по крайней мере, чтобы не сойти вниз. Не делай зла ближнему, не огорчай его, не клевети, не злословь, не унижай, не укоряй, и таким образом начнешь мало-помалу и добро делать брату твоему, и так, поднимаясь со ступени на ступень, достигнешь с помощью Божиею и верха лестницы, то есть, дойдешь до того, что станешь желать и пользы его, как своей собственной. А сие-то и значит возлюбить ближнего как самого себя. Бог Человеколюбец да подаст нам слышать и исполнять то, что слышим, чтобы слова сии не послужили нам на осуждение в день суда. Ибо Ему подобает слава во веки. Аминь.

(Из поучений преподобного аввы Дорофея)

141. Не всякое и «добро» Богу приятно

И добрые дела в очах Божиих имеют разную цену: есть из них воистину добрые и спасительные, а есть и такие, которые спасения не приносят. Есть добродетели, которые совершаются из любви к Богу, как заповеди Божии, для очищения сердца от страстей, для спасения своей души; об них Господь говорит: «без Мене не можете творити ничесоже» (Ин. 15; 5); а есть и такие,

которые человек делает просто из выгоды какой, из расчетов земных; о таких говорит Господь: «и грешники и язычники такожде творят» (Мф. 5; 47). Значит, если хочешь чтобы добро твое было Богу приятно и для души твоей спасительно, то позаботься паче всего о том, чтобы оно было чисто и делалось во всем согласно с заповедями Божиими. А то ведь может случиться, что всю жизнь протрудишься понапрасну; тебе будет казаться, что ты великое добро делаешь, а на деле, когда умрешь, да на суд Божий предстанешь, все твое добро вменится ни во что, и ты услышишь от Господа страшное слово: иди от Меня, Я не знаю тебя! — Не правда ли, брат мой: ведь стоит подумать, как бы не впасть в такую гибельную ошибку! А многие, о как многие ошибались! Многие смело смотрели в глаза приближающейся смерти, рассуждая в себе: "Что ж, я пожил, потрудился на своем веку, то и то вот сделал; — не худую память по себе оставил, добрые люди добром меня помянут, — неужто мое добро Бог так и поставит ни во что?" Опасное рассуждение! Друг мой! Что Бог даст твоему добру настоящую цену, о том спора нет; да чисто ли оно, это твое добро золото, окажется в пресветлых очах Божиих, — вот вопрос! Оглянись лучше, подумай: не осквернено ли оно тщеславием, не пахнет ли самомнением, не из-за славы ли людской оно сделано? Ты и сам не примешь вещи гнилой за хорошую; ужели же ты думаешь, что Господь примет от тебя добро твое, если оно окажется с грехом пополам? Грустно видеть: иной всю жизнь свою постится, без счету поклоны кладет, каждый день по нескольку акафистов читает, а про себя думает, как оный древний фарисей: "Несмы якоже прочий человецы... Я вот какие подвиги несу, — не то что вот этот пьяница, бродяга, или вот этот взяточник и негодяй"... Иной и церкви строит, и колокола льет, и богадельни заводит, и училища, и про себя помышляет: "Знай наших! Не уступлю такому-то: разве у меня денег нет? Не ударю лицом в грязь, сумею показать себя — пусть всякий знает, кто такое — я!"...

Нет, брат мой возлюбленный, такое добро — мерзость в очах Божиих, таким добром не спасешь души; мало того: враг ослепит этим добром очи твои, и ты не увидишь нищеты своей духовной! — Только то добро спасительно, которое добре (т.е. хорошо) сделано, только то добро Богу приятно, которое идет во славу Божию. Помни: Бог смотрит на сердце, на намерение; Ему не нужны твои деньги; Ему нужно доброе сердце твое: «сыне, - говорит Он, - даждь ми сердце твое...» Вот если отдашь Господу Богу свое сердце, отдашь Ему самого себя, как послушный сын отдается на волю отца, тогда и на ум тебе не придет хвалиться добром своим; тогда если бы кто стал и хвалить тебя или благодарить за что, ты сказал бы ему: "При чем тут я грешный? Ведь это так Господом Богом заповедано делать, я только приставник Его; слава Ему, Милосердому, что сподобил меня грешного послужить делу доброму, — помог мне сделать это дело, — и это уж великая милость Божия, что не ушло мимо рук, моих дело доброе, — ведь у Господа много слуг и помимо меня, и уж конечно не таких ленивых, как я — раб ничего не стоящий! Да еще и то надобно сказать, кто знает: нет ли в

моем делании чего-нибудь Господу Богу неугодного? Ведь я весь во грехе: не пристало ли чего грешного и к моему делу доброму?" Вот как рассуждает смирение христианское, когда делает дело доброе!

Но как стяжать эту святую простоту, это смиренное рассуждение? — Прежде всего, друг мой, помнить надобно, что без помощи Божией нам не сделать никакого истинно доброго и спасительного дела. Сам Господь сказал: «без Мене не можете творити ничесоже». Значит, во всяком деле добром, надобно просить помощи и благословения Божия — это первое. Потом, если предпринимаешь доброе дело для тебя новое, то попроси благословения и совета у отца твоего духовного: важно тут иерейское благословение как благословение святой Церкви; если ты дорожишь благословением родительским, которое, по мудрой пословице народной, на воде не дает тонуть и в огне не дает гореть, — то как же не дорожить тебе благословением Церкви Божией — твоей матери? — Далее помни, что какое бы добро ни было, — молитва ли, пост ли, милостыня или пожертвование на что-нибудь — лучше, во сто раз лучше и безопаснее всякое добро делать не по своемумышлению, а так, как заповедует делать святая Церковь Православная, как учат ее пастыри и учителя. Есть и еще, с кем тебе посоветоваться: — слава Богу, — святые Отцы оставили нам столько книг, что в них на каждый вопрос твой ответ найти можешь, — не поленись только читать их. А кто же лучше их, святых Божиих, исполнял св. заповеди Божии? Кто лучше их умел делать добрые дела? Поучись у них, спроси их, — они своими писаниями научат тебя уму-разуму, да еще и Господу Богу помолятся за тебя, как за усердного их ученика. Помни, друг мой, что наш ум — плохой наставник в добрых делах; тут нужен опыт; а потому и нужно, особенно в наше грешное время, искать опытного наставления на добро в писаниях богомудрых Отцов и учителей Церкви Православной. Кто был опытнее этих подвижников добра? Кто лучше их знал все хитрости врага, все козни сатаны? А ведь сатана живет восьмую тысячу, — ему не учиться стать обманывать нас грешных, и где уж нам самим раскрыть его все хитрости, где нам перехитрить его своим бедным умом! Тут нужна помощь благодати Божией да опытное руководство святых мужей; а без этого врагу, хитрецу исконному, ничего не стоит представить черное белым, и злое добрым; ему не впервые ведь ухитряться, как людям глаза отводить от истины! А святые Отцы научат тебя, что всякое добро делать надобно ради Господа Бога, что и в добре надобно меру знать, и не браться за то, что выше сил твоих, что воздаяние от Бога дается не труду, а смирению, что без смирения и труд пропадет; что истинное добро без скорбей не совершается, почему и самая добродетель называется крестом, стало быть, если хочешь делать добро, то приготовься к скорби и искушению. Вот как надобно делать всякое доброе дело по учению святых Отцов! Делай, а сам помощи у Господа проси; делай, а сам за собой наблюдай, так ли делаешь? Да как бы чем не прогневать Господа, как бы не взял Он у тебя из рук дела доброго, да не передал другому за грехи твои! Делай и молись: «научи мя, Господи, творити волю Твою»

(Пс. 142; 10). И Господь сохранит твое дело от вора невидимого — от духа тщеславия и превозношения, и послужит это доброделание тебе во спасение, и услышишь ты в день судный радостный призыв Господа: вниди, рабе благий и верный, в радость Господа твоего! Прииди ко Мне потрудившийся, почий ныне от трудов твоих в обителях Отца Моего Небесного!... Аминь.

Молитва пред начатием всякого дела, глаголемая тайно или мысленно

Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный Безначальнаго Твоего Отца! Ты рекл еси пречистыми усты Твоими: яко без Мене не можете творити ничесоже. Господи мой, Господи, верую объем в душе моей и сердце Тобою реченная, припадаю Твоей благодати: помози ми, грешному, сие дело, мною начинаемое, о Тебе Самем совершити во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

142. В утешение болящему

О, болезни, болезни! Только тот, кто не испытал их, кто от роду болен не бывал (а много ли найдешь таких счастливых в наше грешное время?) не знает, как бывают тяжелы они, какой неоцененный дар Божий здоровье! Недаром святые Отцы называют болезни крестом: нелегко терпеть их человеку грешному! Смотрит страдалец на добрых людей: все такие они веселые да довольные, всем так легко дышится, все свободны, точно птички Божии на воле; а он лежит неподвижно, точно привязанный к постели, не может иногда и повернуться без чужой помощи, и грустно-грустно ему, и больно, и невольно иной раз заплачет и скажет: "Господи! А что как я умру, да без добрых дел на тот свет пойду? О, как тяжело мне, Господи!" — Но не скорби, друг мой, Богом возлюбленный, не жалея много о том, что отнято у тебя здоровье-сокровище: кто знает, что бы ты стал делать с этим здоровьем? На пользу ли тебе послужило бы оно? А Бог видит скорбь твою, не укроется от Него ни одна слезинка твоя: Он не оставит тебя! Ведь Он кого любит, того и наказует! Послушай вот, что рассказывает преподобный Поликарп о Пимене Многоболезненном, который целых 20 лет лежал неподвижно, — других исцелял, а сам не хотел расстаться со своим отрадным крестом, со своими болезнями. "Блаженный Пимен больным и родился и вырос, и в недуге этом остался чист от всякой скверны, и от утробы матери не познал греха. Много раз просил он у родителей своих позволения постричься; но они, любя своего сына, надеясь и желая иметь его своим наследником, запрещали ему. Когда же он изнемог совершенно, так что отчаялись за его жизнь, — принесли его в Печерский монастырь и всех просили молиться за него, чтобы он исцелился от недуга. И много потрудились те преподобные отцы, но ничего не приносило пользы больному: его молитва превозмогла все другие. А он просил себе не здоровья, а прибавления болезней, чтобы, по

выздоровлении его, родители не взяли его против воли из монастыря. Но отец и мать сидели возле него, и не давали его постричь. И вступил блаженный и стал прилежно молить Бога, чтобы Он исполнил его желание. И вот в одну ночь, когда все спали, туда, где лежал Пимен, вошли как бы юноши светлые. В руках у них были свечи; они несли с собой Евангелие, свитку, мантию, куколь и все, что нужно для пострижения. И сказали они ему: "Хочешь ли, — мы пострижем тебя?" Он же с радостью согласился и они постригли его по чину, надели на него мантию и куколь, дали ему имя Пимен и, зажегши свечу, сказали: "Пусть не угасает эта свеча сорок дней и сорок ночей". Затем они отошли в церковь, волосы же постриженного взяли с собой в платке и положили на гробе святого Феодосия. Братия же, в соседних келлиях, слышали звуки пения и перебудили спавших вокруг них. Думая, что игумен с некоторыми братьями постригает Пимена, или что этот больной уже скончался, вошли все вместе в келлию, где он лежал, и нашли всех спящими: и отца, и мать, и рабов. Разбудили их, подошли к блаженному, и все исполнились благоухания и увидели его веселого и радостного, облаченного в иноческую одежду. И спросили его: "Кто постригал тебя?" — Больной отвечал: "Я думаю, что это игумен приходил с братией; они взяли мои волосы, и пошли в церковь". Услышав это, иноки пошли в церковь и нашли ее запертой. Разбудили пономарей и спросили: "Не входил ли кто в церковь после повечерницы?" Они отвечали, что никто не входил, и ключи у эконома. Взяли ключи и вошли в церковь. И увидели на гробе Феодосия в платке волосы Пимена. Объявили обо всем игумену, стали искать, кто постригал блаженного, и не нашли. И поняли все, что то был Промысл свыше, от Бога, тем более, что и свеча, которой бы только на день должно было стать, сорок дней и сорок ночей постоянно горела и не сгорала. И потому не стали совершать над Пименом пострижения и сказали ему: "Довольно тебе, брат Пимен, дара Божия и Им данного тебе имени". И много лет пробыл блаженный Пимен в той тяжелой болезни. Служившие ему гнушались им, и много раз, по два и по три дня, без пищи и без питья оставляли его. Он же все терпел с радостью, и за все благодарил Бога. Другой больной принесен был в пещеры и пострижен. Иноки же, приставленные служить больным, взяли его и принесли к Пимену, чтобы служить обоим за раз. Но будучи небрежны к такой службе, они и не помнили про больных, и те изнемогали от жажды. Наконец Пимен сказал другому больному: "Такой смрад от нас, что служащие гнушаются нами. Если Господь восставит тебя, можешь ли ты взять на себя эту службу?" Тот обещался блаженному до смерти своей с усердием служить больным. Тогда Пимен сказал ему: "Вот Господь снимает с тебя болезнь твою. Теперь, выздоровев, исполни обет свой и служи мне и мне подобным. На тех же, которые нерадят об этой службе, Господь наведет лютую болезнь, чтобы могли спастись, принявши такое наказание". И тотчас же больной встал и стал служить ему. На нерадивых же и не хотевших служить больным, на всех напал недуг по слову блаженного. Однажды брат, исцелившийся от недуга, погнушался смрада, шедшего от

Пимена, уклонился от блаженного и оставил его без пищи и без питья. Брат этот лежал в отдельной комнате, и вдруг огнем стало жечь его, так что он не мог встать три дня, и не стерпев жажды, начал кричать: "Помилуйте меня Господа ради! Умираю от жажды!" Услышали в другой келье, пришли к нему и, видя его в таком недуге, сказали Пимену: "Брат, который служил тебе, умирает". Блаженный же сказал: "Что человек посеет, то и пожнет; так как он оставил меня мучиться голодом и жаждой, солгал Богу и призрел мою худость, то и с ним сделалось то же. Но мы научены не воздавать злом за зло. Итак, подите и скажите ему: зовет тебя Пимен: встань и приди сюда". Только что пришли и выговорили эти слова пред больным, он тотчас стал здоров и пришел к блаженному, никем не поддерживаемый. Преподобный обличил его, говоря: "Маловерный! Вот ты здоров; теперь не согрешай. Разве ты не знаешь, что одинаковую награду получают и больной и служащий ему? Здесь и скорбь, и горе, и недуг на малое время; а там радость и веселие, и нет там ни болезни, ни печали, но жизнь бесконечная. Для того-то я и терплю так, брат мой. Бог же, чрез меня исцеливший тебя от твоего недуга, может и меня поднять с постели и исцелить мою немощь; да я сам не хочу. Лучше мне всему изгнись в этой жизни, чтобы только там тело мое было без тления, и смрадный запах обратился бы в неизреченное благоухание. Апостол говорит о скорбях: если вы наказание терпите, то Бог поступает с вами, как с сынами. Если же остаетесь без наказания, то вы незаконные дети, а не сыны (Евр. 12; 7, 8). И Господь сказал: «терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21; 19). И двадцать лет лежал преподобный Пимен в таком страдании. В день же своего преставления преподобный Пимен выздоровел. Он обошел все келлии, и кланяясь всем до земли, просил прощенья, и объявлял о своем исходе из этой жизни. Больным же он говорил: "Братья и друзья мои! встаньте и проводите меня". И тотчас, по слову его, отступала от них болезнь, они делались здоровы и шли с ним. Сам же он, вошедши в церковь, причастился животворящих Христовых Таин; потом взял свою постель и пошел к пещере, хотя никогда в ней не бывал и никогда от роду не видал ее. Вошедши, он поклонился на месте погребения святого Антония и показал место, где положить его. Потом блаженный сказал: "Вот пришли постригшие меня, хотят меня взять". И с этими словами лег и почил о Господе, и положили его в пещере с великой честью.

Видишь, друг мой, болезнь есть такая же милость Божия, такой же дар Божий, как и здоровье. Хочешь ли убедиться в том своим опытом? Есть средство дивное: оно может самую скорбь твою обратить в утешение, так что крест болезни будет для тебя воистину отрадным крестом. — Какое же это средство? Да очень простое: возблагодари Господа от всего сердца за болезнь твою, скажи: "Господи! Ты лучше меня знаешь, что для меня полезнее, Ты послал мне болезнь, значит так надобно, и слава Тебе, Господи, что сподобил меня грешного потерпеть хоть немного за грехи мои!" Скажи так: и верь, брат мой, тебе сразу легче станет; твое сердце согреется надеждою на милосердие Божие и душа твоя почувствует, что с этой минуты она на руках

Небесного Отца. Так чувствовал себя и преподобный Пимен Многоболезненный.

143. Военная служба

Когда Господь Бог поставил первого царя возлюбленному народу Своему Израилю, то сказал им: вот какие будут права Царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет и приставит их к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятиначальниками, и чтобы они делали воинское оружие и колесничный прибор его (1Цар.8; 11,12). Значит, благочестивейшие цари не по своей воле делают рекрутские наборы, а Сам Господь Бог повелевает им делать оные для охранения благоденствия своих подданных. А чтобы подданные не противились священной воле их, для того Сам Господь Бог строго заповедал повиноваться им во всем: всякая душа, говорит слово Божие, да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение (Рим. 13; 12). Видите, братия мои, как тяжело грешит пред Господом Богом тот, кто под каким бы то ни было предлогом старается уклониться от воинской повинности, не хочет служить в Христолюбивом воинстве, быть защитником православной веры Христовой и святых храмов Божиих от врагов нечистивых, подвизаться за помазанника Господня — царя православного. Нет, не ожидай себе такой человек милости от Бога; не будет над ним во веке благословения Господня! Мало того, что тяжкий грех уклоняться от воинской службы, — великий грех и печалиться о том, или идти в службу с неохотою. Ибо, когда слово Божие заповедует нам повиноваться властям, то говорит: надобно повиноваться не только из страха, но и по совести, т.е. не по страху только и не по виду исполнять должно повеления начальства, а от всей души и от чистого сердца, как пред Богом. Тогда только наше повиновение воле начальства будет угодно и приятно Богу, и будет вознаграждено сторицею от руки Господней; а в противном случае оно не только не будет угодно Богу, но и вменится нам в грех, ибо «проклят всяк, творящий дело Божие с небрежением», т.е. без усердия и охоты, — так говорит святое слово Господне! Потому-то я и умоляю вас, православные, — не берите тяжкого греха на свою душу, не бесчестите святого и богоугодного дела печалью неуместною, скорбью богопротивною. Пусть каждый отец отпустит сына на службу царскую, как бы на службу Самому Царю Небесному, с радостью и веселием, напутствовав его родительским благословением! Тогда Господь Бог, видя твое усердие, ниспошлет благословение Свое на весь дом твой, как ниспослал на дом праведного Авраама, не пощадившего ради Господа единородного своего сына. Пусть каждый сын, кому достанется счастливый жребий быть защитником православной веры и Церкви, слугою царя православного,

примет сей жребий с охотою, как бы принял его от руки Господней, — пойдет на службу царскую с усердием и святым обетом служить верою и правдою. Тогда Господь Бог примет самоотвержение его как чистую, святую жертву, благословит его усердие, вознаградит послушание Своею милостью. Военная служба есть дело отечеству полезное и для нашего собственного благополучия необходимое. Если бы, — чего, слава Богу, еще от роду у нас не было, — если бы — говорю — все воспротивились идти в военную службу, служить царю и отечеству: то скажите мне, что было бы тогда со стариками хилыми, с нашими детьми и внучатами несмысленными? Тогда из нашего же народа собралась бы шайка разбойников, каковых много бывало у нас в старинные годы, начали бы грабить и жечь, увечить и убивать всякого; и усмирить их было бы некому. И такие бедствия терпели бы мы от своих единоплеменцев, от русских же людей. Что же сделали бы с нами враги иноплеменные, когда увидели бы, что у нашего батюшки-государя нет воинства Христолюбивого, и некому защитить и охранять богатую землю русскую? Для сего довольно припомнить старинные времена, когда у благоверных князей и царей наших не было еще наличного воинства. Тогда бывало, то ханы татарские со своею ордою некрещеною, то немцы Ливонские ворвутся в наше любезное отечество, сожгут и истребят города знаменитые, опустошат селения мирные; а дряхлых стариков, слабых, беззащитных матерей с детьми малолетними, и всех от малого до великого либо побьют, либо в неволю уведут; всю же казну царскую и драгоценную утварь церковную заберут и увезут в свои таборы. А теперь — сами видите — все это у нас вывелось; мы спокойно живем в домах своих, не страшась злодеев и разбойников, весело засеваем поля свои, не боясь, чтобы достались они врагу иноплеменному. Кто ж причиною сему? Наши ангелы хранители — воины Христолюбивые. Кто не слышал, как богоотступные французы в 1812 году наводнили своими несметными полчищами землю русскую, начали грабить и жечь города и селения наши, осквернять святые храмы Божии, мучить и убивать православных русских жителей? Что было бы тогда со всею землею русскою, если бы у батюшки нашего Государя Александра Павловича не было храброго воинства? Положим, что русские люди все, от старого до малого, вооружившись чем-нибудь, двинулись бы на супостата. Но, не зная искусства ратного и порядка воинского, они скоро сложили бы свои головы и отдали на разграбление свою любезную родину.

После сего, сами судите, не явный ли изменник своему отечеству, враг своей родины, кто убегает от службы государевой? — Итак, отцы и матери благочестивые! Сами вы видите, какой великий грех пред Богом, какой вред для отечества и для нашего собственного благополучия уклоняться от службы воинской. Потому, если кто из вас осмелится каким-нибудь образом укрыть детей своих от службы царской, или, если кто-нибудь из детей ваших вздумает своими руками изувечить себя, чтобы сделаться негодим для службы государевой, то — скажу прямо — пусть такие люди в церковь Божию и глаз своих не показывают; пусть лучше слывут явными

богоотступниками, живут между бусурманами некрещеными, а к православным Христианам никогда не причисляются. За что православному царю нашему держать таких людей в своем государстве? За что ему и хлебом их кормить, когда они сами добровольно отрекаются служить отечеству, защищать Церковь Божию от врагов нечестивых? — Послушайтесь же Божия повеления, отпустите детей своих с родительским благословением — служить Богу, царю и отечеству. Отпустив с Богом одного сына, вы с целою семьей своей будете жить в мире и спокойствии в домах своих. Христолюбивые воины — дети ваши кровные скорее согласятся положить жизнь свою на сражении, нежели впустить врага иноплеменного на святую землю русскую — туда, где живут их отцы и матери, сестры и братия, жены и дети малолетние. — Отпустите!.. Но легко ли, скажешь ты, родительскому сердцу отпустить родное детище на чужую сторону, на службу тяжкую? Что говоришь ты, любезный? Ты отдаешь сына своего не в чужие руки, а общему отцу нашему православному, государю, который любит храбрых воинов своих как детей родных, не щадит для них ни казны своей, ни наград всяких. Ты отпускаешь сына своего не на чужую сторону, а в православную землю русскую, которая всем нам родная мать, которая всегда ласкова и приветлива к защитникам своим — Христолюбивым воинам. И вы сами, православные, не почитаете ли священною для себя обязанностью накормить и напоить, обогреть всякого воина? — Тяжела служба воинская? Но какая же, друг мой, есть служба не тяжелая? И неужели ты сам, как добрый отец, позволил бы сыну своему сидеть целый день, сложа руки, или ходить без дела по улицам? Не заставил ли бы его работать у себя — на поле, или на гумне, с утра до вечера? Тяжела служба только для ленивых и негодяев, которых не жалуют нигде, ни в деревне, ни в городе, ни в крестьянском быту, ни в военной службе, а для честных и добрых людей нет лучше и священнее службы, как служба православному царю. Нет лучше и почетнее звания, как звание защитника веры и отечества; нет лучше и славнее смерти, как положить живот свой за царя — отца своего, за святую веру и Церковь Христову, за любезное отечество свое — православную землю русскую.

(Из "Воскресного Чтения", 1842)

144. Праздники – дни Божии, а не наши

Бог выше места и времени: Он — вечный, везде Суший и все наполняющий, а потому все создания и славят Его на небе и на земле и «на всяком месте владычества Его» (Пс. 103; 22). Однако же Он хочет, чтобы было еще особое место для поклонения Ему, чтобы был храм, который мы называем церковью, домом Божиим, домом молитвы: храм Мой — «храм молитвы наречется» (Мф. 21; 13). Он, на всякое время и на всякий час покланяемый и славимый, хочет, чтобы для Его прославления было также определено особенное время, особые дни, которые мы называем праздниками: «день же седьмый суббота — праздник Господу Богу твоему».

Значит, как храм Божий есть место, посвященное только Богу, где мы не можем ничего другого делать, как только служить Богу совершением таинств и других священных последований, так и праздник есть время, посвященное только Ему же, Единому Богу, и мы не можем в это время ничего делать для себя, а все только во славу Божию. "Смотрите, — говорит Господь израильтянам, — «субботы Моя сохраните: осквернивший субботу смертию умрет» (Исх. 31; 13,14). Кто не будет сохранять дней святых, того смерти предаю: «потребуется душа та от среды людей». Целых шесть дней даю Я вам на работу, а седьмой оставлю на служение Мне". Так повелевает четвертая заповедь Божия, так повелевает Сам Бог; Он угрожает евреям смертью за нарушение сей заповеди; Он мог бы повелевать, если бы восхотел, из семи дней в неделе шесть дней работать на Него, а один на себя; но Он оставил нам шесть дней, и только один уделил Себе, да и то для спасения нашей же души. Сей закон Бог освятил примером Своим: мог Он сотворить весь мир в один день, в одну минуту, однако же восхотел сотворить его в шесть дней, а в седьмой почил от дел творения. Так свят этот закон, так неотложно обязаны мы соблюдать эту заповедь Божию! Вместо седьмого дня — субботы, мы, христиане, празднуем первый день недели, и это потому, что в сей день Господь наш Иисус Христос родился, в сей день Он воскрес из мертвых, в сей день послал Духа Своего Святого. Вот почему все воскресные дни всего года уставами святой Церкви отнесены к праздникам; эти дни — Божии, а не наши, а потому и делать в эти дни должно только то, что служит во славу Божию и во спасение наше. Но что же делает зависть сатаны? Он созывает своих сообщников бесов и говорит им: «приидите и отставим вся праздники Божия от земли» (Пс. 73; 8). Не допустим мы, чтобы в эти дни славилось имя Божие, помешаем в том христианам, умножим для них работ и забот, чтоб некогда было и в праздники в церковь сходить: «отставим все праздники Божии от земли!» И первый, кто привел в исполнение этот умысел диавола, был фараон. Говорил ему Моисей от лица Господа Бога Израилева: «отпусти люди Моя, да праздник сотворят Мне в пустыне» (Исх. 5; 1). — "А кто такой Бог Израилев? — гордо ответил Моисею безбожный мучитель: — и что это за праздники? Я не хочу, чтобы вы были без дела: «идите кийждо вас на дела своя» (Исх. 5; 4)!" И он отдал приказ приставникам над работами, чтобы они увеличили тяжесть работ, чтоб евреи об отдыхе и о праздниках и думать не смели. — Что делал тогда фараон с евреями, то же самое делает ныне диавол с христианами. Настанет праздник Господень, надобно бы от попечений мирских удалиться, нужно бы в храм Божий пойти, Богу помолиться, душою и телом отдохнуть, а враг шепчет человеку: ну что за праздник? Что за обедня? Занимайся каждый своим делом — «идите кийждо вас на дела своя!» Что тебе до праздника? — говорит он мастеровому человеку: — dokonчи лучше работу свою, лишняя копейка тебе пригодится. А ты иди на биржу или в лавку свою, — подсказывает он купцу: — посмотри, как у тебя там идут дела, как спееется торговля твоя. — Ты побывай у такого-то вельможи, — шепчет враг знатному человеку: — дивлюсь я тебе, что ты разбираешь какие-

то праздники, когда у тебя столько нужных дел! Какие тут обедни, когда надобно тебе побывать там-то, повидать такого-то; зачем тебе служба церковная? Ведь ты не монах! Иди, лучше своим делом займись: «идите кийждо на дела своя!» Так-то расточает свои советы диавол, а христиане его слушают... Но этого мало: как фараон вдвое увеличивал евреям работы, когда они хотели праздновать свои праздники, так и диавол в праздники задает дел вдвое и втрое больше, чем в будни, и тебе некогда бывает и подумать, что сегодня праздник, а не то, что в церковь сходить! А он-то, враг твой, радуется, а он-то повторяет: «приидите отставим вся праздники Божия от земли!» Знаю, что ты скажешь мне: "Я пропускаю обедню по нужде; мне вот надобно повидаться с таким-то, в другое время его и дома не застанешь; мне вот надобно окончить это дело, его завтра нельзя будет сделать". — Безрассудный! И это ты считаешь делом нужным? А спасение твоей души разве не нужное дело? То и это сделать признаешь за нужное, а исполнить заповедь Божию — не нужно? Ведь преступление ее — смертный грех! Иуда умел оценить миро: "Его бы можно было продать за триста сребренников", — сказал он; а Христа — бесценное сокровище неба и земли поставил ни во что: — «что ми хотите дати, и аз вам предам Его». Вот также рассуждаешь и ты. Свои торговые дела, свидание с кем-нибудь и тому подобное считаешь делом нужным и великим, а заповедь Божию, которую ты преступаешь с утратою своего спасения, вменяешь ни во что. Или ты думаешь, что теряешь время, когда слушаешь обедню или слово Божие! Нет! Ты не теряешь его, а приобретаешь! Ты отдаешь то время Богу, а Бог воздаст тебе с избытком! В нужном деле положишься на волю Божию, а Бог уж знает, как устроить все ко благу твоему. Когда евреи были в пустыне, Бог посылал им манну каждый день, кроме субботы, чтобы они не нарушили заповедь о праздновании сего дня, собирая эту манну; и тем научил их, что не даст Он Своего благословения на житейские дела в этот день. Итак, если мы работаем в праздник, то нет благословения Божия на наших делах, на них тяготее клятва Божия, всякая прибыль от них разлетится по ветру, и не будет для них счастливого конца. «Постав паучинный ткут, — говорит о таких людях Пророк, — постав их не будет на ризу — не пойдет в дело, — дела бо их — дела беззакония» (Ис. 59; 5-6).

Но как проводить нам праздники? «Упразднитесь и разумеете, яко Аз есмь Бог», говорит Господь. Оставьте всякое дело житейское, и ум ваш устремите ко Мне. Как в церкви мы стоим чинно и благоговейно, потому что она — дом Божий, так в праздник нам надобно вести себя и в церкви и дома чинно и благоговейно, потому что этот день — Божий. Грех в церкви есть святотатство, грех в праздник есть тоже святотатство. Грех в праздник много тяжелее греха в будни. «Осквернивший его, то есть, праздник, смертью да умрет», — говорит Господь. Праздник — день святой и проводить его надобно свято. Сходи в церковь, послушай службу Божию, особенно обедню, почитай дома слово Божие или жития святых, помолись с домашними, посети болящего, утешь печального... Показывай в праздник добрые дела, а

не красивые одежды. — А мы только то и считаем за праздник, когда мужчина нарядится не хуже женщины, а женщина разукрасит себя точно идол! Ходят в церковь себе принимать поклоны, а не Богу воздавать поклонение. Жалко смотреть и стыдно говорить, как нынешние христиане проводят праздники! Шесть дней мастеровой человек трудится и держит себя везде скромно, воздержно и прилично; а придет праздник, он напьется до безумия, так что праздник делается каким-то торжищем пьянства! Говорить ли, что бывает на этом торжище? Что скажет святитель Николай Чудотворец и другие угодники Божии, когда христиане празднуют их праздники плясками да песнями, буйством да пьянством? Так ли надобно освящать дни святые? Или праздники нам на то даны, чтоб еще больше мучить душу грехами, и ждать, пока прогневанный Господь скажет нам то же, что сказал евреям: «праздников ваших ненавидит душа Моя» (Ис. 1; 14)... Братие мои! Господь велит святить святые дни; будем же освящать их добрыми делами, молитвою и исправлением самих себя!.. Аминь.

(Из "Поучительных Слов " святителя Илии Минятия _

145. Вельможи Царя Небесного

«Блажен разумевай на нища и убога: в день лют избавит его Господь» (Пс. 40; 2).

Филарет Милостивый, будучи уже именитым вельможею в Царьграде, однажды говорит своим семейным: "Хотелось бы мне приготовить хороший обед, да позвать в гости самого государя со всеми знатными его вельможами. Что вы на это скажете?" — Понятное дело, что домашние его были очень рады видеть у себя таких дорогих гостей, и со всем усердием взялись за изготовление всего нужного для пира. А праведный старец между тем пошел по городским улицам и переулкам и набрал там до двухсот нищих и калек; тут были и слепые и хромые и вовсе безногие, были и старики беспомощные, и всякие несчастные, даже зараженные проказою, — всех их милостивый хозяин привел за собою к воротам своего дома. Сказав им, чтобы они подождали его тут, он входит в дом и говорит домашним: — "Царь идет и вельможи с ним; все ли готово у вас?" Когда ему отвечали, что столы накрыты, кушанье готово и все в порядке, Филарет приказывает своему сыну, — а сын у него был в то время уже важным сановником при царском дворе, — и внукам своим, чтобы они не позволяли рабам служить при столе, а сами бы прислуживали таким знатным гостям. Затем он подходит к окну и рукою подает знак, чтобы нищие и калеки шли в его палаты. И вот, вместо царя с вельможами, к нему пожаловали вельможи Царя Небесного, бедные и беспомощные, а среди них невидимо посетил дом милостивца и Сам Господь, Царь Небесный, Который Своими пречистыми устами изрек: «аминь глаголю вам: понеже сотвористе единому сих братии Моих меньших, Мне сотвористе» (Мф. 25; 40). И с каким радушием, с какою любовью кроткий старец угощал своих дорогих гостей! Мало того, что он всех их

накормил: он дал каждому из них еще по златнице на дорогу. Так исполнил он заповедь Спасителя: «егда сотвориши обед или вечерю, не зови другое твоих, ни братии твоея, ни сродник твоих, ни сосед богатых, еда когда и тии ты такожде воззовут, и будет ти воздаяние. Но егда твориши пир, зови нищия, маломощным, хромья, слепыя, иже не имут ти что воздати» (Лк. 14; 12-14). И хорошо рассудил праведник, когда несчастных бедняков назвал вельможами Царя Небесного: много могут у Господа Бога эти вельможи — нищие и убогие своими молитвами! Уж в какой нищете находился сам праведный Филарет: случилось — на стол нечего было подать; но по молитвам тех бедняков, с которыми он делился последним куском хлеба, Бог благословил его таким счастьем, о котором ему и во сне никогда не мечталось: Филарет сделался дедом самого императора Греческого, который женился на его внучке родной! И мало ли подобных рассказов мы читаем в жизнеописаниях людей богоугодных! Много может молитва праведника за грешника, но не меньше может и молитва бедняка за благодетеля. И особенно дорога эта молитва тогда, когда благодетелю грозит какая-нибудь опасность, какая-либо беда. Вот тут-то нищие и убогие своими молитвами могут сделать гораздо больше, чем все вельможи земные. В книге "Луг Духовный" есть такой рассказ одного Тирского купца, по имени Мосх. "Когда я был сборщиком пошлины в таможне, в поздний вечер пошел я купаться, и на дороге увидел женщину, стоявшую в темноте, и подошел к ней. Она в слезах громко вскрикнула: "Горе мне несчастной!" Я содрогнулся и спросил ее, что это значит? Она, заливаясь слезами, отвечала: "Муж мой, купец, потерпел кораблекрушение и лишился всего, и своего и чужого, и находится в тюрьме за чужое. Я, не зная что делать, и как добыть ему хлеб, решила отдать тело свое на бесчестие, чтобы как-нибудь иметь хлеб; ибо все у нас расхитили". Я спросил ее: "Как велик долг его?" Она отвечала: "Пять фунтов золота". Я взял золото и, отдавая ей, сказал: "Вот, отдай золото, выкупи мужа своего, и молитесь за меня". Спустя несколько времени, дошла к царю клевета на меня, будто я расточил все, производя торговлю. Царь послал отобрать в казну дом мой, а меня нагого взяли в Константинополь и посадили в темницу, где я долго пробыл в одной ветхой рубашке. Я каждый день слышал, что царь хочет лишить меня жизни, а потом отчаивался в жизни своей. Раз в слезах и скорби я заснул и вижу как бы ту женщину, которой муж был некогда в темнице; она говорит мне: "Что с тобою, господин Мосх? За что ты содержишься здесь?" Я отвечал: "Меня оклеветали, и думаю, что царь умертвит меня". Она сказала мне: "Хочешь ли, я поговорю о тебе с царем, и он отпустит тебя?" Я сказал ей: "А знает ли тебя царь?" Она отвечала: "Знает". — Затем проснулся я, и недоумеваю, что такое? Но когда я задремал, она опять во второй и в третий раз говорила то же: "Не бойся, — он завтра тебя освободит". На рассвете, по повелению царя, взяли меня во дворец. Когда я вошел, царь сказал мне: "Я прощаю тебя, — только исправься", велел возвратить мне мое имущество, и сделал меня даже начальником области. В ту же ночь явилась мне опять та женщина и сказала

мне: "Знаешь, кто я? Я — та самая, которой ты оказал милость, боясь Бога. Вот и я освободила тебя от опасности. Видишь человеколюбие Божие: как Он чрез меня, которой ты оказал милость, явился к тебе милосердным!"

Другой поучительный рассказ заимствуем из жизнеописания одного нашего русского старца — подвижника отца Назария, игумена Валаамского. Это было в царствование блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича. Отец Назарий был строгий подвижник; его знали и уважали даже многие знатные вельможи в Петербурге. Вот один из этих-то почитателей старца, господин К., человек добрый и благочестивый, имел несчастье подвергнуться немилости Государя: на него возвели какую-то клевету, отдали под суд и дело грозило ссылкой в Сибирь или тюрьмой. Несчастный вельможа был так поражен своим горем, что заболел и слег в постель. В это время отец Назарий, по делам обители, приезжает в Петербург. Супруга господина К., тоже женщина добродетельная, узнала об этом и поспешила пригласить отца Назария к себе в дом, чтобы утешить ее скорбящего мужа. Она встретила отца Назария словами: "Помолись, отец Назарий, чтобы дело моего мужа получило добрый исход!" — "Хорошо, — сказал ей старец: конечно, надобно молиться Господу, чтобы Он наставил Государя; но нужно попросить и приближенных Его". — "Мы, батюшка, уж кого не просили, да только надежды на них что-то мало, все отвернулись от нас", — ответила хозяйка. Она думала, что старец говорит о сановниках, близких к Государю Императору. "Да вы не тех, и не так просите, — сказал старец: — дайте-ка мне сколько-нибудь денег, я сам попрошу их за вас". — Госпожа К. тут же вынесла и подала старцу несколько червонцев. "Нет, — сказал он, — эти мне не годятся. Нет ли медных или мелкого серебра?" Подали тех и других. Отец Назарий взял деньги и ушел из дома. Уж поздно вечером он опять приходит в дом К., где его с нетерпением ожидали. Лишь только старец показался в дверях, как его засыпали вопросами: "Где был? Кого видел? Имел ли успех?" — "Слава Богу, — отвечал со спокойною уверенностью старец: — все царские приближенные обещали похлопотать за вас". Обрадованная хозяйка спешит порадовать надеждою и больного мужа, тот просит старца к себе в спальню, и зная, что отец Назарий действительно знаком с некоторыми лицами, близкими к Государю, благодарит его за ходатайство пред ним. И что же? Еще старец сидел у постели больного, как получается известие о благополучном окончании дела. Радостная весть благотворно подействовала на больного; признательный к своим благодетелям, он спросил старца: "Кто же из приближенных Государя больше других принял такое сердечное участие в моем положении?"

Тут только объяснилось, что отец Назарий ни у кого из придворных вельмож не был, никого не просил, а вместо того ходил по улицам да раздавал беднякам те деньги, которые получил от супруги господина К. "Итак, благодарите Господа, — сказал в заключение старец: Он, Милосердый, внял молитве убогих и положил на сердце доброму Государю

еще раз со вниманием пересмотреть ваше дело. Да не забывают и вельмож Его, ваших благодетелей, нищих и убогих; они много могут у Господа Бога!"

146. Снохи в семье

В житии преподобного Макария Великого есть такой рассказ: однажды во время молитвы преподобный услышал голос, говоривший ему: "Макарий! Ты не достиг еще в меру двух женщин, которые живут в таком-то городе". Смиранный старец взял свой посох, пошел в указанный город, отыскал дом этих женщин и постучался у дверей. На стук вышла женщина и с радостью встретила старца как дорогого гостя. Ее подруга была дома. Тогда преподобный обратился к ним с такими словами: "Ради вас я не поленился прийти сюда из далекой пустыни; я желаю знать ваши добрые дела: не скройте их от меня ради Господа". — "Ах, отец наш, — отвечали праведницы старцу Божию: — какие уж захотел ты найти добрые дела у мирских женщин? Живем мы в суете мирской, постоянно заняты житейскими попечениями; грехов у нас много, а добрых дел за собою не знаем никаких". — Но старец настаивал на своем, желая знать их образ жизни. Тогда они сказали ему: "Мы две снохи, жены двух братьев родных; пятнадцать лет живем мы вместе под одной кровлей, и за это время ни одна из нас не слыхала от другой слова досадного. Детей у нас нет, а если бы Господь дал их, то мы стали бы умолять Его об одном, — чтобы помог Он нам воспитать их в вере и благочестии. Не раз мы сговаривались между собой в монастырь уйти, чтобы для Господа Бога потрудиться; но как ни упрашивали своих мужей отпустить нас, никак не могли упросить. Понятное дело — они любят нас, и мы порешили не покидать их до смерти и служить для них утешением. А чтобы жизнь наша хоть сколько-нибудь походила на жизнь святых пустынножителей, мы дали пред Богом сердечное обещание — до самой смерти избегать пустых мирских разговоров, сидеть больше дома, да заниматься делом". — Выслушал преподобный этот рассказ и сказал: "Поистине Богу угодно паче всего сердечное произволение на добрые дела; стяжи каждый человек такое произволение и спасение близ тебя, кто бы ты не был и где бы ты не жил".

Как поучительно это сказание, особенно для вас, матери и жены христианки! В самом деле: что больше всего отравляет семейную жизнь, как не сплетни да ссоры женские? Что нарушает тишину и мир в семье, что заставляет родных братьев расходиться врозь, как не перебранки их жен, счеты да укоры, бесконечные жалобы мужьям, а иной раз и прямо — домашняя война? Сегодня не поделили одно, завтра побранились из-за другого, — терпят-терпят бедные мужья, смотрят-смотрят на эти бабьи раздоры, да и решают меж собой: "Нет, брат, видно нашим бабам мирно не ужиться, надо положить конец этой войне, — разойдемся -ка лучше мирно да любовно, чтобы им было нечего делить..." И расходятся, а в конце - концов и вправду бывает нечего делить, не к чему рук приложить: ведь легко сказать

— новое гнездо себе свить, домом обзавестись, хозяйство устроить!... Пока вместе живут, все спорится, все спеется, видимо Бог семью благословляет; а разойдутся — и тот и другой стали нищими... А из-за чего разорили родное отцовское гнездо? Отчего не пожилось мирно — одним домом, одною семьею? Правда, нередко и мужья бывают неправы: один запьет, а другой работать за него не хочет: но, право же, гораздо больше вины ложится на их безрассудных жен! И ничем столько не грешат женщины, как своим злым языком! Обо всем они судят и рьят, до всего им дело, редкий день всех соседей не переберут по косточкам, всем и всему от них достается!.. Так и в семейных делах: где бы помолчать, а безрассудная женщина на одно слово скажет десять; где бы уступить, — она ни за что; свекровь, как старшая в доме, дает ей дело по хозяйству, а она начинает ей грубости говорить... А сколько греха бывает у них между собою, между снохами — и не перечтешь! Недаром сложилась пословица: "чем больше баб в семье, тем больше греха в избе". И почему бы кажется не жить мирно да ладно? Уж если бы делить что в доме, то никак не женам, а мужьям их: ведь они хозяева в доме, они настоящие скопидомы, а жены — знай каждая свой уголок, знай своих детей да слушайся старшей в доме хозяйки! Так нет же, — каждой хочется наибольшей быть, каждая хочет распорядиться другими: "ты умна, а я умнее тебя; а вот же не пойду, не сделаю, поставлю на своем..." А не удалось в слезы да к мужу с жалобой! — Бедные мужья! Усталые они пришли домой с тяжелой страдной работы полевой; пот льет ручьями с их загоревшего лица, рубахи на них — хоть выжимай, ноги едва плетутся, только бы отдохнуть да подкрепиться трудовым куском, а их встречают жены с жалобами: горшки не поделили, свекровь забирает, из-за ребят перессорились... Неразумные! Пожалейте хоть мужей своих — тружеников, пощадите их, дайте им вздохнуть хоть немного: посмотрите, как они устали — измучились! А вы пристаёте к ним еще со своими ссорами да раздорами, с жалобами да укорами... Да если бы и не поладили вы в чем между собою, не доводите дела до мужей своих, — право же им не до ваших ссор; помириться сами, как знаете, не тревожьте их — своих тружеников! Если жена крепко любит своего мужа, то и виду не подаст ему, что огорчена чем-нибудь: она встретит его ласково — приветливо, постарается успокоить его, чтобы вышел он завтра на работу с новыми силами, с душою спокойною. Ведь тогда он и сделает-то за двоих, да и тебя-то вдвое крепче будет любить: ведь сердце сердцу весть подает.

Подумайте еще, какой вы пример подаете своим детям? Будут ли они уважать и любить своих бабушек и тетушек, с которыми вы то и дело ссоритесь? Будут ли они дружно и мирно между собою жить, когда их матери то и дело перебраниваются? Ведь вы и за себя и за них, и еще больше за них Богу ответ дадите! Горе тому, кто малое дитя соблазнит, говорит Спаситель наш: а разве вы не соблазняете их дурным примером своим, разве они не учатся, смотря на вас, ссорам да брани? Пожалейте же их, пожалейте себя, пожалейте мужей своих! Живите между собою так, как жили те две

праведницы, которых преподобный Макарий нашел; живите дружно да любовно, и вы будете истинным утешением, настоящими помощницами в жизни своих мужей. Кротость, молчаливость, послушание мужу — вот лучшее украшение доброй жены-христианки, вот «ее нетленная красота», которую восхваляет и святой Апостол Петр, называя ее «драгоценною в очах Божиих» (1 Пет. 3; 34). Кротость, молчаливость и любовь к мужу — вот ваши сильные средства, при помощи которых вы можете много — много делать доброго! Чего не может сделать доброе слово любящей жены? Чего не сделает муж для любимой подруги? Если уж он, не жалея души своей, часто решается на грешное дело, только бы угодить жене, то ужели он не послушает ее доброго совета на доброе дело? Да только бы она сама стоила любви его, только бы сумела заслужить эту любовь, а уговорить мужа, чтобы он бросил пьянство, принялся за хозяйство, помирился с братом — добрая и умная жена сумеет... Матери и жены-христианки! К вам нынешнее слово мое. Помните: вы сестры между собою, семья — ваш общий улей: будьте же мирными пчелками Божиими трудолюбивыми! Свекровь — это мать ваша, не можете ее оскорблять чем-нибудь! — Кто родителей почитает, тот вовек не погибает, слушайтесь ее, любите, как любила свою свекровь она древняя Руфь, которая и по смерти своего мужа не захотела расстаться с его матерью, ушла с нею на чужую сторону: — "Куда ты пойдешь, туда и я пойду, — говорила она свекрови своей, — где ты будешь жить, там и я буду жить, твой Бог будет моим Богом, твой народ — моим народом, одна смерть разлучит меня с тобою!" И за то наградил же ее Господь: она была праматерью Царя Давида, а от Давида — вы знаете — произошел Сам Господь наш Иисус Христос. Вот чем наградил Господь верную сноху за то, что не покинула своей свекрови в несчастии, поделила с нею ее долю сиротскую!..

147. Вифлеем

«И ты, Вифлееме, земле Иудоеа, ни чимже менши еси во владыках Иудовых, из тебе бо изыдет Вождь, Иже упасет люди Моя, Израиля» (Мф. 2; 6).

Вифлеем — это благословенная родина Господа нашего Иисуса Христа! Кому не знакомо это дорогое имя с самого раннего детства? Кто из нас не слышал его еще в те счастливые годы, когда, бывало, мы, малютки, с открытыми устами слушали рассказы родителей наших о том, как родился на земле Спаситель наш, и эти дивные рассказы печатлелись неизгладимыми чертами в наших невинных сердцах! О, с каким восторгом мы уносились тогда мыслями в этот неведомый нам, но уже дорогой нашему сердцу уголок святой земли! В нашем детском воображении живо представлялись тогда и темный вертеп, и скромные ясли, и волхвы-мудрецы, и пастыри-простецы, и чудная звезда, и Небесные Ангелы с их дивною песнью, а там в вертепе, около яслей, прекрасный старец — Обручник Пресвятой Девы и нареченный отец Сына Божия, и Сама Она — в женах Преподобная, а в яслях тех

Господь наш яко Младенец, повитый пеленами, яко Отроча младо — Превечный Бог! И теперь сердце радостно бьется при размышлении о всем, что совершилось в ту благословенную ночь, когда в Вифлееме родился Спас миру — Христос, и теперь на душе становится легко и отрадно при одном упоминании священного имени Вифлеема.

Вифлеем находится в двух часах пути на юг от града Иерусалима; он расположен на горе, покрытой роскошными садами фигов, маслин, гранатов и виноградников. Вся окрестность дышит свежестью и каким-то веселием: куда ни взглянешь — везде видны горы и долины в зелени садов, а в разных местах среди деревьев высятся сторожевые башни, что много украшает этот счастливый городок. Когда любишь на эти живописные окрестности, говорит один путешественник, то невольно припоминаешь все те библейские события, какие совершились здесь. Вон вдали виднеется небольшое четырехугольное здание, накрытое куполом: это могила прекрасной Рахили, нежно любимой супруги праотца Иакова; здесь она умерла, была им оплакана и погребена близ дороги в Вифлеем. А вот и развалины той Рамы, о которой упоминал Пророк, предсказывая избиение невинных младенцев Вифлеемских: «глас в Риме слышан бысть плача и рыдания и вопля: Рахиль плачущися чад своих, и не хотяше утешитися, яко не суть!» Вот нивы, на которых бедная Руфь собирала позади жнецов колосья, чтобы прокормить свою престарелую свекровь, которую она любила как мать, за что и наградила ее Господь великим счастьем: она сделалась женою почетного и богатого жителя Вифлеемского Вооза. А там, внизу, в долинах Вифлеемских и по окрестным плодоносным холмам, богатым родниками сладкой воды, пас стада отца своего прекрасный правнук Руфи — юноша Давид; там он вступал в бой со львом и медведем, защищая свое стадо, и там же играл на арфе и пел свои дивные псалмы; многие псалмы поют об этих горах, в которых он знал каждое ущелье, каждую пещеру, каждый источник прохладной воды. В этих горах не раз укрывался он от Саула, когда тот повсюду гонялся за ним, как за беглым рабом или каким-нибудь злодеем. И вспоминаются трогательные, умоляющие слова невинно гонимого, кроткого юноши, обращенные к злобному гонителю: "За что господин мой преследует раба своего? Что я сделал? Какое зло в руке моей? Сам Бог пусть рассудит между мною и тобой, ты гоняешься за мною как гоняются за куропаткой по горам!" (1 Цар. 26; 18-20, 24; 13). Здесь, в Вифлееме, отыскал его Пророк Самуил и впервые помазал на царство, и когда Давид сделался Царем в Израиле, то Вифлеем стал называться почетным именем города Давидова. А вот и кладезь Давидов, из которого он, томимый жаждою, пожелал напиться в то время, когда Вифлеем был занят филистимлянами; тогда трое из его храбрецов с опасностью для жизни пробрались чрез стан неприятельский и достали воды своему любимому вождю. Но мужественный Царь вылил эту воду вместо жертвы Богу, говоря: "Сохрани меня Бог! Ужели я стану пить кровь этих храбрецов?" — Вслед за тем он разбил наголову врагов и овладел Вифлеемом. — Далее к югу, за горами находятся знаменитые пруды

Соломоновы, откуда этот премудрый царь устроил водопровод в Иерусалиме, и поныне снабжающий водою мечеть Омарову. — А вон к востоку видна прекрасная долина пастырей, поросшая плодовитыми деревьями; там они пасли стада свои в ту священную ночь, когда предстал им Ангел Небесный и сказал: «не бойтесь, се бо благовестую вам радость велию, яже будет всем людем. Яко родися вам днесь Спас, Иже есть Христос Господь, во граде Давыдове...» (Лк. 2; 10-11). И внезапно явилось с тем Ангелом множество воинств небесных, и воспели они Господу дивную песнь: «слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!..» Скольکو великих, трогательных воспоминаний!..

Храм над пещерою, где родился Господь наш Иисус Христос, высится отдельно от селения, на самом краю горы, с восточной ее стороны, и огромные стены древнего монастыря издали походят на крепость. Величественный храм построен царицею Еленою в виде креста. В западной конечности креста расположено в четыре ряда сорок восемь мраморных колонн; потолка над ними нет, а прямо на стенах положены кедровые балки и стропила, украшенные резьбою, а на них оловянная крыша. Главный алтарь стоит над пещерою Рождества Христова (изображение и краткое описание места Рождества Христова и святых яслей см. в листке № 37). Под всем храмом идут пещеры, в которых устроено несколько алтарей; там же гробница блаженного Иеронима, который много лет подвизался в этих пещерах; неподалеку от него покоятся две его блаженные ученицы — Павла и дочь ее Евстохия; они происходили из благородной римской фамилии, но променяли роскошный Рим с его богатыми палатами на эти пещеры, основали в Вифлееме несколько женских монастырей, и окончив свою труженическую жизнь у яслей Христовых, обе погребены в одной могиле. В Вифлееме насчитывается около 4500 жителей и замечательно: между ними нет ни одного еврея. Еще Тертуллиан, писатель второго века по Рождестве Христове, спрашивал евреев: "Как же вы ожидаете Мессии из Вифлеема, когда там нет ни одного из вас?" — Жители Вифлеема делают костяные и масляные четки, перламутровые кресты, образки, изображения гроба Господня и тому подобные вещи.

148. Святая Церковь – наша благодатная мать

Братие мои! Все мы зачинаемся в беззакониях, и рождаемся во грехах; а это такое несчастье, пред которым все преимущества и дары нашей природы гибнут. Какая польза, что ты человек, если в то же время ты грешник неоправданный? «Чада бывают мерзска, чада грешников; и аще родятся, на клятву родятся, аще умирают, в клятву разделены будут» (Сир. 41; 8,12). Что за радость человеку жизнь, над которою тяготеет вечное проклятие? Ах, если бы у нас было одно естественное рождение, то мы были бы несчастнее всех тварей! Если бы отцы и матери рождали детей только на грех: то лучше бы в целом мире никому не быть отцом и матерью! Если бы дети рождались

только грешными, без надежды оправдания и освящения, тогда о всех вас надлежало бы сказать то же, что Спаситель наш сказал об одном человеке: лучше было бы, если бы тот человек не родился! Но когда ваше дитя возбуждает одну жалость без надежды помочь ему обыкновенными средствами человеческими, тогда к нему и к вам спешит на помощь святая Церковь. Тогда является она истинною и богоучрежденною матерью и приемлет в свои объятия мать и дитя тотчас по рождении. Когда родившая и рожденное страдают, и когда при этом зрелище ваша душа находится в тягостном, иногда крайне сомнительном положении, тогда святая Церковь с нежнейшим участием входит в ваше положение. Вы спешите к врачам телесным; она, благословляя ваши попечения, обращается к Целителю всемирному и молит Господа Вседержителя, чтоб Он был Сам Врачом родившей: чтобы сохранил душу и тело ее от крайнего изнеможения, которое теперь весьма естественно; и чтобы скорее восстановил ее от одра болезни. Святая Церковь умоляет Владыку жизни, чтобы Он поставил небесных стражей у болезненного одра матери; оградил почивающую на нем светлыми и сияющими Ангелами, и хранил ее — больную и слабую — не только от враждебных сил невидимых, но вместе от злобных, завистливых и презорливых взглядов людских. После сего вы можете не просто успокаивать вашу больную; нет, — вы должны с благоговением приступать к одру ее: потому что здесь не вы одни, а есть лучшие вас, светносные существа. Что можете вы находить особенного в этой колыбели, в которой первый раз после утробы матерней упокоился ваш новый семьянин? Ничего, кроме обыкновенного приюта, какой вы дали слабому из слабейших существ. Святая Церковь, при взоре на колыбель дитяти, воспоминает ясли, в которых возлегал Искупитель наш, «яко Младенец, и яко Детище был восприемлем». Она умоляет Господа собственным Его младенчеством соблюдать вашего младенца «от всякого яда, от всякия лютости, от всякия бури сопротивнаго». Она молит своего и вашего Спасителя, чтобы Он и вашу мать и ваше дитя «покрыл кровом крыл своих, якоже кокош покрывает птенцов своих» (молитвы в 1-й день по рождению). Ах, братие мои, может ли быть важнее сих попечений Церкви? Может ли что сравниться с ее материнскою любовью и усердием к вам? — Святая Церковь начинает возрождение младенца наречением ему имени. Нарекая святое имя, Церковь выражает то действие, которое совершалось над Искупителем в восьмой день по закону Моисееву, и тем самым старается ближе поставить вашего младенца к его и вашему Спасителю. Вы много дорожите именами отличий, какие доставляет вам общество; вы говорите, что имя дает человеку вес и значение в свете. Разве имя церковное не дает значения вашему дитяти? Оно есть у него первая собственность, которая останется с ним на всю жизнь; оно для вас неоднократно будет служить единственным выражением нежнейшей любви и привязанности вашей. Получая имя, ваш новорожденный получает себе представителя на небе, молитвенника за себя пред престолом Божиим, — получает Ангела хранителя своей жизни, который неусыпнее вас, который

нежнее и усерднее к его спасению и безопасности, чем вы, земные отцы и матери; который разделит с вами все ваши земные, попечения о дитяти и прибавит к вашим свои небесные молитвы. К именам сынов и дочерей своих вы прибавляете фамилии ваши собственные, фамилии ваших предков, — особенно если эти предки славны. Разве менее важны и знамениты те святые фамилии, которые дает Церковь вашим детям? Вы непрестанно слышите славные имена Павлов, Иоаннов, Александров, Екатерин, Марий и множество других: разве это пустые звуки? Нет ближайшего для нас напоминания о Церкви небесной, как ваше имя, для дитяти оно есть истинный узел, связующий его с небесною Церковью, и потому — истинное благодеяние Церкви. — Когда вы помышляете о том, как бы устроить домашний праздник в честь нового семьянина вашего, Церковь заботится устроить торжество, гораздо важнейшее и для вас и для него, — заботится совершить великое и пренебесное таинство Святого Крещения. И здесь-то собственно является она матерью, рождающею Христианина; потому что Крещение есть наше духовное рождение, есть торжество благодати Божией, о котором бывает радость на небеси пред Ангелами Божиими. Может быть, ты не раз приготавливала душистые воды, чтобы погружать в них юного любимца души твоей; но что значат твои воды перед освященною водою, в которую святая Церковь погружает твое дитя? Те не могут омыть ни одного пятна болезненного на теле младенца, и худо укрепляют слабые члены его; вода Святого Крещения оmyвает древнюю, закоренелую болезнь нашу, оmyвает первородный грех. В таинстве Крещения человеку возвращается его первобытная невинность и святость, которая потеряна еще в раю. Таинством Святого Крещения крещаемый освобождается из темной области сатаны, и причисляется к сонму чад Божиих. В таинстве Крещения он сочетается Искупителю и Творцу своему, приемлет Его образ, прививается к Нему, как юная ветвь к дереву жизни. Словом, он весь пересозидается. Чело, орудия зрения, слуха и обоняния, перси, руки и ноги — все знаменуется в нем печатью дара Духа Святаго в таинстве Миропомазания. Самая одежда крещаемого, — простая и безыскусственная, цвета самого естественного — белого, получает в таинстве Крещения, характер высший и священный: она есть выражение чистой и оправданной души, паче снега убедившейся; есть указание на, одежду нетления, на облачение в заслуги Искупителя и Господа нашего: «спицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь». — В сороковой день по рождении, св. Церковь действием воцерковления спешит сретить ваше дитя и мать во храме Божиим подобно тому, как Искупителя нашего Симеон и Анна сретили в храме Иерусалимском. Действием воцерковления Церковь отверзает новорожденному вход во святой храм, и вводит его туда, как в новую вселенную, созданную и освященную Кровью Искупителя нашего. "Внидет в дом Твой, поклонится ко храму святому Твоему", — говорит при сем иерей. Действием воцерковления Церковь поставляет новорожденного среди избранных Божиих, и причисляет к лику певцов бесплотных, да славит и воспеваает Зиждителя всяческих: "посреде

Церкви воспоеет Тя". Действием воцерковления Церковь спешит представить младенца алтарю или престолу Божию в знак того, что здесь происходит новая встреча и приветствие младенца с Господом, и что отселе ваше дитя есть святая жертва, принесенная вами Богу. После сего вы можете предаваться всей родительской нежности к своим детям. Из любви к вам святая Церковь употребила сильнейшие средства (ибо ничего нет сильнее Таинств ее), чтобы даровать высшую жизнь дитяти вашему, — и даровала, оправдав его, крестив его, просветив, миропомазав, освятив и омыв во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Что такое теперь для вас дитя ваше? Он есть родной сын уже не вам одним, а вместе благодатный сын Господа, друг святых Божиих, дитя Церкви Божией, семьянин целого мира Христианского; потому что каждый Христианин, кто бы он ни был, где бы ни жил, — по духу Христианства обязан также пецись о нем, как о собственном детище. Что такое дитя ваше? Возрожденное Церковью, оно есть существо лучшее и светоноснейшее вас — есть ваша святыня, с которой вы должны обращаться не только с любовью и ласками, но и с великим уважением. Может статься, что вы давно уже потеряли святость Крещения, какую сообщила вам Церковь, и благодать Божия уже отступила от вашего дома. Теперь она опять вступила в дом ваш с вашим новорожденным, почивая на нем и готовая почить на всей вашей семье.

(Из "Бесед" Я. К. Амфитеатрова)

149. До чего ослепляет распутство!

Ангелы поразили содомлян телесною слепотою потому, что умом они уже давно сами ослепли. Когда похоть блудная усилится в человеке и обратится в привычку, то она совершенно ослепляет ум его, так что он не видит ни Бога, ни людей, ни себя самого. Он — ни Бога не боится, ни людей не стыдится, ни себя не щадит; как слепой он прямо идет к пропасти адской и, падая в нее, погибает.

Не видит ослепший умом блудник Бога, ибо не помышляет о гневе Его, не страшится Его грозного мщения. А Бог воистину гневается на того человека, который оскверняет себя блудным грехом, потому что такой человек не только преступает заповедь Божию — «не прелюбы сотвори», но и Самого Сына Божия, Христа Спасителя нашего, оскорбляет, «отнимая, - по слову Апостола, - члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы, ибо тела наши суть члены Христовы» (1 Кор. 6; 15), так что оскверняющий грехом свое тело, оскверняет в себе члены Христовы. Мы облеклись во Христа святым Крещением: «все во Христа крестившиеся во Христа облеклись» (Гал. 3; 27), чтобы быть наследниками Его Царствия. И если бы кто осмелился осквернить царскую порфиру или, лучше сказать, самого царя, то не прогневался ли бы царь на такого негодного человека? Не предал ли бы его на мучение? А блудник христианин именно это и делает: он своим грехом оскорбляет Христа, в Которого облекся. Как же не гневаться на него Христу

Богу? Как не осудить его на лютые мучения? Если в Ветхом Завете Бог не щадил развратников, а истреблял — одних потопом, а других — дождем огненным и серою горящею; то пощадит ли Он ныне, когда и заповеди Божии всем известны, и Сам Христос в телах наших обитает, да и законы гражданские угрожают казням таким нечестивцам? Как Богу не осудить на казнь вечную тех, кои, презирая все законы, не боятся никаких наказаний и грешат неудержимо? И Он будет казнить их, казнить беспощадно: «блудников и прелюбодеев судит Бог» (Евр. 13; 4), говорит святой Апостол. Он уже приготовил на них меч Свой изощренный, как это видно из Апокалипсиса Святого Иоанна Богослова. Бог ненавидит развратников как врагов Своих, потому что «плотские помышления суть вражда против Бога» (Рим. 8; 7), то есть необузданная похоть плоти — вражда на Бога. И если долготерпеливый Господь не казнит этих врагов Своих во время самого греха, ожидая их покаяния, — за то будет время, когда Он «омоет руки Свои в крови нечестивого» (Пс. 57; 11), если тот не покается. А бывает и то, что смерть застаёт нечестивцев во время самого грехопадения, как это было во время потопа и при гибели Содома и Гоморры. Да и теперь, когда блудник совершает грех свой, Бог на него гневается, как на врага Своего, над ним висит меч правосудия Божия, под ним раскрывает уста свои ад, для него возжигается геенна огненная, умножается червь неусыпающий, его ждут муки тартара и тьма кромешная, его готовы похитить руки бесовские, да и похитили бы в ту же минуту, если бы Бог попустил... Святые Ангелы не могут смотреть на него и отвращаются, святые Божии им гнушаются, Ангел хранитель плачет, демоны радуются, а он, несчастный, ни о чем и помыслить не хочет: он ослеп, не видит Бога, не видит уготованной ему гневом Божиим муки вечной!

Не видит ослепший умом блудник и людей, то есть не стыдится их, хотя и знает, что всем известно его беззаконие и все смеются над ним. А ему и дела нет до того — он потерял всякий стыд! Таков был Ирод, который отнял жену у брата своего и жил с нею без стыда.

Не видит, наконец, ослепший умом своим блудник и себя самого, — не видит того, что он теряет, каких великих благ лишает сам себя. И во-первых, он губит блага вещественные, теряет имение и богатство, приходит в скудость и нищету, как написано в Притчах: «кто знается с блудницами, тот расточает имение» (Притч. 29; 3). Пример тому — блудный сын, который расточил свое имение с блудницами и пришел в такую нищету, что рад был кормиться со свиньями. Распутство доводит до нищеты и всяких бед не отдельных только лиц, но разоряет и целые города, целые страны, отнимает у царей скипетры, делает бессильным войско. Сколько бед попусшением Божиим обрушилось на Давида, Царя Израильского, за грех прелюбодейства! Хотя самый грех и был ему прощен ради его покаяния, и он не погиб навеки, однако же подобающее за грех наказание не миновало его: на него восстал его собственный сын и он на время лишился царства; ему привелось потерпеть поношение от Семеня и много других невзгод. — Губит распутный

и блага, от самой природы ему данные, губит свое здоровье, красоту лица, светлый взгляд, приятность голоса, губит он бодрость духа, мужество, крепость и силу телесную, — все это от распутной жизни слабеет, вянет как цветок и погибает... Не говорю уже о тех несчастных, которые заражаются ужасною и мучительною болезнью распутства, которая точно червь неусыпающий съедает тело человека и делает несчастного пугалом для всех... Женатый развратник или прелюбодей теряет любовь своей жены, которая гнушается им, а иная назло мужу сама вдается в распутство. — Наконец губит несчастный и самую жизнь свою, сокращая ее невоздержанием, — он прежде времени стареет и умирает... А как часто такие люди умирают не своею смертью, — от отравы или убийства! Иные из-за распутных женщин вызывают друг друга на поединок и погибают. Но, чтобы не распространять слова, скажу, что распутный человек губит и свои душевные способности; его память изнемогает, рассудок помрачается, воля порабощена страсти, — ибо он не то делает, что хотел бы, а то, чего и не хотел бы делать, — к сему влечет его греховная привычка. Да и вообще все добродетели такого человека превращены в грехи, ибо «упражнение в нечестии помрачает доброе, и волнение похоти, - по слову Премудрого, - развращает ум незлобивый» (Прем. 4; 12). А самая незаменимая потеря для души — это лишение благодати Божией: она лишается усыновления Богу, наследия Царствия Небесного, дружества со Ангелами, общения со святыми, вечного царства со Христом и Его вожделенного лицезрения, в котором состоит все веселие, вся радость, все блаженство святых Божиих: «насыщуся», сказано, когда явится мне слава Твоя (Пс. 16; 15). И все это развращенный человек губит, и ни о чем не жалеет! А в конце концов он осужден будет на муки вечные, в огне неугасимом, где ожидает его червь неусыпающий, тьма непросветимая, тартар, которого трепещет сам сатана, — и всего этого он несчастный — точной слепой — не видит, — не хочет видеть, не хочет подумать о том!.. Он не щадит себя — прямо идет на эти лютые мучения! О, какая это ужасная слепота, которой подвергается грешник ради минутного наслаждения! Правду сказал Давид от лица такого грешника: «постигли меня беззакония мои, так что видеть не могу» (Пс. 39; 13). И вот эту-то слепоту душевную, слепоту произвольную Ангелы Божии наказали в содомлянах слепотою телесного, а потом и страшным огнем небесным: «и пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба. И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и все произрастания земли» (Быт. 19; 24,25). За разжжение похотное — огонь, за смрад греха — смрад серы... О, вы, подражатели развратной жизни содомлян! Смотрите, какая казнь вас ожидает! Если так было в Содоме — что будет в геенне огненной? Кто может описать это мучение, этот смрад, это пламя огненное? Слышите, что говорит Апостол Иуда: «Содом и Гоморра и окрестные города, подобно им блудодействовавшие, подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример» (Иуд. 1; 7) — в пример подобным им распутным нечестивцам! А что

всего ужаснее — это то, что не пощадил разгневанный Господь и грудных младенцев, греху непричастных: с виновными отцами погибли и невинные дети, хотя, конечно, милосердие Божие не попустит им страдать с отцами в муках геенны огненной... И вот, страна, которая некогда цвела аки рай Божий, стала страной смерти и ужаса за грехи человеков, обитавших в ней!.. О люди, дерзающие прогневлять Бога скверными грехами своими! Страшиться грозного гнева Божия; если не покаемся, то не минует он нас или здесь, или там, в будущей жизни!...

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

150. Благодатное врачевство против пьянства

О, пьянство —окаянство! До чего доводит оно своих неразумных приверженцев! Сколько добрых и честных людей сгубило оно, сколько семей разорило, сколько сирот пустило по миру оплакивать грехи родителей да свою долю горькую? Начинает человек с малости, пьет сначала для здоровья, после тяжелых трудов, — ну и довольно бы с него одного стакана; за это и Бог не осудит трудящегося в поте лица; так нет же: надо выпить для дорогого гостя, для приятеля, — и это бы еще не беда, если б было изредка, да умеренно, а то — ныне праздник, завтра похмелье; а там смотришь уж и привык, втянулся, пьет уж один, и чем чаще, тем больше, и с собой уж не может сладить: его так и тянет к вину, и вот он доходит до запоя, до страшной болезни, когда его испорченный желудок требует вина уж без меры, без перерыва, и — Боже мой! — кто же не знает, чем все это кончается?..

Мудрость земных врачей отказывается лечить таких несчастных; против запоя нет средств у них, нет лекарства; и нет больногo несчастнее пьяницы! Всякий другой больной находит себе хоть какое-нибудь утешение: его жалеют, о нем заботятся добрые люди; да если даже и люди покинут его, он все же может сказать себе: "Так Богу угодно, поделом мне окаянному! Накажет Бог да и смилуется!" и в этой преданности в волю Божию он может найти успокоение своей скорбящей душе. А пьяница? Его все бегают, от него отворачиваются, и — посмеет ли он, несчастный, утешить себя тем, что "так Богу угодно?" Ведь это будет богохульство; сам виноват и никто больше, — вот что скажет ему тогда его собственная совесть!..

Но чего не могут сделать люди, то силен сотворить всемогущий Господь. У Него милосердного есть верное врачевство и против этой ужасной болезни — против пьянства и запоя. Это врачевство всем доступно, всякому прикладно: оно называется покаянием. Сознай только свой грех тяжкий, очисти себя таинством Покаяния, соединишь с Господом во святом Причащении, поведай Ему беду свою лютую, болезнь неисцельную, и проси исцеления, — а Он всегда готов помочь тебе. Он скажет слово — и исцелишься ты, Он коснется тебя десницею Своей — и престанет болезнь

твоя: отскочит от тебя демон искушитель, приблизится к тебе Ангел хранитель и покроет тебя от помыслов искушительных...

Для укрепления веры кающегося есть и особые благодатные средства, силу которых опытом дознали страдавшие запоем, — это усердное чтение слова Божия и теплое сердечное призывание сладчайшего имени Господа Иисуса. Вот что пишет об этих средствах один опытный в духовной жизни подвижник. Встретился он однажды с офицером, который носил святое Евангелие у себя на груди в дорогой серебряной оправе, и усердно каждый день прочитывал по Евангелисту. Старец спросил офицера, почему он так любит слово Божие и тот рассказал ему вот что.

"Я с молодых лет служил в армии; знал службу и любим был начальством, как исправный прапорщик. Но лета были молодые, приятели тоже; я по несчастю и приучился пить; да под конец так, что открылась и запойная болезнь. Когда не пью, то исправный офицер; а как закурю, то недель шесть в лежку... Долго терпели мне, наконец за грубости генералу, сделанные в пьяном виде, разжаловали меня в солдаты на три года, а если не исправлюсь, и не брошу пить, то угрожали и строжайшим наказанием. — В сем несчастном состоянии я сколько ни старался воздержать себя, и сколько от сего ни лечился, но никак не мог покинуть моей страсти; а потому и хотели переместить меня в арестантские уже роты. Услышав сие, я не знал, что с собою делать. — В одно время я с раздумьем сидел в казармах. Вдруг вошел к нам какой-то монах, с книгой для сбора на церковь. Кто что мог, подали. Он, подошеди ко мне, спросил: что ты такой печальный? — Я пересказал ему мое горе. Монах, сочувствуя моему положению, начал говорить: "Точно то же было с моим родным братом; — и вот что ему помогло: его духовный отец дал ему Евангелие, да и накрепко приказал, чтобы он, когда захочет вина, то, нимало не медля, прочел бы главу из Евангелия, если и опять захочет, то и опять читал бы следующую главу. — Брат мой стал так поступать, и в непродолжительном времени страсть к питью в нем исчезла, и теперь вот уже пятнадцать лет капли хмельного не берет в рот. — Поступай-ка и ты так, — увидишь пользу! У меня есть Евангелие, пожалуй я принесу тебе..." Выслушав это, я сказал ему: "Где же помочь твоему Евангелию, когда никакие старания мои, ни лекарственные пособия не могли удержать меня?" (Я сказал сие так потому, что никогда не читывал Евангелия.) "Не говори этого, — возразил монах, — уверяю тебя, что будет польза..." На другой день действительно монах принес мне вот это Евангелие. Я раскрыл его, посмотрел, почитал, да и говорю: "Не возьму я его; тут ничего не поймешь; да и печать церковную читать я не привык". Монах продолжал убеждать меня, что в самых словах Евангелия есть благодатная сила; ибо написано в нем то, что Сам Бог говорил. — "Нужды нет, что не понимаешь, токмо читай прилежно. Один святой сказал: если ты слова Божия не понимаешь, так бесы понимают, что ты читаешь и трепещут; а ведь страсть пьянственная непременно по возбуждению бесов... Да вот тебе еще скажу: Иоанн Златоустый пишет, что даже та самая храмина, в которой

хранится Евангелие, устрашает духов тьмы и бывает неудобоприступна для их козней". — Я взял Евангелие, положил в сундучок с прочими моими вещами, да и забыл про него. — Спустя несколько времени пришло время мне запить: смерть захотелось вина, и я поскорее отпер сундучок, чтобы достать деньги и бежать в корчму. Лишь только я открыл крышку, первое попало мне в глаза Евангелие, и я вспомнил все то, что говорил мне монах. — Развернул я начал читать сначала первую главу от Матфея. Прочитав ее до конца, именно ничего не понял; да и подумал: "Монах сказал, что тут писано то, что Бог говорил; а тут одни только какие-то имена... дай прочту другую главу". Прочел, и стало понятнее. — Дай же и третью... Как только ее начал, вдруг звонок в казарме: к местам на койки. Следовательно уже идти за ворота было нельзя; так я и остался... Вставши поутру и расположившись идти за вином, подумал: "Прочту главу из Евангелия; что будет?" Прочел и не пошел. Опять захотелось вина, и еще стал читать, и сделалось легче. Это меня ободрило; и при каждом побуждении к вину, я стал читать по главе из Евангелия. Что дальше, то все было легче, наконец, как только окончил всех четырех Евангелистов, то и страсть к питью совершенно прошла, и сделалось к ней омерзение. И вот, ровно двадцать лет я совершенно не употребляю никакого хмельного напитка. — Все удивлялись такой во мне перемене; по прошествии трех лет опять возвели меня в офицерский чин и наконец сделали командиром. Я женился, жена попалась добрая, нажили состояние, и теперь, слава Богу, живем да по силе-помочи бедным помогаем, странных принимаем. Вот уже и сын у меня офицером, и хороший парень. Слушай же, с тех пор, как я исцелился от запоя, дал себе клятву: каждый день, во всю мою жизнь читать Евангелие, по целому Евангелисту в сутки, не взирая ни на какие препятствия. Так теперь и поступлю; если очень утомлюсь, то вечером лягу в постель и заставлю прочесть надо мною целого Евангелиста жену мою, или сына моего. — В благодарность и во славу Божию, я это Евангелие оправил в чистое серебро, и ношу всегда на груди моей". — Со сладостью я выслушал сии речи капитана, и сказал ему: "Такой же пример видел и я; в нашем селе, на фабрике, один мастеровой был очень искусный в своем деле, добрый и дорогой мастер; но, по несчастию, тоже запивал, да и часто. Один богобоязненный человек посоветовал ему, чтобы он, когда захочется ему вина, то проговаривал бы: "Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного", — тридцать три раза, по числу тридцатитрехлетней земной жизни Иисуса Христа. Мастеровой послушался, стал это исполнять, и вскоре совершенно кинул пить; да еще что же? Чрез три года ушел в монастырь. — "А что выше, — спросил капитан: — Иисусова молитва или Евангелие?" — "Все одно и то же, — отвечал я, — что Евангелие, то и Иисусова молитва, ибо Божественное имя Иисуса Христа заключает в себе все Евангельские истины. Святые отцы говорят, что Иисусова молитва есть сокращение всего Евангелия".